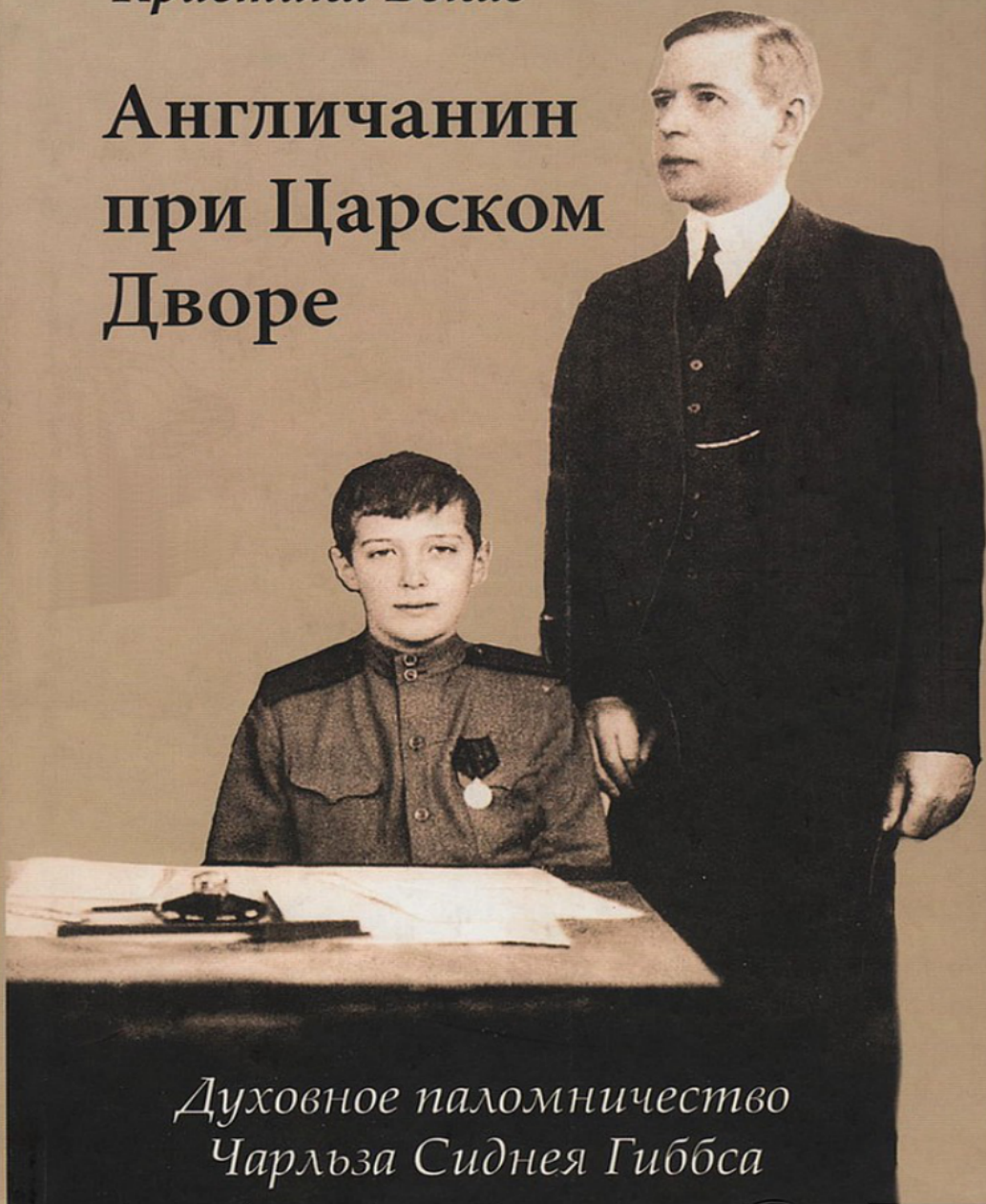

Кристина Беназ

Англичанин при Царском Дворе

*Духовное паломничество
Чарльза Сиднея Гиббса*

SHOUT
SHARE

IT

Annotation

Книга посвящена судьбе Чарльза Сиднея Гиббса — одного из трех воспитателей детей Императора Николая II. Он получил доступ во внутренний мир семьи святых Царственных Мучеников. Служа воспитателем и учителем английского языка, Гиббс завоевал их привязанность и доверие и разделил с ними мрачные дни заточения. Десять лет, которые он провел рядом с Царской семьей, изменили ход его жизни, и, вернувшись, домой в Англию, он посвятил остаток дней православной вере, о которой узнал, живя при Царском Дворе. Работая над книгой, госпожа Бенаг использовала письма и документы, хранящиеся в собрании бумаг Гиббса в Англии, а также личные встречи с покойным Джорджем (Георгием), приемным сыном отца Николая (Гиббса) и с другими его уцелевшими друзьями и знакомыми. Она проследила весь его путь, сопряженный с захватывающими приключениями, из Англии в Россию, в Сибирь, в Китай, на Филиппины, в Иерусалим, после чего он вернулся на родину, в Великобританию. Автор приводит документы, относящиеся к жизни Гиббса в Англии в качестве православного священника, а затем архимандрита и показывающие его роль в строительстве православной церкви в Оксфорде и укреплении Православия в Англии.

- **Кристина Бенаг**

- Благодарности
- Предисловие
- Глава 1. Начало конца эпохи
- Глава 2. Санкт-Петербург — волшебный город
- Глава 3. Царское Село, уголок провинции
- Глава 4. Наставник Цесаревича
- Глава 5. Наступает тьма
- Глава 6. Тьма сгущается
- Глава 7. В заточении
- Глава 8. Сибирские узники
- Глава 9. Торжество тьмы
- Глава 10. На рельсах
- Глава 11. Время для размышлений
- Глава 12. Наконец-то дома
- Приложение. О Царе и его святости
- ~

Кристина Бенаг
Англичанин при Царском Дворе
Духовное паломничество Чарлза
Сиднея Гиббса

Благодарности

НИЧТО НЕ ПРОИСХОДИТ само по себе, и я с любовью и благодарностью вспоминаю людей и то влияние, которое они оказали на меня, когда я писала эту книгу. Чуть больше десяти лет назад Джон Столл Сандерс пробудил во мне острый интерес к русскому Императорскому семейству, и, следя за их судьбой, я увлеклась биографией Чарльза Сиднея Гиббса — англичанина, который, прослужив десять лет в качестве учителя Царских детей, а затем чиновником на Дальнем Востоке, принял святое Православие и стал священнослужителем этой древней, овященной веками Церкви. Я решила поведать о нем.

После того как мои близкие и друзья узнали о моем интересе, они полностью поддержали его. С самого начала, снабжая меня нужными статьями, газетными вырезками, давая советы, мне помогала Фелисити (Пегги) Аллен, чей ум, воодушевленность и теплота служили мне светочем со студенческой поры. Мой покойный муж Генри Колльер всегда улаживал мои планы путешествий и терпеливо переносил неудобства, связанные с моими отлучками и занятиями. Генри-младший и его жена Бернадетта предоставляли мне жилье у себя в Лондоне, а затем в Милтаун Малбей, что в Ирландии, откуда я выезжала в Оксфорд и Финмир с целью сбора информации. Тыл обеспечивали наша дочь Мэри и ее муж Брайан О'Нил, которые хранили домашний очаг, присматривали за нашими любимцами — собакой и двумя кошками (им неплохо жилось в наше отсутствие) — и всеми способами помогали нам. Жившие в Бостоне и Вашингтоне (округ Колумбия) дочери Барбара и Кристина помогали мне в работе постоянными советами и полезной информацией. Моя сестра Элва вместе со своим мужем Уолтоном Корбитом всегда подставляли плечи, на которые было можно опереться. Так же поступали мой покойный брат Маркус и его жена Лилиан, которая по-прежнему помогает мне, зная русский. Отец Марк Арей вдохновлял меня своим подлинным интересом и энтузиазмом, когда мой проект все еще находился в зачаточном состоянии. Джордж и Ли Энн Андерсон прочитали отдельные части рукописи и сделали ряд полезных замечаний.

С 1985 по 1991 год я почти ежегодно наносила визиты Джорджу Гиббсу, жившему в Оксфорде, в доме Св. Николая, который делился со мной многими ценными соображениями, обсуждая мое намерение написать книгу о его приемном отце. Чарльз Гиббс, приемный внук отца Николая, принимал меня в своем очаровательном, крытом соломой доме в Финмире зимой

1997 года и рассказал мне ряд историй, связанных с жизнью семьи. Я очень благодарна ему за разрешение использовать материалы, которые лежат в основе настоящей книги. Это цитаты из документов отца Николая и многие его фотографии.

Неожиданную помощь я получила от друзей, с некоторыми из которых я никогда не встречалась, но которые поделились со мной личными воспоминаниями и сообщили полезные сведения. В их числе епископ Диоклийский Каллист, который любезно согласился прочесть первую корректуру книги и сделал ряд полезных замечаний; Никлз Чапман — сотрудник службы православной книги; Джон Харвуд — библиотекарь и преподаватель Лондонского миссионерского института; посол Дэвид Битти, также живущий в Лондоне; протодиакон Кристофер Бирчолл, редактор «Канадского православного вестника» из Ванкувера; его высокопреподобие архимандрит Скитского монастыря во имя св. Серафима Саровского Давид; преподобный Эдвард Барнс, директор дома св. Стефана в Оксфорде, и Дорин Гиббс — проживающая в Хэмпшире кузина Гиббса, поделившаяся множеством интересных историй.

Выражаю искреннюю благодарность всем этим лицам, а также тем, кого я забыла упомянуть.

Кристина Бенаг

Великий пост 2000 года

Предисловие

СОЗДАЕТСЯ такое впечатление, будто между XIX веком и нынешним днем пролегает ров, и мы до сих пор видим, насколько он широк и глубок и насколько отличается сегодняшняя жизнь от прежней. Мы пребываем в совершенно ином мире. Судя по всему, западное население претерпело внезапные и разительные изменения — социальные, экономические, политические и духовные. Существовавшие веками монархии были бесцеремонно выброшены на свалку; началась драка, в результате которой стали возникать правительства, где главную роль выполняли «массы». Была сброшена стесняющая движения одежда, предписанная для представителей определенных социальных структур. Искусство нарушило связи, предписываемые классическими формами и канонами, и сломя голову устремилось по самым диким и нелепым направлениям, каждое из которых находило своих собственных апологетов.

Революционные перемены коснулись также вопросов религии и богословия. Хотя словарный состав христианского учения сохранился, любовь к Богу была заменена заботой о человечестве, его природе и благосостоянии. Вся эта перестройка была усилена завораживающими перспективами экономической независимости за счет индустриального роста. Ожидалось, что это новое процветание заменит нарушенные традиционные социальные связи и приоритеты благодаря материальному благополучию ставшего независимым индивида.

Этот ров, отделяющий наш век от девятнадцатого, поразил историка Барбару Такмен, которая принялась «за поиски качества мира, породившего Великую войну», поскольку именно эта война означала конец старого мира. Она называет ее «башней гордыни», со стен которой «в своем высокомерии смерть смотрит на обреченные десятилетия (1890–1914)». Изучая судьбы многих людей, она искала признаки и знамения грядущей катастрофы, она хотела обнаружить «какого-то рядового лавочника или чиновника, представляющего бессловесный, незаметный, безымянный средний класс», но не нашла его.

Но такой человек существовал. Это был англичанин Чарльз Сидней Гиббс. Хотя и далеко неординарный, он был чиновник в обычном смысле слова и, конечно же, принадлежал к среднему классу. Возможно, он остался бы неизвестным, если бы не прихоть фортуны, коснувшейся его судьбы — судьбы, полной множества сомнений и разочарований, трудностей и мучений, которые были неотъемлемой частью социального общества его

эпохи.

Однако жизнь его сложилась так, что он оказался за пределами англо-американских и западноевропейских традиций, которыми ограничила себя Барбара Такмен. По воле рока судьба Гиббса оказалась тесно связанной с судьбой последнего Русского Царя и его Семейства. На его долю, как учителя Царских детей, в лучшие времена выпадали счастливые минуты, но еще тесней связали его с Царской семьей тяготы и страдания их последнего путешествия в ссылку, закончившегося трагедией. Затем, ввергнутый в омут шедшей с переменным успехом борьбы между белыми и красными войсками, завершившейся победой большевиков, Гиббс отправился в манчжурский Харбин, ставший прибежищем многих сторонников Царя. Оказавшись в незнакомых краях, Гиббс, с характерной для него находчивостью, сумел найти себе новое поприще.

В этот период, продолжавшийся с 1901 по 1928 год, находясь в постоянном контакте с культурой и учреждениями Восточной Европы, недостаточно оцененными на Западе, Гиббс узнал очень много, причем ценой собственных потерь. Вторая половина его жизни, продолжавшейся восемьдесят семь лет, была своего рода беспрецедентной данью искренне верующей Императорской семье. Он стал священнослужителем ее Святой, существующей много веков Церкви и в конце концов вернулся в Англию в качестве иеромонаха Николая Гиббса с намерением поделиться с земляками мудростью, приобретенной во время своего паломничества. О нем и рассказывается в этой книге.

К СЧАСТЬЮ, Чарльз Сидней Гиббс был человеком аккуратным и в продолжение большей части своей долгой жизни тщательно хранил письма, дневниковые записи, театральные программы, планы уроков, фотографии, расписки и счета, а также важные памятки, помогающие восстановить факты и события его уникальной жизни. Эти документы создают основу, на которой главным образом построено настоящее повествование.

Удивительно, как мало размышлений в этих документах. Несмотря на прекрасное образование, которое он получил в колледже св. Иоанна Кембриджского университета, и утонченный вкус в вопросах литературы и искусства, который он проявлял всю жизнь, Гиббс всегда был человеком дела, а не слов. В отличие от большинства других лиц из окружения Царской семьи, уцелевших после революции, он не оставил после себя никаких записок, хотя ему неоднократно делали выгодные предложения, которые, по-видимому, были соблазнительны в трудные для него с экономической точки зрения времена. Хотя он располагал великим множеством памяток, фотографий, записок, он ничего не

написал. Это обстоятельство свидетельствует о самой поразительной черте характера Гиббса — о его умении в сложных обстоятельствах принимать смелые, даже опасные решения. Это затрудняет работу биографа, поскольку Гиббс никогда не пытался объяснить или оправдать свои действия. Он просто действовал, а поступки его говорили сами за себя. В результате мне пришлось исследовать оставшиеся после него свидетельства через призму тех шагов, которые он предпринимал, с тем, чтобы найти рациональное зерно в его захватывающей судьбе.

Существует множество источников, описывающих историю России в эпоху царствования Николая II, его роль в Великой войне, падении монархии и наступившей в результате ее краха революции. Для того, чтобы получить представление о тех бурных годах, я изучила ряд таких источников. Однако целью данной книги является не рассказ о тех событиях, а история человека, который их пережил. Однако масштабы, а также ощущаемые и поныне последствия той трагедии постоянно заставляли меня не выпускать из поля зрения Гиббса — любопытного, хотя и второстепенного персонажа, добиваться создания достаточно яркого фона, не позволяя, чтобы водоворот, круживший вокруг Гиббса, поглотил его.

В последние годы постоянная критика в адрес Царя и Царицы несколько поутихла в результате событий, произошедших после революции с ее ужасами, и бесславного конца великого коммунистического эксперимента. Пытаясь быть правдивой и объективной, во многих случаях я воспользовалась этой новой симпатией к его жертвам, поскольку таково было отношение и Чарльза Сиднея Гиббса.

В течение ряда лет Джордж Гиббс, приемный сын Чарльза, хранил документы и другие памятки в доме Св. Николая в Оксфорде — православной часовне, воздвигнутой отцом Николаем Гиббсом в память о Царе Николае. С 1987 по 1991 годы я часто переписывалась с Джорджем и почти каждый год приезжала к нему, чтобы поговорить об отце Николае и его жизни. В 1989 году большинство документов и других ценных предметов, самым непосредственным образом связанных с Императорской семьей, были проданы. Часть из них попала в коллекцию Вернера в Лутон Ху, часть — в руки обывателей при посредстве знаменитых аукционов Кристи и Сотби. Копии многих бумаг в настоящее время хранятся в библиотеке имени Бодлея при Оксфордском университете (под номерами MSS Facs. C. 100–7 и e.51). Я тщательно их изучила, и большая часть комментариев и наблюдений, приписываемых Чарльзу Сиднею Гиббсу, членам его семьи и коллегам, извлечены из этих документов. Цитаты из этих

источников приводятся без постраничных ссылок.

В 1997 году культурный фонд аннулировал аренду в Лутон Ху, и в настоящее время коллекция хранится в Лондоне. Ведутся переговоры о ее демонстрации.

Глава 1. Начало конца эпохи

ВЫЙДЯ ИЗ СТЕН КОЛЛЕДЖА св. Иоанна при Кембриджском университете, Чарльз Сидней Гиббс оказался на пороге нового столетия. Шел 1899 год. До прихода двадцатого века оставалось совсем немного. Девятнадцатый век принес с собой, пожалуй, наиболее скорые и радикальные перемены в жизни людей в сравнении с любым из предыдущих столетий. Удивительные открытия ученых, быстрая индустриализация городов, высокие темпы развития систем транспорта и связи, усиление значения среднего класса — все это сулило великие перемены. Даже воздух был пропитан ожиданием, но в то же время чувствовалась какая-то напряженность, нервное предчувствие каких-то важных — даже катастрофических — перемен.

Чарльз Сидней, которого в семье звали Сидом, родился 19 января 1876 года в доме, в котором располагался банк на Хай-стрит в Ротерхеме. Это был довольно большой город, расположенный на берегах реки Дон, почти в центре Англии. Хотя очень рано Чарльз отделался от характерного акцента, всю свою жизнь он гордился своим йоркширским происхождением и, как и его земляки, отличался стойкостью и самостоятельностью.

Сид был девятым ребенком Джона и Мэри Энн Элизабет Фишер Гиббс и младшим из четверых оставшихся в живых сыновей. У него было две сестры. Старшая, Нетти, была замужем за преподобным Гвином Левеллином из Аберствита и в родительском доме больше не жила. Вторая сестра, Винифред Аделин, была моложе Сиды, и оба они всю жизнь оставались наилучшими — не разлей вода — друзьями даже после того, как она вышла замуж, и тоже за священника.

Их отец был всеми почитаемым лицом — управляющим Ротерхемским отделением Шеффилдского и Ротерхемского банка. Старшие сыновья пошли по стопам отца. Старший, Джон, жил в Аргентине, Артур в Индии, а Перси в Глостере. Если бы не Сид, они могли бы образовать банкирский дом «Джон Гиббс и сыновья».

По характеру трудолюбивый и вдумчивый, крайне религиозный по натуре, Сид казался более пригодным к службе в церкви, чем в банке. Ему очень повезло с отцом, который во всем шел сыну навстречу и смотрел сквозь пальцы на то, что тот является исключением из правил. Поскольку семья была довольно зажиточной, Джон Гиббс позаботился о том, чтобы Сид получил хорошее образование. В раннем возрасте он стал учиться в Бродстерсе и Хорнси, после чего два семестра провел в

университетском колледже Абериствит в Уэльсе. Сид прельстился рассказами старшей сестры об этом чудесном колледже, расположенном на берегу моря. Он проявил себя толковым, прилежным студентом, и в своих отзывах его наставники неизменно отмечали эти его качества, а также «благородство характера, здравый смысл и учтивость».

После учебы в Абериствите Сид поступил в колледж св. Иоанна при Кембриджском университете и, с отличием сдав экзамен по нравственным наукам, в 1899 году получил ученую степень бакалавра искусств. Экзамен оказался всеобъемлющей проверкой отраслей философии, которые было необходимо знать англичанину XIX века, желающему служить в качестве государственного чиновника или духовного лица. Учась в Кембридже, Сид стал писать свою фамилию как Gibbes, после того, как случайно обнаружил, что, с исторической точки зрения, такое написание более правильное.

Его ранние студенческие годы были безмятежные и счастливые. Периоды усиленных занятий перемежались каникулами, которые он проводил дома в Ротерхеме или же на живописной семейной даче в Нормантоне-на-Тренте. И дома, и за городом Сид и Винифред получали удовольствие от общения друг с другом и находили много занятий, которые нравились им обоим. Они любили вместе ходить за покупками и посещать антикварные лавки. Читали друг другу, занимались фотографией, в которой Сид успел набить руку.

Гиббсы представляли собой благочестивое англиканское семейство. Две дочери вышли замуж за священников, да и Гиббс-старший лелеял мечту, чтобы Сид связал свою судьбу с церковью. Поступив в 1895 году в университет, из мирного окружения Сидней Гиббс попал в беспокойную, приводящую к душевному разладу обстановку. Для серьезного студента поступление в высшее учебное заведение почти всегда представляет собой событие, открывающее глаза на многое и расширяющее его кругозор. Однако Гиббсу было суждено оказаться в Кембридже в такой период времени, когда различные направления философской и научной мысли переплелись между собой, создав кружащую голову атмосферу.

В продолжение более чем половины столетия английская читающая публика наблюдала за конфликтом между наукой и религией. Вдумчивые духовные лица, журналисты, ученые публиковали свои чрезвычайно серьезные статьи, ведя заочные жаркие споры на важные, вновь возникшие темы. Эти новые идеи, казалось, с одной стороны, угрожали основам христианской религии и самой цивилизации, но, с другой, они как бы

открывали перед обывателями новый, смелый, чуть ли не безграничный мир, которым могло владеть освобожденное человечество. Напор и самоуверенность ученых и их сторонников заставили церковников и социальных консерваторов перейти к обороне. Это смутило и вызвало тревогу викторианского христианского общества, которое разьедал страх, что такой поворот событий угрожает какому-то существенному и ценному элементу жизни, наряду с робкой, но упрямой надеждой на то, что обещание прихода нового светлого будущего непременно сбудется.

О влиянии промышленной революции, росте значения среднего класса и успехах науки того периода написано больше, чем о столкновении этих сил с церковными канонами и о последовавшем в результате подрыве религиозных устоев. Однако влияние это оказалось существенным, поскольку сделало возможной полную секуляризацию общества, создав атмосферу, в которой атеизм стал не только почтенным мировоззрением, но также, в глазах многих тогдашних и нынешних представителей общества, явился признаком интеллектуального превосходства. Общество как таковое осталось без компаса, по которому оно могло бы сверять свою деятельность — как в вопросах религии, социального устройства, политики, экономики, так и в решении домашних проблем, — и оказалось в тупике, из которого мы до сих пор не можем выбраться.

Естественно, узлы этих проблем были завязаны главным образом в университетах, причем Кембриджский проявлял особое рвение. Интересно отметить, что до 1850 года физика называлась натурфилософией, поскольку до того времени она разделяла те же метафизические взгляды, что и вся философия. Кембридж особенно гордился учеными, которых он выпестовал — в их числе находились Ньютон, Седжвик и Дарвин; их увлеченность концепцией эмпирических данных, которые можно проверить и которые являются единственной основой подлинных знаний, можно увидеть в том факте, что в дальнейшем все аспекты философии стали называться «этическими науками».

В колледж св. Иоанна Гиббс поступил, не утратив своей веры, и новые веяния подействовали на него не сразу, потому что его христианские корни были прочны. Однако он постоянно подвергался воздействию литературы, которую Бернард Рирдон называл «разлагающей», и это чтение, возможно, невольно стало подтачивать основы, на которых зиждились его вера и устремления. Когда Сид готовился к экзамену по этическим наукам, его внимание было сосредоточено на политической экономике, этике и психологии. Третий экзамен был посвящен

относительно новой дисциплине — психологии. Этой области знаний было непросто получить всеобщее признание, поскольку умственные процессы невозможно измерять и оценивать таким же способом, как данные других научных исследований. Однако со временем психология стала получать признание и даже выходить на передний план, становясь предметом дискуссий и спекуляций относительно природы человеческого интеллекта. Центральная проблема заключалась в том, может ли человеческий разум, рассматривавшийся большинством современных ученых как продукт чисто естественного развития — эволюции, объективного опыта, социальных условий и тому подобных факторов, — что-то знать о Боге, Который над природой.

Большинство книг, которые изучали серьезные студенты, относились к этому скептически. В работе «Основания психологии» (1885) Герберт Спенсер рассматривал интеллект как конечный продукт нервной системы животного. Лестер Уорд в «Динамической социологии» (1883) высказал предположение, что ядро высшей нервной системы заключено в сгустке протоплазмы. Дж. Генри Льюис в работе «Физическая основа интеллекта» (1877) утверждал, что умственные процессы представляют собой лишь иной аспект физических процессов, в то время как «душа» является субъективным восприятием объективных физических явлений. В «Основах физиологии интеллекта» (1874) Уильям Карпентер жестко поставил вопрос: «Может ли интеллект, основывающийся лишь на физических началах, познать находящееся за их пределами?» Дарвин, чей авторитет к этому времени стал огромен, в своей «Автобиографии» поставил этот вопрос еще острее: «Можно ли доверять интеллекту человека, который, я совершенно уверен, развился из интеллекта самого низшего животного, когда он делает такие важные выводы» относительно Бога и сверхъестественных явлений]?

Эти удары, направленные на то, что прежде считалось устоявшимся, хотя и ограниченным представлением о Боге, дали о себе знать. Аргументы сомневавшихся звучали весьма убедительно, и лишь немногие задумывались над тем, что Дарвин и его единомышленники сами делали довольно сомнительные выводы относительно природы интеллекта, возникшего по тем же причинам, т. е. имеющего низкое происхождение. Но всех по-прежнему волновал вопрос: «Можем ли мы что-то знать о Боге?

Не были ли все наши прежние представления всего лишь игрой воображения?» Два вопроса, связанные с психологией, «Формирование веры» и «Психология процесса рассуждения», которые должны были стать темами работ Гиббса, входивших в экзамен по этическим наукам, свидетельствуют, что на него было

оказано вредное влияние, о котором мы говорили.

Но худшее было впереди. Покинув колледж св. Иоанна, Гиббс стал заниматься на курсах богословия при Кембриджском и Сейлсберийском университетах. Растерянность и неуверенность не получившего семинарской подготовки Гиббса сменились чуть ли не паникой — такую ситуацию создали богословы, невольно нанеся самим себе ущерб. После того как эмпирические науки стали доминировать, эти богословы не захотели допустить существования таинственной природы Бога и ничтоже сумняшеся подвергли Его рациональному лабораторному анализу. Однако их дерзкие попытки осовременить Бога и показать Его роль в природе — ведь в конце концов наличие натурального мира предполагает наличие Создателя — получили сокрушающий удар от Дарвина и иже с ним, которые постарались доказать, что процесс создания мира природы жесток, расточителен и не знает сочувствия. Ко всему, сами церковные власти постарались очеловечить Бога, пытаясь приблизить Его к людям и заставить идти в ногу с социальным и интеллектуальным прогрессом. Теперь они ожидали, что Он будет относиться к миру с пониманием и сочувствием, как великодушный джентльмен викторианской эпохи. Но этого не произошло. Творец природы в изображении ученых был или плох, или же вовсе не был Богом.

Хуже того, высший авторитет для Церкви — Священное Писание — подверглось нападкам историков и текстологов. Процесс этот, начавшийся в Германии, теперь шел полным ходом и в Англии. Все это произошло не без участия богословов. После Реформации традиция была выброшена на свалку; упор ставился на абсолютную целостность и самодостаточность текста Священного Писания. Однако на сцену выступили геологи и археологи, подвергшие сомнению фактическую хронологию и интерпретацию событий, описанных в Библии. Столь же разрушительной оказалась историческая критика Библейского текста, который подрывал доверие к аутентичности авторов Библии и, следовательно, к их правдивости.

Однако подлинная проблема была гораздо глубже, хотя осталась почти незамеченной. На Западе, как отмечает Джеймс Тэрнер, более не существовало «словаря, позволявшего аргументировать потребность использовать его для создания своего рода „поэтического“ познания действительности». Не было ничего такого, что можно было бы сравнить с богословием Восточной Церкви, для которого характерны гимны, воздающие хвалу Господу как Началу, не поддающемуся пониманию, невыразимому, непостижимому, — богословием, прославляющим Его, не пытаясь ничего объяснять.

Несколько семестров занятий в такой атмосфере действовали на религиозное сознание Гиббса как ударные волны. С его стороны последовала аллергическая реакция. Он не мог и не хотел найти свое призвание среди этой удушающей атмосферы, где, как ему казалось, отсутствует всякая духовность. Он решил бежать из нее, чтобы избежать краха.

Он не был одинок, оказавшись в трудной ситуации; многие из его земляков, видя крушение своей веры, испытывали такие же муки. Особенно тяжела была судьба Дж. Ф. Романса, который был искренне набожным протестантом до той поры, пока не убедился, что Дарвин отвергает христианскую религию. Но даже в таких условиях он признавался, что «с фактическим отрицанием ее божественного начала вселенная утратила свою прекрасную душу. Когда я временами думаю, как и следует думать, об ужасном контрасте между святым величием той веры, которую я хранил в душе, и унылой таинственностью существования, которое стало моим уделом, то я всегда невольно ощущаю острую боль, свойственную моей натуре».

Столь же мучительно было чувство отчаяния и для Гиббса, и оно его убедило, что выбранная им профессия не позволит его душе жить и процветать. Неприятие академической теологии было свойственно ему до конца жизни, в чем он никогда не боялся признаться.

Но душа человека не терпит пустоты. По мере того как вера в христианство ослабевала, повсюду стали процветать самые экзотические варианты спиритуализма. Гиббс попытался предаться некоторым из них, в то же время стараясь сохранить в себе остатки прежней духовности. Он начал вести дневник, записывая и изучая свои сновидения, и увлекся оккультными науками. Он обращался к ясновидцам и даже посещал излюбленные многими сеансы спиритизма с их столоверчением. Но все это были жалкие попытки «научно» доказать, что существуют некие сверхъестественные силы, с которыми посвященные могут общаться и по собственной воле вызывать их, позволяя остальным вступать с ними в контакт. Даже такие интеллектуалы, как Элизабет Баррет Браунинг и Уильям Батлер Йейтс, интересовались подобными опытами. Всякий раз, как адепты узнавали, что один из популярных медиумов оказался шарлатаном, они понимали, что оказались в дураках.

Решение Сиды оставить занятия богословием досталось ему нелегко, поскольку его бунт, хотя и не направленный против семьи, был явно направлен против официальной Церкви; и юноша четко понимал, какую боль и разочарование принесет его решение, особенно отцу. С удивлением и облегчением он увидел,

что близкие продолжают относиться к нему с любовью и пониманием, но это не очень уменьшило страдания, которые он испытывал в последующие месяцы тщетных поисков устраивающей его работы. Многие годы занятий никак не способствовали получению им нужных знаний, необходимых для светской службы, и Сид часто говорил, что «представляет собой неходовой товар».

Его дядюшка Уилл Фишер, известный редактор «Шеффилд Дейли Кроникл», в декабре 1900 года по просьбе Сиды направил преподобному Уильяму Чонеру, вице- канцлеру Кембриджского университета, письмо, в котором просил членов сената университета рассмотреть кандидатуру его «начитанного, прилежного, трудолюбивого и достойного всяческого доверия» племянника на должность сотрудника университетского издательства:

«Мистер Гиббс, насколько мне известно, со студенческой скамьи проявлял большой интерес к вопросам литературы и искусства, особенно к новейшим книжным публикациям, и поскольку он наделен сугубо художественной натурой, я убежден, что на него вполне можно положиться в вопросах, требующих суждения и вкуса».

Эта серьезная рекомендация не дала никаких результатов. Другие родственники также пытались найти ему какую-то должность, но тщетно.

Просматривая газетные объявления в надежде обнаружить предложение работы, Гиббс, по удачному стечению обстоятельств, наткнулся на обзор искусств, процветавших в то время, названное «серебряным веком», в Санкт-Петербурге. Там ставились пьесы, балетные спектакли, оперы, устраивались выставки — все то, что вызывало у Гиббса большой интерес. В обзоре он нашел множество привлечших его внимание объявлений о том, что требуются учителя английского, готовые работать в России. Именно такую работу он и искал: у него был талант к языкам, но он не знал русского. Жалованье было хорошим, до 150 фунтов стерлингов в год, не считая расходов на дорогу, жилье и стол. Не долго думая, Гиббс принял следующее важное решение — испытать судьбу в России.

Это было очередным ударом для обожавшей своего любимца семьи, которая ждала от него чего-то большего. Большинство его близких посчитали этот поступок легкомысленным, напрасной тратой талантов, хотя продолжали любить и поддерживать его. А один бывший наставник Гиббса из колледжа св. Иоанна брякнул: «Вы станете обыкновенной гувернанткой».

Разочарование самого Сиды и его семейства, возможно,

помешало им увидеть силу характера, позволившую Гиббсу принять самостоятельное решение. Потребовались мужество и решимость, чтобы, подобно первопроходцу, проникнуть на неизведанную территорию, вместо того чтобы прозябать, как еще один павший духом священник, который опасается, что поразившие его сомнения грозят, к тому же, и экономическими последствиями.

Несмотря на скептицизм близких, весной 1901 года Гиббс взял курс на романтическую столицу далекой и незнакомой страны, которую большинство англичан (из числа тех, которые вообще думали о ней) считали погруженной во мрак, закованной во льды и прикованной к прошлому, благодаря ее наивной, связанной с предрассудками религии и архаичной системе правления. Однако Россия явилась фоном, на котором начинался первый этап уникального паломничества Гиббса.

Глава 2. Санкт-Петербург — волшебный город

СТУПИВШИЙ НА ПРИЧАЛ Петербургского порта Чарльз Сидней Гиббс заметно выделялся из толпы частных учителей, привлеченных этим великим городом. Высокий, стройный, с уверенной походкой, он был безупречно одет и ухожен. Если бы не чуть великоватый нос, его можно было бы назвать красивым. Зато исключительно чистое лицо с высоким лбом, окаймленным русыми волосами, было освещено взглядом умных глаз.

Решение Сиды приехать в Санкт-Петербург, возможно, и не было очень удачным, но зрелище города, успевшего освободиться от зимних оков, хотя толстый ледяной панцирь, сковывавший Неву, еще не успел окончательно разрушиться, вероятно, благоприятно подействовало на него. По сравнению с большинством крупнейших столиц Европы Санкт-Петербург был городом молодым. Яркий, сверкающий, он был памятником железной воле одного человека — Петра Великого, который в XVIII веке бросил вызов реке и построил именно здесь свой главный город. Но город возник ценой ужасных человеческих жертв. Великолепные здания, выкрашенные в белый с синим, желтый с белым, красный с желтым цвета, многие из которых были увенчаны золочеными шпилями и куполами, служили памятниками десяткам тысяч рабочих, отдавших свою жизнь, таская бревна, камни, привозя землю, чтобы засыпать предательские болота. Дюйм за дюймом они строили сцену, на которой Петр мог ставить свой гигантский спектакль, — город, который, по словам многих, «построен на костях».

Но это был еще и город, которым Гиббс был готов восхищаться. Он любил театр, а здесь было что увидеть и чем наслаждаться, особенно на Театральной улице. Он интересовался балетом, а это искусство в тогдашней России достигло высот. Танцевальное, как и другие искусства, субсидировалось Императором из собственных средств. Вполне возможно, что Гиббс видел его самого, а также других членов Императорской семьи, поскольку они были частыми посетителями театров.

Гиббс всегда был заядлым, хотя и осмотрительным покупателем и любил разглядывать товары в лавках, на базарах, даже на «блошиных рынках», расположенных вдоль широких проспектов, в парках и дворах этого оживленного городокосмополита. Должно быть, особое удовольствие доставляло ему посещение «Английского магазина», поскольку это великолепное

торговое заведение было расположено в самой фешенебельной части города и на самом главном проспекте — Невском. Он был открыт неким англичанином в XVIII столетии, и хотя у него теперь были русские владельцы, в нем по-прежнему в изобилии имелись товары, без которых не смог бы обойтись Гиббс: английское мыло, чулочные изделия, перчатки. Пожалуй, магазин даже пахнул английским духом. Тем не менее многие годы Гиббс продолжал заказывать сорочки и воротнички у себя на родине с помощью Винни, ставшей его персональным снабженцем. «Воротнички я купила, — писала сестра в одном из писем, — и я надеюсь, что скоро смогу съездить в Шеффилд и найду там сорочки».

Гулять по Санкт-Петербургу с его широкими улицами, тщательно разбитыми парками, прекрасными зданиями, которые были гораздо ярче, чем в остальных городах Европы, выделяясь на фоне белого снега зимой и сочной зелени деревьев летом, было одно удовольствие. Все дома выстроились вдоль набережных полноводной Невы или многих каналов и притоков этой могучей реки. Руководствуясь инстинктом, который не раз выручал его, Гиббс устроился в доме № 88 по Невскому проспекту в одной из многих удивительно комфортабельных и хорошо оборудованных квартир, поселившись, таким образом, вблизи делового центра города, где жизнь была через край.

«Еще в начале девятнадцатого века при отделке таких колоссальных апартаментов реализовывалось множество современных идей — свободная планировка, центральная система отопления, бездымные камины, примыкающие друг к другу гостиная и спальня, просторные прихожие и висячие декоративные растения. Плата за квартиру включала суммы за воду, за освещение внутренних помещений и дворов, а также за расход дров для печей и плиты в кухне. Воду доставляли в больших бочках, и во дворах всегда строили бани с парилками, которые отапливались дровами. Русские считали совершенно неприемлемым плескаться в грязной воде, как это делали европейцы».

Такого рода особенности русской жизни были весьма привлекательны для людей вроде Гиббса с его чрезвычайно чистоплотной натурой.

Гиббс нанялся на службу к Сухановым — богатому помещицкому семейству, которое оплатило ему транспортные расходы и теперь предоставляло учителю жалованье и щедро оплачивало жилье с тем, чтобы он наставлял их сына и обучал его английскому. Частная практика в России не шла ни в какое сравнение с тем, то происходило в Англии. Гиббс не только не

стал «обыкновенной гувернанткой», но оказался представителем весьма уважаемой и хорошо оплачиваемой профессии, дававшей много возможностей для продвижения по службе. Было столько желающих пользоваться услугами частных учителей, что в 1834 году Императорское правительство установило особый статус для наставников и преподавателей, предусматривавший для таких лиц официальный чин и награждение значком, а также обеспечение щедрой пенсией.

Первый год служба протекала у Гиббса достаточно гладко. Сам он активно изучал русский язык, преподавая ученику английский. Следующим летом, когда наступила пора оплачиваемого отпуска, учитель захватил юного Суханова в Англию, где его образованию способствовала жизнь в этой стране, общение с семейством Гиббса и исключительная возможность осваивать на практике разговорный язык. Насладившись нежарким английским летом, наставник и ученик, нагруженные подарками для всех членов семейства Сухановых, вернулись в Россию. Спустя год, показавшийся ему сносным, Гиббс был удивлен, разочарован и, пожалуй, несколько встревожен, когда Суханов не возобновил с ним контракт. Между тем Гиббс оказался в трудном положении, по существу, оказавшись в изоляции, поскольку зима в тех краях наступает рано. Из Англии продолжали приходить письма, в которых близкие беспокоились о его благосостоянии. Они по-прежнему искали и надеялись найти должность, которая помогла бы ему вернуться на родину. В одно из своих писем дядюшка Вилли вложил легкомысленный рисунок, который вырезала Винни, вместе с объявлением о предоставлении работы, а также информацию о том, что дядюшка успел связаться с возможным работодателем, выразившим желание получить письмо от самого Сиды.

Гиббс продолжал получать поддержку со стороны сочувствовавших ему друзей. Он успел сообщить одному из знакомых о случившейся с ним неприятности, заметив, что «Сухановы не очень приличные люди», а «их мальчик не слишком сообразителен». «Не отчаивайся, — писал знакомый, — и помни, что все, что ни случается, к лучшему, и еще: человек предполагает, а Бог располагает». Письмо это сохранилось в числе тех, которые относились к первым месяцам пребывания Гиббса в России. Возможно, впоследствии он понял, насколько был прав его знакомый.

Несмотря на неудачу, минувший год не был потерян напрасно. У него появилась возможность изучать русский язык; он стал давать частные уроки английского другим заинтересованным жителям города и, кроме того, время от

времени занимался воспитательной деятельностью. Пока у него были уроки, Гиббс был уверен в том, что сможет продержаться, по крайней мере, до следующего лета, когда, по возвращении в Англию, у него появятся более перспективные возможности. Между тем предложения преподавать продолжали поступать, поскольку в это время в столице появилась мода на все английское, и многие ученики и их родители жаждали получить в качестве преподавателя такого квалифицированного англичанина.

Благодаря непринужденности и общительности, сочетавшимися с воспитанностью и благородными манерами, Сид приобрел ряд личных друзей среди членов довольно крупной английской колонии, возникшей в русской столице. Он стал принимать активное участие в социальной жизни анклава и вскоре начал получать приглашения «прийти на вечерок», где обычно затевался неформальный ужин, обсуждение вестей с родины и местных новостей, а также импровизированные развлечения с участием гостей, которые музицировали или устраивали громкую читку.

К 1903 году Гиббс полюбил этот город с богатой, кипучей жизнью, морозной, сверкающей инеем зимой, так не похожей на сырые слякотные английские зимы. Богатство зимних праздников и развлечений, которые выносливые русские придумали для того, чтобы всласть насладиться этим суровым временем года, увлекло Гиббса. После первых крепких морозов все население стало появляться закутанным в меха, и жизнь города подчинилась зимней моде. Кучеры, правившие санями, мчавшимися по улицам, облачались в свои живописные одежды; продавцы чая и сластей закутывали в овчины кипящие самовары; в парках и на площадях и стар и мал катался на салазках и ледянках. На льду реки возникали фантастические деревни, в которых устраивались зимние базары и затевались веселые забавы. Казалось, что у каждого участника представления — своя роль и собственный наряд. Это свойство русских настолько поразило Гиббса, что он часто отмечал врожденный актерский дар, свойственный этому народу, инстинкт, «насколько глубоко вьевшийся в русскую натуру, что зачастую создается впечатление, будто русские исполняют какую-то роль, а не живут своей жизнью».

Он отметил также характерную приверженность русских к отправлению религиозных обрядов, хотя и относился к ним как сторонний наблюдатель, чья религиозность находилась в подвешенном состоянии. Россия оставалась приверженной своей вере долгое время после того, как большинство остальных европейских стран стали относиться к религии в лучшем случае

как ко вторичному фактору их общественной и политической жизни. Однако, живя в России, человек оказывался захваченным размеренным ритмом религиозной жизни православных верующих, которые детально воспроизводили, переживали все события в земной жизни Христа. Эти события в продолжение всего года отмечались их Церковью великолепными литургиями, отражаясь в красоте церковных служб, музыке, иконах, облачении и жестах священников. И эта активная религиозность пронизывала все стороны жизни. Все население — богачи и бедняки, крестьяне и знать — подхватывало ритм праздников и постов.

К этому времени Гиббс достаточно убедился в надежности деловых перспектив и решил перевезти из дома в Петербург почти все свои пожитки. Его профессиональная репутация укрепилась окончательно, когда он получил важную должность преподавателя Императорского Училища правоведения, предназначенного для сыновей потомственных дворян — одного из двух учебных заведений, финансирувавшихся Государем и предназначенных для подготовки молодых людей к государственной службе. Гиббс прославился тем, что отошел от принятой там практики поощрения наущничества. Такая практика была оскорбительна для привитого ему со школьных лет кодекса чести. Гиббс не только отказывался выслушивать доносы учеников друг на друга, но и отчитывал за это доносчиков.

Он также стал принимать активное участие в жизни петербургской гильдии учителей английского языка. Это была официально зарегистрированная организация, предназначенная для помощи учителям в создании кружков для чтения с целью профессионального усовершенствования,

установления контактов с различными образовательными движениями, чтения научных докладов и лекций по вопросам образования, создания библиотеки необходимой литературы, а также организации различных мероприятий для совместного проведения досуга. Престиж гильдии оказался настолько высок, что к нему проявили интерес такие спонсоры, как британский посол сэр Артур Николсон, а также посол США distinguished Джон У. Риддл.

Гиббса неоднократно выбирали в члены различных комитетов, после чего он стал секретарем, а затем вице-президентом этой организации. Развлекательные программы, финансирувавшиеся гильдией, зачастую включали легкие пьесы, которые можно было ставить с минимальными усилиями и декорациями. Репетиции и постановки доставляли большое удовольствие, и все участвовали в них в качестве актеров или

помощников режиссера. В некоторых из них появлялся и Сид под именем С. С. Гиббс или В. А. Кентаб. Он выступал также в качестве постановщика и не раз удостоивался похвалы. Хотя в Кембриджском университете Гиббс изучал экономику, он никогда особенно не увлекался политикой; то же можно было сказать о его близких друзьях, учениках и их родителях. Английская колония в Петербурге была изолирована от местного общества своим провинциальным отношением — она измеряла все происходящее английскими стандартами: своей монархией, парламентом, церковью, промышленностью, учебными заведениями. Каждое утро, выходя из дома, Гиббс покупал на Невском не только русские газеты, но и английские. Разумеется, он знал о напряженной политической и социальной обстановке в Петербурге, которая часто внезапно взрывалась. Но он, как и его английские друзья, рассматривали эти факты как неизбежные симптомы примитивной и неуклюжей системы, переживающей муки роста, которые неизбежны при попытке войти в цивилизованный XX век.

Однако полной неожиданностью, нарушившей размеренную жизнь Гиббса, явился один памятный день в январе 1905 года, ставший известным как «Кровавое воскресенье». Его бурные события явились поистине предвестником грядущего катаклизма. Западная печать детально, не без преувеличений, описала их как жестокое подавление протеста рабочих устаревшим, жестоким, деспотическим режимом. В действительности все обстояло гораздо сложнее.

Царь Николай II и сама самодержавная власть уже давно подвергалась давлению как извне, со стороны Европы, где поднималась волна в поддержку создания правительства, ответственного перед народом, так и изнутри, со стороны студентов, образованной элиты и радикальных активистов, которые были проникнуты этими заразительными идеями. Как часто бывает, именно студенты первыми поддавались разрушительным доктринам и становились главарями бунта — не благодаря их собственному политическому видению, а вследствие свойственной молодости нетерпеливости и мечтательности. Их можно было легко побудить к осуществлению актов насилия с помощью зажигательной риторики агрессивного и радикального социалистического меньшинства, нацеленного на окончательное свержение самодержавной власти.

Политизация университетской жизни началась каких-то шесть лет назад в результате инцидента, который сам по себе должен был бы привести лишь к незначительным политическим неурядицам. Когда в 1881 году Александр II был убит, вся страна

была потрясена. Ведь это был Царь-Освободитель — монарх, освободивший крепостных!

А между тем он был сражен теми самыми людьми, которые должны были быть довольны его политикой. В ответ Император Александр III ввел строгие меры безопасности для борьбы с покушениями, число которых увеличивалось. Были введены жесткие ограничения относительно публичных демонстраций и политических собраний.

В этой суровой атмосфере студентам Петербургского университета в феврале 1899 года было запрещено ежегодное празднование дня основания университета. Они стали шумно протестовать, многие из них были арестованы. Однако несколько дней спустя власти убедились, что студенты не представляют собой угрозу, и занятия возобновились.

Социалисты (получавшие, следует отметить, значительную финансовую и политическую поддержку из-за рубежа, главным образом, из Германии), которые всегда были начеку, воспользовались представившейся им возможностью. Они организовывали небольшие комитеты, которые проникали в студенческие группы, разжигали их недовольство и направляли его в нужное русло. Вбивали им в головы мысль, что реформы должны не ограничиваться либерализацией университетского устава, а распространяться на всю систему управления государством. Целью революционеров было свержение самодержавия; всеми правдами и неправдами они проникали в университеты, чтобы создать там своего рода «учебный лагерь». Они готовили студентов к грядущей борьбе, с помощью которой рассчитывали изменить мир к лучшему.

Николай II и его Совет Министров прекрасно знали о революционной угрозе и разрабатывали планы с тем, чтобы попытаться справиться с волнениями студентов и рабочих Петербурга, хотя, казалось, достаточно было бы вмешательства полиции. Министр внутренних дел

Вячеслав Плеве до покушения на него в 1904 году организовал сеть финансируемых правительством профсоюзов с целью предоставить рабочим возможность получать образование и развлечения, в противовес агрессивно враждебным ячейкам, агитирующим рабочих. Но в эти профсоюзы давно проникли революционные элементы, сеявшие недовольство, призывавшие рабочих требовать гораздо больше экономических и социальных благ, чем могли предоставить владельцы предприятий.

Чтобы пресечь действия этих враждебных правительству элементов, в рабочие профсоюзы были внедрены тайные агенты. Одним из наиболее влиятельных агентов был отец Георгий Гапон

— молодой православный священник, который, по словам Доминика Ливена, смог установить прочные связи с рабочими и проповедовал среди них христианские идеи. Однако за это время сам он подвергнулся влиянию социалистических идей, причем столь активно, что в январе 1905 года взялся за организацию промышленной забастовки в Петербурге, прибегнув к массовой, не разрешенной властями демонстрации, сочтя ее единственно эффективным способом добиться выполнения требований рабочих.

«Неожиданно в январе 1905 года правительство узнало о намерении Гапона возглавить гигантскую демонстрацию, повести ее к Зимнему дворцу и потребовать осуществления целого ряда политических и экономических реформ, вплоть до созыва учредительного собрания». Эти политические требования имели мало общего с призывами рабочих к своим хозяевам и имели ярко выраженную социалистическую окраску. Внешнему миру казалось, что лишь самодержавное чудовище способно пренебречь горячими просьбами армии этих честных тружеников. Однако Царь не мог себе представить, чтобы ему пришлось лично отвечать на выдвинутый толпой ультиматум, касавшийся вопросов, которые до этого не рассматривались и не обсуждались.

К сожалению, демонстрантов намеренно ввели в заблуждение, сообщив им, будто Царь находится в Зимнем, что было неправдой. В действительности он редко бывал там, поскольку главной резиденцией Императорской семьи был Александровский дворец в Царском Селе. Это было известно каждому, кто знал положение дел.

Правительству еще никогда не приходилось сталкиваться с такой демонстрацией — они были запрещены, и войска не были подготовлены и оснащены для того, чтобы контролировать двигавшуюся на них огромную толпу, насчитывавшую, по некоторым оценкам, 150 000 человек. Власти имели в своем распоряжении казаков, кавалерию и пехоту. Выбор пал на пехоту, поскольку ее было проще всего привести ко дворцу, однако число демонстрантов было слишком велико. Не имея другого оружия, кроме винтовок, стрелки их и применили, в результате действия солдат оказались «неуклюжими и жестокими». (Имеются факты, что многие демонстранты, предвидя расправу, положили в карманы прощальные записки).

Реакция Царя на трагедию открывает нам как его чувство личной ответственности за происходящее в государстве, так и понимание тяжести бремени власти. Министры советовали ему сделать публичное заявление, что военные стреляли без приказа, но это показалось Николаю недостойным. Будучи самодержцем,

он считал своим долгом возложить вину на себя. Он пригласил делегацию рабочих и, воспользовавшись этой возможностью, заверил пришедших, что озабочен их благосостоянием, и призывал к послушанию и поддержке.

Встреча эта имела негативные последствия: вернувшиеся домой делегаты слышали издевки и оскорбления со стороны своих товарищей. По стране прокатилась волна забастовок, приведших к столкновениям с полицией и беспорядкам. Преемник Плеве, Святополк-Мирский, повел гораздо более мягкую политику по отношению к недовольным. Профсоюзам было дано право следовать за своими радикальными лидерами, которые возвели возмущение и жестокий протест в ранг добродетели. Произошла либерализация университетов, в результате чего различные группы, не принадлежащие к студентам — рабочие и политические активисты, — получили возможность участвовать в действиях студентов, превращая их в группы протеста. В то же самое время была ослаблена цензура печати, что привело к разгулу враждебной властям пропаганды.

Живший на Невском Гиббс наблюдал, как в то памятное воскресенье по проспекту шла целая армия рабочих с хоругвями и иконами в руках; а в последующие дни он видел наряды полиции и многочисленные, зачастую принимавшие безобразный характер, демонстрации на улицах. В письмах домой он отмечал беспорядки, но особого беспокойства не выражал. Беспорядки эти оказывали мало влияния на его учеников или характер занятий, и это позволило ему сделать вывод, что положение находится под контролем. Неприятные стычки происходили в каком-то ином мире, к которому он — пока — не имел никакого отношения.

В 1906 ГОДУ репутация Гиббса была такова, что он смог приняться за еженедельные публичные чтения. С января до мая они обычно происходили вечером в четверг или пятницу. Изучив программы его выступлений, включавших отрывки из произведений Шекспира, Спенсера, Теннисона, Диккенса и Шелли, невольно удивляешься, как ему удавалось собрать необходимую аудиторию. Но ведь Санкт-Петербург был космополитическим городом. Книги и газеты на английском можно было приобрести без труда, и они пользовались большим спросом. Приятный, хорошо поставленный голос Гиббса, а также подобранные со вкусом произведения сделали его выступления довольно популярными. Это продолжалось до 1914 года, когда Великая война наложила свою печать на характер всех развлечений. Гиббс использовал свои вечера для того, чтобы в отдельных случаях привлекать к выступлениям учеников. Для них подбирались произведения полегче, и это способствовало успеху.

Читая записи Гиббса, чувствуешь атмосферу тех вечеров. «Мистер Гиббс объявляет о возобновлении читки отрывков из произведений английской и американской литературы...» Сам он предпочитал серьезную литературу и, должно быть, получал особенное удовольствие от чтения следующих произведений Шекспира: «Юлий Цезарь», «Король Лир», «Ричард II», «Ричард III», «Генрих IV», «Генрих V»... Он также любил такие произведения Теннисона и Диккенса, как «In Memoriam», «Локсли Холл», «Смерть Артура», «Энох Арден», отрывки из «Записок Пиквикского клуба», «Оливера Твиста» и «Дэвида Копперфильда». В его репертуаре появлялись и произведения Джорджа Бернарда Шоу и Оскара Уайльда, хотя и не так часто. Однажды Гиббс предложил вниманию слушателей искрометную комедию Уайльда «Как важно быть серьезным» и прочитал ее всю до конца. Что касается американской литературы, то он любил читать Эдгара Аллана По, Брета Гарта и Марка Твена — писателей, чьи произведения улаждают слух.

Ученики декламировали тексты полегче, с названиями, напоминавшими о популярных в то время уроках ораторского искусства: «Лупи, братцы, лупи», «Тревожная ночь», «Перчатки мистера Пайпера», «Носить нечего». Тексты эти были извлечены из таких антологий, как «Золотая коллекция забавных текстов», «Американские чтения Пирсона», «Современные тексты для чтения и декламации», «Сборник британского юмора», которые можно было найти в библиотеке Гильдии учителей английского языка или в местных магазинах, торгующих книгами на английском языке. Гиббс собрал целую библиотеку. Он имел возможность натаскивать своих учеников в грамматику и синтаксисе, используя упражнения, взятые из таких пособий, как *Paraphrasing & Analysis & Correction of Sentences by D. M. / . James, M. A.* («Парафразирование, анализ и исправление предложений» Д. М. Джеймса), а также *Exercises in Correcting Grammatical Lessons by Alex. Mackie, M. A.* («Упражнения по исправлению грамматических ошибок» Алекс. Макки).

Даже живя в условиях безопасности и успеха, Сид часто возвращался мыслями к близким, оставшимся в Англии, так же, как и они — к нему, и, возвращаясь в Россию после летних каникул 1907 года, он захватил с собой свою сестру Винни, рассчитывая, что она останется у него до весны следующего года. С огромным удовольствием он показывал ей великолепный город, о котором рассказывал в письмах домой, водил в театры, на балетные спектакли, в музеи, знакомил с друзьями и учениками, приглашал в чайные и кафе. Сид и Винни всегда любили вместе ходить по магазинам. Дома она выискивала и отсылала брату

определенные изделия, необходимые ему; здесь же, в Петербурге, они обнаружили самый богатый выбор товаров, привезенных со всего света, какие им только доводилось видеть. Они наслаждались таким богатством, и визит сестры был их самым чудесным приключением.

Подрастая, они, бывало, много читали друг другу, и в своих учебных программах в этом году Сид нашел роль и для Винни. Должно быть, было забавно слушать их смешные диалоги, когда они исполняли скетч «Чета сумасшедших».

«Читка и представление будет дано в пятницу, 25 апреля 1908 года, в 8 час. 30 мин. вечера».

Это будет последнее представление с участием мисс Гиббс до ее отъезда из России. В программу вечера, помимо прочего, были включены следующие номера: «The Obstrusive Hat» F. Austey («Шляпка, которая мешает», автор Ф. Ости), исполнитель мисс Гиббс; «A Pair of Lunatics» W. K. Walker («Чета сумасшедших», У. К. Уокер): Он — Ч.С. Гиббс; Она — мисс Гиббс; «A Lesson With a Fan» Anonymous («Урок с веером», автор неизвестен), исполнитель — мисс Гиббс; «A Broken Heart» Anonymous («Разбитое сердце», автор неизвестен), исполнитель — мисс Гиббс.

Поскольку Винни не могла уехать из города до тех пор, пока не вскрыется Нева, она имела возможность наблюдать за живописной церемонией, которая происходила каждый год. Царь, в сопровождении иерархов Церкви, встречал городские власти, чтобы отпраздновать вскрытие реки в апреле.

«Как только река освобождалась ото льда, пушки Петропавловской крепости стреляли, объявляя о радостном событии. Комендант крепости, облачившись в мундир со всеми регалиями, в сопровождении офицеров садился в богато украшенный баркас и переплывал реку, направляясь прямо к стоявшему напротив Зимнему дворцу, зачерпнув в красивый хрустальный кубок чистой невской воды. Он протягивал его Императору, поздравляя его с приходом весны, и извещал о том, что власть зимы сломлена и река снова свободна. Император выпивал воду за здоровье своей столицы и возвращал коменданту кубок, наполненный золотыми монетами и»].

Теперь суда снова могли войти в гавань, и вскоре после этого Сид проводил Винни в Англию. Должно быть, близкие обрадовались, узнав от нее, как хорошо устроился Сид и каким он пользуется авторитетом. Осенью того же года у него появилась еще лучшая возможность, причем, такая, которая изменит всю его оставшуюся жизнь.

В июне 1908 года в финский порт Ревель на борту яхты

«Виктория и Альберт» прибыл Английский король Эдуард VII с супругой, королевой Александрой, для встречи с Царем Николаем II и Императрицей Александрой Феодоровной, приплывшими на яхте «Штандарт». В течение нескольких дней они обменивались визитами, посещая яхты друг друга. Это событие имело большое политическое значение для России, которая еще не успела оправиться от унижительного поражения в русско-японской войне, во время которой был потоплен весь ее Балтийский флот.

Намерение Царя обеспечить более заметное присутствие на тихоокеанских рубежах своей Империи и получить незамерзающий порт было весьма разумным, поскольку на западе Россия была блокирована европейскими странами и не имела, по сути, выхода через Дарданеллы из важного для нее Черного моря. Продвижение на восток было вполне естественным, но на первое место вставали проблемы и прежде всего — техника снабжения и перевозок. Такая кампания была связана с плаванием чуть ли не вокруг света, а в зимнее время — с перевозкой сухопутных войск через всю Сибирь. Когда русский флот и армия стали более или менее справляться с этими задачами, они столкнулись с японскими силами, которые оказались гораздо мощнее и более разумно организованными, чем этого ожидали на Западе. Русские потерпели жестокое и дорогостоящее поражение.

В Лондоне тогда слышались крики «ура», поскольку англичане были очень заинтересованы в том, чтобы самим обзавестись портом в японских проливах, и обрадовались, когда попытки русских добиться тех же результатов окончились провалом. В течение некоторого времени отношения между обеими странами были чрезвычайно натянутыми, поэтому торжественность встречи, обеды и тосты «за большее укрепление уз, связующих народы наших двух стран», произнесенные от всего сердца, были очень важны.

Однако если оставить в стороне прежние напряженные отношения, официальные установки и протокол, встреча эта носила еще и семейный характер: Русская Императрица Александра Феодоровна приходилась внучкой королеве Виктории, а ее привязанность к Королеве Александре была очень велика вследствие ранней смерти матери Александры Феодоровны — принцессы Алисы Гессенской. Английская королева заботилась о воспитании юной Алике и ее братьев и сестер. Король Эдуард приходился Императрице дядей, и Императорские дети — четыре Великие Княжны Ольга, Татиана, Мария и Анастасия, а также маленький Цесаревич Алексей — называли его «дядюшкой Берти».

От своей Августейшей британской бабки Цесаревич унаследовал гемофилию — ужасный недуг, который она, не ведая того, передала нескольким своим потомкам мужского рода, поскольку представители королевских домов Европы вступали в брак между собой. Эта болезнь бессистемно передается матерью, не испытывающей никаких симптомов, тем или иным своим отпрыском. Гемофилия препятствует нормальному свертыванию крови. В то время не существовало надежных средств ее лечения. Даже незначительная рана вызывала неконтролируемое кровотечение, а внутреннее кровоизлияние вызывало мучительную боль и искривление конечностей.

Во время разговора за семейным завтраком дядюшка Берти заметил Александре Феодоровне, что ее дочери говорят по-английски плохо и с ужасным акцентом. Родным языком Императрицы был немецкий; ей пришлось много стараться, чтобы освоить русский, но она так и не научилась говорить без акцента. Она свободно общалась по-английски (это был язык самых дорогих ей людей, включая маму и бабушку) и ежедневно разговаривала на нем с супругом. Однако Императрица сознавала, что ее знание этого языка далеко не безупречно, и, как показывают письма Александры Феодоровны, выражалась она несколько эксцентрично. Государыня тотчас решила найти своим девочкам подходящего учителя.

Поиски привели Императрицу к Чарльзу Сиднею Гиббсу. Его, несомненно, рекомендовали благодаря прекрасной работе в Императорском Училище правоведения, куда отправляли учиться своих сыновей многие служащие Императорского Двора. Однако пока решался этот вопрос, Гиббс находился в Англии и не имел ни малейшего представления о том, какую честь ему намерены оказать. Когда в начале осени 1908 года ему было велено явиться в Императорский дворец для рассмотрения его кандидатуры в качестве учителя английского языка, Гиббс был страшно удивлен, и назначение его на столь высокую должность вызвало у него нервную дрожь.

Он был возбужден и полон ожиданий, однако, надев подобающий событию вечерний костюм и сев рядом со статским советником Петром Васильевичем Петровым в дворцовый экипаж, чтобы отправиться в Царское Село, внешне Гиббс выглядел спокойно, невозмутимо, как английский джентльмен. Здесь начинается следующий, важный этап его паломничества.

Глава 3. Царское Село, уголок провинции

ЗА ТО ВРЕМЯ, пока коляска проехала 24 версты, Гиббс успел успокоиться, хотя, входя в этот совершенно новый и завораживающий мир, он все еще испытывал напряжение и озабоченность. Они проехали мимо оживленной железнодорожной станции с фешенебельным привокзальным рестораном и свернули на окаймленный деревьями бульвар, тянувшийся от вокзала до Александровского дворца. Царское Село вовсе не было селом, а преднамеренным сочетанием провинциального шарма и современной городской жизни. В результате появился довольно крупный населенный пункт, включавший два Императорских дворца, которые значительно превосходили все королевские резиденции в Англии.

Здесь была ратуша и целое военное поселение, где имелись казармы, в которых размещались пять тысяч отборных солдат, офицерские столовые, арсеналы и плац-парады.

Проезжая по центральному бульвару с господином Петровым, Гиббс разглядывал тщательно ухоженные газоны и сады, окружавшие небольшие, но все же внушительные дворцы и особняки аристократических семейств, расположившихся поближе к главной артерии страны. Они ехали мимо просторных лужаек парка, украшенного классическими статуями, искусственными руинами, памятниками, рукотворными озерами и даже отдельными отрезками канала, который не успели выкопать для Императрицы Елизаветы Петровны, мечтавшей в начале XVIII века добираться из Петербурга в Царское Село на лодке. Незавершенный проект оказался благом для парка, поскольку в этих широких прудах можно было не только купаться, но и заниматься водным спортом. По словам Гиббса, искусственные водоемы «стали со временем неотъемлемой частью пейзажа, а не чем-то чуждым ему».

Наконец экипаж добрался до высокой железной ограды, по обеим сторонам которой разъезжали казаки. За коваными воротами находился Александровский дворец, служивший резиденцией Императорской семье. В четверти мили от него находился еще один Императорский дворец, окруженный купами деревьев и садов, рассекаемых дорожками для верховой езды и аллеями для прогулок, где тут и там возвышались экзотические павильоны и живописные миниатюрные дворцы.

Первый «рустический» загородный дворец был построен здесь

по повелению Екатерины I, второй жены Петра Великого, которая хотела удалиться от суровых каменных громад города, построенного ее супругом на берегах Невы. Участок для загородного дворца она нашла к юго-западу от столицы, где болота не столь вязки и местность пригодна для посадки деревьев. Даже в эпоху Царя Николая II, по словам Гиббса, ландшафт, окружавший Царское Село, сохранял диковатый, неухоженный вид.

Довольно скромное двухэтажное строение сменил роскошный дворец, сооруженный Императрицей Елизаветой

Петровной в память Екатерины. Елизавета наказала архитектору Растрелли построить дворец, который затмил бы Версаль, что он и сделал. В величественном здании, выкрашенном в белый и голубой цвета, насчитывалось двести комнат. Большой зал с обеих сторон был отделан зеркалами; над крылом, где находилась церковь, возвышались пять золоченых куполов, увенчанных крестами. Балконы на фасадной части дворца поддерживали огромные, в стиле барокко, кариатиды, закрывавшие свои лица мускулистыми руками. Просторные центральные залы Екатерининского дворца и широкая площадь служили сценой для официальных банкетов и приемов, военных смотров и больших балов. В крыльях дворца с похожими на лабиринты коридорами находились апартаменты для фрейлин и членов Императорской свиты, а также для многочисленных правительственных чиновников и их семей.

Изящный, в классическом стиле Александровский дворец был поменьше, но не переставал от этого быть дворцом; в нем насчитывалось сто комнат. Роскошные залы в центре здания предназначались для торжественных обедов, аудиенций и официальных встреч; в одном крыле находились апартаменты для фрейлин и придворных; в другом крыле — покои Императорской семьи.

Их апартаменты представляли собой особый мир. Поскольку Государь и Государыня были вынуждены спешить с женитьбой после внезапной смерти Александра III, им пришлось временно поселиться в шести не слишком больших комнатах Аничкова дворца вместе с вдовствующей Императрицей Марией Феодоровной, где обстановка была довольно сложной, если не сказать иначе. У них не было соответствующей приемной, и хотя Александра Феодоровна являлась Императрицей, тем не менее, когда ей требовалось давать аудиенцию, ей приходилось спрашивать у свекрови разрешения пользоваться официальной приемной. Если Император принимал министров в своей тесной гостиной, то Государыня должна была удаляться в спальню.

Поскольку у супругов не было своей столовой, им приходилось трапезовать вместе с вдовствующей Императрицей. О том, чтобы обсуждать поданные к столу блюда и тем более жаловаться, не могло быть и речи.

Какое, должно быть, это было облегчение, когда Императорская чета смогла наконец переехать в Царское Село. Они выбрали себе крыло Александровского дворца, и Императрица принялась обставлять свои новые апартаменты мебелью с яркими тканями, привезенными из Англии. В их личных комнатах возникла уютная, домашняя атмосфера, не похожая на обстановку в других частях дворца. Вспомнив условия, в которых они жили до этого, мы можем разглядеть восторг между строк письма Николая родительнице после того, как он впервые увидел царскосельские апартаменты:

«Когда мы вошли в комнаты Алике.... печальное настроение прошло, и в нас поселилось великое удивление тем, что мы увидели... Бывает, что, когда мы сидим в одной из комнат, мы просто молчим и смотрим на стены, камин и мебель... Два раза мы ходили наверх в будущую „детскую“, комнаты вышли тоже замечательно чистые, светлые и уютные».

Комнаты эти явились тем миром, в котором обитала одна из счастливейших семей России, и, как отмечают многие из их сторонников, к сожалению, свет, источаемый этим чудесным, любящим семейством, не смог осветить пресытившееся, разложившееся светское общество в Санкт-Петербурге и за его пределами.

Чрезвычайная поспешность брака привела и к другим большим осложнениям для молодой супруги Царя. Кликуши кричали: «Она пришла к нам за гробом», — поскольку в Петербурге ее впервые увидели облаченной в траур во время похорон Царя Александра III. Ей пришлось общаться со своими подданными прежде, чем она успела изучить их язык и освоить сложные обряды и службы Православной Церкви, искренней последовательницей которой она стала.

Скромная свадьба состоялась через неделю после похорон. Никаких торжеств не было. Не было устроено приема, чтобы дать друзьям и родственникам возможность поздравить молодых и порадоваться вместе с ними, и, как следствие, не было той спонтанной связи с народом, которая возникает во время импровизированных уличных празднований такого важного события. Не было и медового месяца, поскольку молодой Император должен был тотчас взвалить на себя тяжкую ношу обязанностей, к выполнению которых его так и не подготовили как следует. Ведь его отцу было всего сорок шесть и на вид он

казался крепким и сильным. Из-за этого молодая Царица редко видела своего мужа и часто оказывалась в одиночестве.

Следует отметить, что русский Двор значительно отличался от других Дворов Европы. В Москве и Петербурге, как и в их окрестностях, существовал не один и не два, а множество императорских дворцов и при каждом — армия слуг, которых можно было использовать во время пребывания там Императорской семьи. Облаченные в яркие, зачастую экзотические одежды, они суеились, исполняя свои обязанности, отворяя двери и с поклонами внося подносы с яствами или посланиями. Многие из них выполняли четко определенные обязанности: костюмеров, секретарей, горничных, слуг, гувернанток, кучеров, скороходов, садовников, сторожей, поваров и т. д. и т. п. Императорский дворец походил на большую механическую игрушку, где каждый из челяди, одетый в особый костюм, двигался собственным, установленным для него маршрутом, подобно деталям сложного механизма. Механизм этот был заведен и пущен в ход давным-давно и продолжал работать по инерции, независимо от того, какой была данная Императорская семья, которую он обслуживал.

Граф Владимир Фредерикс, министр Императорского Двора и уделов, следил за протоколом и выполнял многочисленные обязанности, зачастую ставившие в тупик постороннего наблюдателя. К примеру, он имел в своем распоряжении особую команду слуг, которым было поручено разбивать молотками отслужившую срок императорскую фарфоровую и стеклянную посуду, для того, чтобы ее не использовали недостойным образом. Великий Князь Александр Михайлович, известный в семье как Сандро, накануне женитьбы на Царской сестре, Великой Княжне Ксении Александровне, был поражен, увидев подарок тестя. Ее сестра, Ольга, впоследствии вспоминала: «Согласно обычаю, Папа подарил жениху белье — по четыре дюжины дневных, ночных и других рубаш. В числе предметов, составляющих приданое жениха и невесты, были ночные халаты и туфли из серебряной парчи. Один халат весил шестнадцать фунтов. По традиции Дома Романовых, Великий Князь и Великая Княгиня должны были надеть их в брачную ночь».

Барон (впоследствии граф) Фредерикс раздавал от имени Царя награды и подарки, хотя Государь порой не знал об этом и удивлялся, когда награжденный благодарил его. Анна Вырубова, приближенная Императрицы, вспоминала, что Александра Феодоровна была не в силах внести хоть какие-то изменения в устоявшиеся дворцовые порядки. Из года в год ставились одни и те же стаканы в серебряных подстаканниках, одни и те же

тарелки с горячими булками, одно и то же английское печенье. Ни пирожных, ни иных лакомств не подавали. «У всех бывает вкуснее чай, чем у нас, и более разнообразия», — жаловалась она Вырубовой. Гиббс называл Императорский дворец лабиринтом, в котором ему с трудом удавалось найти уголок для занятий со своими подопечными.

Александровский дворец был величественным сооружением. Слуги были там повсюду. Границу, отделявшую этот интимный мир от остальных дворцовых помещений, охраняли четыре кричаще одетых экзотических телохранителя. У дверей рабочего кабинета Царя или будуара, где отдыхала Императрица, стояли огромного роста эфиопы в алых шароварах, шитых золотом куртках, туфлях с остроконечными загнутыми вверх носками... За стулом Императрицы стоял арап Джимми... В действительности же это был негр по имени Джим Геркулес... В отпуск Джим ездил в Америку, откуда привозил детям гостинцы — банки повидла из гуайавы. Единственной обязанностью этих живописных стражей было открывать и закрывать двери, ведущие в покои Императорской семьи, при появлении и уходе посетителей.

Но этот замысловатый ритуал, существовавший со времен Екатерины Великой, за дверьми помещений Царской семьи переставал существовать и, похоже, не оказывал никакого влияния на простые вкусы и привычки сплоченной Семьи Николая и Александры. Гиббс рассказывает, что Императорские дети «жили в верхнем этаже, у них были собственные гостиные, столовая, спальни и ваннные комнаты. К ним можно было в любое время легко подняться по отдельной лестнице». Жившие в этих помещениях «юные Великие Княжны воспитывались строго: спали на походных кроватях, умывались холодной водой и ели очень простую пищу. Пирожные к чаю подавались редко».

Разумеется, Гиббс еще не знал об этих порядках. Проехав мимо величественных зданий и охранявшего дворец наряда казаков, после расспросов многочисленных охранников и полицейских агентов он входил во дворец через распахнутые перед ним слугами в ливреях двери, в то время как другие служители кидались к нему, чтобы принять шляпу. Должно быть, англичанин удивился, когда его привели в очень скромную, обшитую деревянными панелями классную комнату, в которой находились один большой квадратный стол, несколько стульев с прямыми спинками, доска, стеллаж для книг и на стенах — множество избранных икон и картин. Мадемуазель София Тютчева представила оказавшегося в этой непритязательной обстановке Гиббса его будущим ученицам — Великим Княжнам Ольге и Татьяне, которым в то время было тринадцать и

одиннадцать лет. В присутствии воспитательницы, несколько смущавшем его, учитель должен был дать первый урок Царственным ученицам, которых он никогда прежде не видел.

Благодаря то ли простоте обстановки, то ли приветливости и отзывчивости девочек, а, может, вследствие опытности и тщательной подготовки, Гиббс сумел преодолеть нервозность и провел урок на достойном уровне. Как было на самом деле, мы не знаем, но, скорее всего, важным фактором явился его опыт. Зная возраст учениц, он мудро решил использовать свой отлично поставленный голос и прочитать вслух какой-нибудь текст, который смог бы заинтересовать Великих Княжон, которые, как ему было известно, довольно хорошо знали язык. Закончив чтение, Гиббс принялся задавать им соответствующие вопросы с тем, чтобы определить, насколько поняли они прочитанное и услышать шокировавшее некогда короля Эдуарда VII произношение, которое они усвоили от его предшественника мистера Эппса, шотландца.

Мы не знаем точно, что именно он им читал, но к тому времени у него был большой опыт преподавания английского молодым русских дамам, и, вероятно, он имел представление о том, каков их вкус. Из записей Гиббса нам известны названия большинства книг, какие были у него на руках и какие он любил использовать на занятиях с учениками. Можно наверняка предположить, что для этого важного случая он не стал бы выбирать произведение какого-нибудь американского автора, хотя они и нравились ему, — английский был гораздо предпочтительней. Он часто читал отрывки из произведений Чарльза Диккенса. Темы и чувства, вызываемые ими, были в то время особенно популярны и вполне уместны для юных дам. Вполне вероятно, что он мог выбрать главу из «Оливера Твиста» или «Дэвида Копперфильда» или, скорее всего, какую-нибудь трогательную историю про одну из диккенсовских трагических девочек, например, крошку Нелл, крошку Доррит, Полли, Франциску Домби — таких хорошеньких, славных, милых и незаслуженно обиженных жизнью. Если его выбор был таков, то он как бы предчувствовал судьбу миловидных, невинных девушек, сидевших перед ним, хотя в те счастливые дни никому не могла бы прийти в голову мысль о том, какое мрачное будущее их ожидает. Манеры и исполнение текста Гиббсом заслужили одобрение как мадемуазель Тютчевой, так и его учениц.

Сид не сразу узнал об этом, поскольку Императрица должна была ознакомиться с докладом воспитательницы и дать ответ; однако в тот же вечер Гиббс написал Винни и сообщил ей о случившемся, о почти невероятных перспективах, которые могут

перед ним открыться, и о той внушающей благоговение обстановке, в какой это может произойти. Вскоре Гиббс получил официальное уведомление о назначении его преподавателем английского языка Великих Княжон. После того как он написал об этом домой, отец его чрезвычайно обрадовался и совершенно забыл о прежнем недовольстве сыном. Он понял, что перед Сидом открывается блестящая карьера: по существу, он становится чуть ли не членом Царской семьи: «Если бы только твоя бедная мама дожила до этого дня!» Дело в том, что Мэри Фишер Гиббс скончалась в 1906 году.

Когда Гиббс приехал в Царское Село в следующий раз, среди его учениц появилась девятилетняя Великая Княжна Мария. «Великие Княжны были миловидные, веселые девочки с непритязательными вкусами и очень приятные в общении. Они были очень смышленные и все схватывали на лету, когда старались». Однако каждая из них обладала собственным характером и способностями.

Самая старшая, Ольга, больше всех походила на отца. У нее были светло-русые волосы, голубые глаза, чутьчку вздернутый нос, из-за которого она сама подсмеивалась над собой, и чудная улыбка. Она великолепно танцевала и ездила верхом и была самой одаренной музыкантшей среди своих сестер. У нее был почти абсолютный слух, и она могла воспроизвести любую услышанную ею мелодию.

У нее был глубокий ум, ее всегда интересовали научные достижения и абстрактные идеи. Если бы Ольге удалось реализовать свои способности, то она стала бы выдающейся и весьма влиятельной особой.

Татьяна была наделена поразительной красотой. Она была высокая, стройная, как Императрица, хотя ее темные волосы, светлая кожа лица и широко расставленные глаза придавали ей поэтический вид, который, по словам Софьи Буксгевден, «не вполне соответствовал ее характеру», который был скорее практическим. Платья она носила с шиком, и хотя все девочки одевались одинаково, на Татьяне костюм сидел особенно ловко. Сестры и брат называли ее «гувернанткой», потому что она всегда останавливала расшалившихся сестер и помогала прислуге. Если было нужно обратиться к родителям с какой-то просьбой, дети поручали это Татьяне.

Мария тоже была красавица, но ничем не выделялась; скорее можно было назвать ее просто хорошенькой. У нее было широкое русское лицо, цветом волос и глаз она походила на Ольгу. У нее были огромные синие глаза. «Машины блюда» — называли их друзья и близкие. У нее был художественный талант, и она

любила рисовать. Она была также полна энергии, добросердечна и всегда готова прийти на помощь, особенно когда мать ухаживала за кем-то из детей, хворавших опасными детскими болезнями — дифтеритом, гифом, скарлатиной, оспой, против которых еще не была изобретена вакцина. Императрица всегда ухаживала за ними сама. «Мария — мои ноги», — имела обыкновение говорить она.

Еще до того, как он получил эту почетную должность, Гиббс был весьма занятым человеком. Он был руководителем ряда курсов по изучению новых языков при Императорском Училище правоведения. Он давал частные уроки языка студентам, проводил публичные чтения и принимал активное участие в работе Гильдии учителей английского языка. Хотя новая должность была важнее остальных обязанностей, ему пришлось подкорректировать и без того загруженную программу занятий.

Гиббс продолжал жить в Санкт-Петербурге, чтобы не отрываться от прежних дел; он был слишком добросовестен, чтобы доверить их другим или работать спустя рукава. Как следствие, два или три раза в неделю он ехал поездом в Царское Село, добирался на дрожках до Александровского дворца, чтобы всякий раз провести там два, а нередко и четыре урока. Обычно он выезжал в середине утра и читал вслух отрывки, выбранные на тот день. Затем на доске выписывал предложения из прочитанного, чтобы выделить отдельные элементы грамматики и обороты речи, а ученицы должны были определить части речи, сделать грамматический разбор, составить диаграмму предложений, освоить орфографию слов и написать собственные предложения. После первых двух уроков у него было время позавтракать вместе с обслуживающим персоналом дворца.

Пополудни, зачастую довольно поздно, Гиббс проводил остальные уроки. Новый материал он подавал в виде диктанта, чтобы Великие Княжны записывали то, что слышат; затем задавал им вопросы по содержанию диктанта. Гиббс старался, чтобы тексты были не только полезными, но и развлекательными, он рассказывал о фазах луны и ее изменениях в течение месяца, о новейших изобретениях, таких, как фотокамера, телеграф, телефон, хронометр и т. д. При этом он давал элементарное объяснение работы того или иного прибора и отмечал, какую пользу тот приносит обществу. Гиббс знакомил учениц с терминами, относящимися к системе правления: самодержавие, монархия, анархия, тирания, республика, демократия, олигархия, аристократия, парламент; составил перечень фактов, имеющих отношение к Библии, иллюстрируя их соответствующими отрывками из Священного Писания.

По тетрадям учениц, которые он бережно хранил в течение пятидесяти лет, можно проследить ряд трудностей, с которыми сталкивается иностранец при изучении английского языка. Так, они писали «pales» вместо «palace», «skreaming» вместо «screaming», «verds» вместо «words». В этих тетрадях видна также любовь и понимание детей — качества, которые полностью проявятся позднее, хотя прежде Гиббс, возможно, даже не подозревал этого в себе. Он все еще полагал, что его основные интересы связаны с Петербургом и относился к преподаванию языка Царским детям как к редкому подарку судьбы, как к работе, которая будет продолжаться лишь до тех пор, пока девочки не вырастут.

Следующей осенью Императрица попросила Гиббса заняться Анастасией, которой исполнилось восемь лет. Это была первая личная встреча учителя с Императрицей, и встреча эта, по его мнению, оказалась счастливой. «В 1909 году она по-прежнему выглядела очень молодой, у нее был свежий цвет лица, красивые волосы и глаза. Ее одежда и манеры были совершенно безыскусственные. Ее Величество протягивала руку с достоинством, смешанным с застенчивостью, что поистине придавало ей выражение любезности, поэтому было очень приятно видеть и трогать ее».

Похоже на то, что самая младшая из девочек, Анастасия, произвела на Гиббса наиболее яркое впечатление, поскольку о ней он пишет совершенно в особом тоне:

«...Тогда это был сущий ребенок — худенькая, деликатного телосложения. Она была шустрой, подвижной, и ее живые глаза искрились умом. С прелестным цветом лица и волос, хрупкая и изящная, тем не менее она обладала физической силой, характерной для их семьи. Кроме того, это была юная дама, обладавшая огромным самообладанием, всегда веселая и жизнерадостная. Всегда готовая на выдумки и проказы, она поразительно владела своей мимикой. Ни в одном другом ребенке я не видел ничего похожего.

С этой крохотной Великой Княжной не всегда было легко заниматься, в особенности, на уроках, которые следовало давать в „традиционной“ манере. Поскольку я изучал этические науки и получил ученую степень по этим дисциплинам, а позднее прослушал курс по детской психологии, я применял как можно больше новшеств. Как правило, у нас получались чудные уроки, но порой возникали грозы».

Гиббсу запомнились ее выходки в классе, и в своих записях он рассказывает о таких шумных занятиях. В одном случае учитель не поставил ей обычную, ожидавшуюся ученицей

«пятерку» за средние выученный урок. Некоторое время они сидели молча, затем, не сказав ни слова, Анастасия вышла из класса и вскоре вернулась с огромным букетом цветов. С обворожительной улыбкой она спросила: «Мистер Гиббс, Вы не исправите отметки?» Тот покачал головой, юная леди вышла из помещения и тотчас отправилась к русскому наставнику. «Петр Васильевич, позвольте мне подарить вам эти цветы». Разумеется, тому следовало бы ответить отрицательно, но, как заметил Гиббс, «преподаватели тоже люди». Шторм миновал, и их отношения вновь стали нормальными, однако Гиббс стал очень осмотрительным, ставя отметки, а Анастасия после каждого урока приносила ему цветы.

В другом случае, после детского костюмированного бала, Анастасия влетела в классную комнату с перепачканным лицом и небольшой лесенкой — символом ремесла трубочиста. Гиббс решил не обращать на это внимания, но когда начался урок, в комнату со смехом ворвались ее сестры, которые привели с собой родительницу. «Анастасия! — вскричала она в ужасе. — Сейчас же пойдешь переоденься». Девочка вскоре вернулась с красным от мочалки лицом и с большим апломбом села на свое место. Урок продолжился как ни чем не бывало. Все это время Государыня сидела вместе с ними, и все делали вид, будто не замечают лесенку, все еще лежащую на столе.

В числе предметов, преподаваемых Великим Княжнам, были русский, французский, катехизис, история, музыка, поэтому разным учителям приходилось не только подстраиваться друг под друга, но и учитывать возможные утренние прогулки Императора с детьми, если ему позволяли погода и обязанности, а также церковные службы, на которых Царская семья неизменно присутствовала в дни религиозных праздников и в дни рождения и тезоименитств каждого из членов Царской семьи. День Ангела Государя — память Святителя Николая, Мир Ликийских Чудотворца, — был, разумеется, общенациональным праздником. Они также присутствовали на молебнах, связанных с важными событиями национального значения, и на молитвах в дни испытаний.

До сих пор Гиббс общался, главным образом, с представителями английской колонии в столице, где большинство его знакомых были или равнодушны к религии, или же пребывали в состоянии смущения и разочарования, как и он сам. Они не проявляли никакого интереса к Русской Православной Церкви, считая ее пережитком прошлого. Духовный кризис, охвативший, как мы уже отмечали,

Англию, поразил и интеллигентствующие круги Санкт-

Петербурга. По словам князя Жевахова, «религиозный Петербург стал искать ответы на свои сомнения и духовные запросы в иной плоскости и вступил на почву „народной“ веры, не знающей никаких религиозных проблем, не сталкивающейся ни с какими противоречиями, не связанной ни с какою наукою... Сделать это было тем легче, что в представителях такой веры не ощущалось недостатка... И скоро эти представители, доньше вращавшиеся среди петербургской бедноты... перешагнули пороги великосветских салонов и гостиных».

Духовная немощь — вот что создало атмосферу, в которой Распутин и другие пророки вроде него смогли проникнуть в высшие круги петербургского общества. Гиббс и несколько его друзей поддались тому же недугу. Эти образованные, повидавшие свет господа регулярно посещали захудалого предсказателя дядю Мишу, занимались теософией и прочей чепухой даже тогда, когда уже вовсю шла Великая война.

Как культурная нация, Россия оставалась христианской дольше, чем западные страны. Свидетельства глубоко укоренившегося древнего православия можно было видеть и слышать повсюду. Воздух наполнял мелодичный многоголосый перезвон колоколов, раздававшийся с сотен церквей и монастырей. Они призывали верующих к молитве, оповещали о религиозных праздниках, торжествах, похоронах, бракосочетаниях, крещениях. В них били в набат при пожарах и других бедствиях. У колокольного звона был собственный язык, и верующие понимали его. Колокольни и сверкающие купола храмов возвышались над отдаленными селами, и звон с них разносился над полями, в которых трудились крестьяне. Он постоянно напоминал об ином, вечном мире, куда, благодаря священным

Таинствам Церкви, могут попасть люди даже самые скромные и бедные.

И повсюду можно было видеть иконы. В каждой русской лавке висела своя икона; они размещались в многочисленных придорожных часовнях, куда путник мог зайти помолиться; были прикреплены к каретам, саням, установлены над воротами и мостами. Даже наружные стены храмов были украшены ими; в каждом доме был «красный угол», где висели семейные иконы, перед которыми молились его обитатели. Эти уникальные произведения искусства, столь красочные и выразительные, имели огромное значение даже для самых простых верующих. Но большинством англичан и столичной интеллигенции иконы и их почитание были с презрением отвергнуты как суеверие и идолопоклонство.

При всей разочарованности в религии Гиббс больше не мог игнорировать роль Православной Церкви в жизни Императорской семьи. Древние обряды и церемонии, разумеется, тесно переплетались с официальной жизнью Двора, но еще прочней они сочетались с повседневной жизнью этого благочестивого Семейства. Его члены не просто посещали храмы — они жили по заветам Церкви, и их набожность была краеугольным камнем счастья и взаимной любви, выделявшей их. Гиббс ощущал, что эта вера, которую он прежде находил столь чуждой, непонятной и которую на Западе обычно отвергали как нечто наивное, придавала ему уверенности и силы, чего он прежде не испытывал. Он был далек от того, чтобы воспринять православие, но контраст между атмосферой дворца и равнодушного, декадентствующего Петербурга заставлял его отказаться от своих предубеждений.

Глава 4. Наставник Цесаревича

ПРОШЛО ТРИ ГОДА, прежде чем Императрица обратилась к Гиббсу с просьбой быть наставником Цесаревича Алексея и обучить его английскому, что она пыталась сделать сама, но неудачно. Мальчик, которому к этому времени исполнилось восемь лет, был знаком учителю, поскольку, едва научившись ходить, он частенько забредал в классные комнаты.

«Это был малыш в белых штанишках и русской косоворотке с украинской вышивкой голубыми и серебряными нитками. В 11 часов он, ковыляя, заходил ко мне в класс, оглядывался и затем с серьезным видом протягивал ручку. В это период мы не произносили ни слова, так как он, наверняка, понимал сложность положения, поскольку я не знал (или так считалось) ни слова по-русски, а он был единственным ребенком в Семье, у которого с самого рождения не было английской няни, и он совсем не говорил по-английски. При таких обстоятельствах молчание было самым достойным выходом из положения, и он молча пожимал мне руку и уходил, переваливаясь с ноги на ногу».

Назначение на должность наставника для участия в обучении и воспитании Наследника Российского Престола возлагало огромную ответственность и воспринималось Гиббсом как священный долг, присущий ему как прирожденному и убежденному монархисту. Хотя британская монархия была конституционной, понимание им принципа самодержавия было, пожалуй, острее, чем у Пьера Жильяра, второго превосходного наставника, швейцарского француза с более ярко выраженными демократическими взглядами. Старшим наставником был преподаватель русского языка статский советник Петр Васильевич Петров.

Жизнь этого прекрасного ребенка, рождения которого так страстно ждали родители, чтобы обеспечить преемственность династии, роковым образом повлияла на печальную судьбу Империи, которую ему предстояло сохранить. У него было красивое, крепко сложенное тельце, светлый ум — казалось, все, чего можно было пожелать. Однако кровь его была поражена коварным недугом, из-за чего ему было почти невозможно выжить в суматохе будничной жизни. Он появился из материнского чрева в то самое время, когда Россия терпела унижительное поражение от Японии — поражение, которое сильно подорвало престиж монархии и явилось одним из несчастий, которые в конечном счете привели к роковой катастрофе.

Империя, приветствовавшая рождение Наследника,

представляла собой редкое и любопытное социополитическое явление, наделенное своеобразной экзотической красотой, однако ее, по словам Уинстона Черчилля, уже разъедала смертоносная бацилла. Эта болезнь уродовала и подрывала силы Империи, и было мало надежды, что она уцелеет во враждебном мире, отвернувшемся от многих институтов и традиций, по-прежнему дорогих большинству русских.

Горячая христианская вера каким-то образом сохранилась у них в стране, в то время как некоторое ее подобие упорно перемещалось на Запад. Хотя западным наблюдателям она нередко могла показаться простой и бесхитростной, ее величие обогащало все классы, возвышая жизнь даже беднейшего крестьянина над ее серостью в течение всего года и внося в нее порядок и смысл в тяжелейшие его времена. Многовековая русская политическая система — самодержавие, — подвергавшаяся нападкам и насмешкам со стороны политиканов XX века, обладала величием, которым восхищались и которое почитали самые различные слои населения. Самодержавие означало связь подданных между собой и с православным Царем-Батюшкой, распределявшим между ними земные блага и приобщавшим их к высоким благам и Самому Господу Богу. Мир этот обладал своеобразной и мужественной красотой, но он был почти погублен стачками и восстаниями 1905–1907 гг. и окончательно разрушен Первой мировой войной и большевистской революцией.

КАК МЫ УЖЕ ОТМЕТИЛИ, после убийства Плеве в 1904 году Императорское правительство утратило контроль над рабочим движением, в которое были внедрены агенты, много работавшие, чтобы добиться стабильности общества и его гармоничного развития. Рабочие — обычно крестьяне, прибывшие в города из деревни, — попадали под влияние радикальных социалистов, которые морочили им головы и заставляли ожидать от Царя уступок и благ, которых он не мог дать, и это их заблуждение привело к трагедии — Кровавому воскресенью. Вслед за ним произошло множество забастовок и восстаний в ряде крупных промышленных городов, где недовольство владельцами предприятий и правительственными чиновниками было особенно велико. Затем произошла всеобщая забастовка железнодорожников, на некоторое время подорвавшая экономику страны. Министры, другие чиновники, даже сам Царь могли переезжать из одной части города в другой только на автомобилях или пароходах. Увеличилась угроза продолжения забастовки этого воинствующего союза железнодорожников.

30 октября 1905 года под давлением забастовщиков и

продолжающегося террора революционеров Николай наконец-то уступил. Он издал манифест, объявивший полуконституционную форму правления с выборным парламентом, Думой, и провозгласивший свободу слова, печати, собраний и союзов. Сергей Витте, первый премьер-министр, а также первое лицо, которому было поручено решение всех внутренних дел, был основным автором документа, и хотя Николай согласился на его условия, произошло это после долгих и мучительных колебаний, поскольку Император искренне полагал, что нарушил клятву, которую дал на коронации.

Николай был также убежден, что русский народ еще не созрел для представительного правительства и что слишком поспешно проведенные либеральные реформы нарушат весь порядок и станут губительны для страны. Он запомнил замечание, сделанное его дедом, Александром II, что история не знает примеров, когда либеральные реформы останавливали прежде, чем они заходили слишком далеко, что подтвердила и его собственная трагическая судьба. За то, что в 1865 году Александр II освободил крепостных, его назвали Царем-Освободителем, но и он навлек на себя ненависть революционеров. Они решили убить его, и 1(13) марта 1881 года их третья попытка удалась. После того как бомба, брошенная террористом неподалеку от кареты Императора, не причинила ему вреда, он вышел и направился к злоумышленнику, чтобы поговорить с ним, но тут в него был брошен еще один метательный снаряд, который смертельно ранил Царя. В кармане у него в это время находился, по существу, проект конституции.

Николай II еще больше засомневался, когда, несмотря на его уступки, беспорядки и террористическая деятельность продолжились. Цифры потерь дают представление о той пугающей атмосфере, в которой все это происходило. В период с 1905 по 1909 год общее количество жертв террористов составило 5913 человек, причем 2691 из них погиб.

Террористическая деятельность революционеров продолжалась давно. Два министра внутренних дел, разрабатывавших планы земельной реформы, были убиты еще раньше: Д. С. Сипягин — в 1902 году, В. К. Плеве — в 1904-м. Петр Столыпин, чьи реформы были наиболее всеобъемлющие и многообещающие, был смертельно ранен в 1911 году. Менее чем через месяц после Кровавого воскресенья жертвой убийц стал Московский генерал-губернатор Великий Князь Сергей Александрович, чья жена Елизавета Феодоровна была старшей сестрой Императрицы. Революционеры решили, что даже проведение реформ, за которые они так жестоко боролись, не

должно помешать им осуществить всемирное социалистическое преобразование общества. Разумеется, главной целью их нападений был Царь, а за ним — Наследник, поэтому каждое их перемещение следовало планировать и координировать, принимая строжайшие меры безопасности.

В то время как над страной носились эти политические вихри, Цесаревич и его близкие вели собственную тяжелую войну с мучительной болью и опухолью, зачастую возникавшими в результате самых простых травм, свойственных ребенку его возраста. Многие лица, жившие в столице и ее окрестностях, а также те, кто был связан с Двором, понимали, что Наследника мучит какой-то таинственный недуг, но никто за пределами тесно сплоченного Семейства не знал правды, и ходили самые нелепые слухи относительно того, что это могло быть. Решение Семьи хранить молчание соответствовало придворному этикету и требованиям эпохи: было бы неразумно оповещать всех, что жизнь столь важного для страны ребенка весьма непрочна. Все Семейство молилось и надеялось на чудо; особенно горячи были молитвы Императрицы. Даже наставникам Цесаревича не сообщали об истинной природе смущавших их периодов его болезни, которая возникала внезапно и продолжалась несколько дней, в результате чего над дворцом повисала мрачная туча, которую чувствовали все. По-видимому, ломали головы над этой загадкой и Гиббс с Жильяром, ибо хотя они и были назначены учителями к Цесаревичу в 1912 году, но начать серьезные занятия с мальчиком смогли лишь к концу 1913-го.

К тому времени Алексей успел оправиться от самой тяжелой в его жизни травмы. Осенью 1912 года Царская семья ездила на восток Польши, где жила в охотничьем доме, наслаждаясь великолепными лесами и чистыми ручьями. Царь и его дочери катались верхом по лесным дорогам, но мальчику верхом ездить не разрешалось, и он довольствовался катанием на лодке. Именно в Беловеже, неудачно прыгнув в лодку, он оступился и ударился об уключину внутренней частью бедра. Однако припухлость, появившаяся в нижней части паха, через неделю исчезла, и Семейство поехало в Спалу — излюбленное место охоты Царя.

Деревянный дворец в Спале был мрачный и скучный, с плохим освещением и вентиляцией. Однажды, когда большинство особ свиты были заняты охотой и верховой ездой, Императрица решила взять сына на прогулку, чтобы он смог подышать свежим воздухом. Однако от тряски по сельским дорогам у него началось внутреннее кровоизлияние, причинявшее ему адскую боль, так что когда карета подъехала к дворцу, его вынесли почти без чувств. Последовали одиннадцать дней кошмара для всех —

больного ребенка, перепуганных родителей и сестер, встревоженных и беспомощных докторов. Положение стало настолько критическим, что были опубликованы бюллетени, из которых следовало, что жизнь Наследника находится в опасности.

Когда не осталось никакой надежды и доктора заявили, что не в силах помочь ребенку, отчаявшаяся Александра Феодоровна приказала Вырубовой послать телеграмму Григорию Распутину, чтобы тот помолился за мальчика. В это время Распутин находился в Сибири, куда был отправлен по приказу Императора после скандала, устроенного в петербургском ночном клубе. Старец тотчас ответил: «Бог воззрил на твои слезы. Не печалься. Твой сын будет жить. Пусть доктора его не мучат».

Молитвы и присутствие Распутина помогали больному ребенку и в других случаях. Их было так много, что, по словам Великой Княгини Ольги Александровны, такие случаи было трудно сосчитать. Однако этот эпизод имел особенно важные последствия: ребенок, очевидно, умирал, но Григорий Распутин, находившийся за сотни верст, явно спас его. Это чудо убедило Императрицу, что Распутин поистине «человек Божий» — единственный, к кому она могла обратиться за помощью ее больному сыну.

Эта вера Александры Феодоровны окажется роковой для Династии, которую она всеми силами старалась сохранить. После этого случая она отвергала все обвинения в адрес Распутина — а их было много, и они были шокирующими — и была готова на все, чтобы защитить единственного человека, который мог облегчить страдания Наследника и восстановить его здоровье. Лишь тот, кто сидел у постели ребенка, стонущего от боли, которую невозможно облегчить, корчащегося от жара, с которым невозможно справиться, может понять отчаяние, с каким Императрица цеплялась за этого странного неотесанного крестьянина, который пешком пришел из Сибири и вторгся в их жизнь.

Такие люди, как Распутин, были обыкновенным явлением в Православной Руси. Это были юродивые или странники, пешком ходившие по долам и весям. Эти святые люди питались подаянием, ягодами, корешками, орехами, в лесу ночевали под открытым небом, но в городах и деревнях хозяева всегда предоставляли им пищу и кров.

В юности Григорий Распутин был гулякой, пьяницей и развратником. Когда его поймали в Покровском за кражей леса, то подвергли жестокой публичной порке. Вскоре после этого он отправился в Верхотурский монастырь, где провел несколько месяцев и подпал под влияние отшельника Макария. Знакомство

преобразило юношу: он оставил свои пагубные привычки, совершенно перестал курить, есть мясо и пить водку. Это продолжалось несколько лет. Он научился читать, немного писать и выучил наизусть много отрывков из Священного Писания, которые читал своим знакомым, заводя беседы о божественном.

Многие из тех, кто знал Распутина, полагали, что после наказания он тронулся умом. К такому предположению некоторые историки относятся серьезно. Возможно, это обстоятельство каким-то образом объясняет его переходы от религиозного рвения к дикому буйству, характерному для него в последующие годы. После разгула он всегда каялся и, несмотря на свои прегрешения, никогда не терял убеждения, что ему уготовано особое духовное призвание, хотя он не был ни священником, ни монахом. Ему было двадцать восемь лет, когда он отправился странствовать, благодаря чему посетил много святых мест и познакомился с влиятельными церковными иерархами. Вначале этот крестьянин, исполненный религиозного рвения и простой веры, которую умел выразить поразительно просто и доходчиво, производил на них сильное впечатление. Первым его покровителем стал епископ Гермоген [Долганов], и хотя впоследствии он громил Распутина за его скандальное поведение, именно этот епископ ввел Распутина в петербургское общество, а оттуда и в Александровский дворец.

Оказавшись там, Распутин сделал много доброго, но другая сторона его личности дала пищу отвратительным сплетням, питавшим энергию врагов Царя и Царицы. Они рассказывали повсюду о его проступках, окрашивая их в самые яркие цвета, и даже доходили до того, что утверждал и,

будто Императорская семья, в особенности Царица, полностью находится под влиянием Распутина и участвует в устраиваемых им оргиях. Политический эффект был катастрофический; публика стала думать, что страной правит дьявол.

После ужасного эпизода в Спале Алексей не мог ходить выше года и был все еще бледным, нервным и слабым, когда Гиббс начал наконец заниматься с ним. Неудивительно, что он нашел ребенка избалованным и привыкшим поступать по-своему, хотя уступки ему зачастую были излишними даже для Принца Крови. Однажды во время урока английского языка ребенок позвонил и потребовал принести ему шоколадную конфету. Дядька Наследника, матрос Деревенько, тотчас принес ее в хрустальном кубке, и мальчик съел ее. «Привычку эту было необходимо пресечь. Что за свинство — лакомиться одному», — отметил Гиббс. По словам Пьера Жильяра, «он [Алексей] никогда

не был подчинен никакой дисциплине... Его уже окружал бдительный надзор, который однако позволял ему искать убежища в бездействии».

Заставить Наследника сесть за уроки и сделать их регулярными было сложным и зачастую утомительным делом. Гиббс вначале провел много занятий, пытаясь опытным путем установить связь с ребенком, который не говорил по-английски, будучи человеком, который не должен был говорить с ним по-русски. В курсе детской психологии, которую он проходил в Кембридже, подчеркивалась необходимость сделать изучаемый предмет увлекательным. Именно эту философию учитель успешно применил на практике.

Однако вскоре Гиббс научился ценить детские игры, когда ребенок воображал себя взрослым — солдатом, моряком, исследователем тайн, любителем приключений, изучающим неведомые страны, героем, преодолевающим какую-то страшную опасность. Участвуя в совместных играх, учитель и ученик создавали некий вымышленный мир, который следовало наполнить придуманными ими персонажами и событиями. Тем не менее Гиббсу понадобилось несколько месяцев упорного труда, чтобы создать атмосферу доверия и взаимопонимания, в которой они смогли начать серьезно заниматься. Сид приводит подробности некоторых их ранних уроков.

Первые пособия были весьма элементарными: Mother Goose Book («Сказки Матушки Гусыни») и Golliwog's Circus Book («Книжка про цирк» Голливога). Гиббс также использовал книжки с иллюстрациями. Он обсуждал с Алексеем то, что было изображено на картинках. Экспериментальные уроки оживлялись склеиванием из бумаги шапок и коробок, изготовлением бумажных флагов и скрученных из бумаги флагштоков, после чего они проигрывали ситуацию, в которой можно было использовать эти изделия. Однажды, когда Алексей принес кусок проволоки, Гиббс использовал создавшуюся ситуацию: разрезал ее пополам, получив передающий и приемный кабели. В результате они смогли переговариваться по телеграфу, держа один конец проволоки возле уха, а другой зажав зубами. «Похоже, он очень удивился, слушая зубами. Затем я продолжил читать ему сказку Fish and the Ring („Рыба и кольцо“). А после того, как я повторил ее, он, как мне показалось, запомнил сказку, и когда я стал задавать ему вопросы, он стал отвечать на них гораздо лучше».

Религиозные праздники и дни Великопостного говения в феврале и марте занимали много времени, но к Пасхе между учителем и учеником возникли подлинная дружба и

взаимопонимание. Гиббсу показалось, что Алексей стал вести себя более непринужденно, пытался чаще разговаривать по-английски и, по-видимому, больше понимал. И все равно иногда мальчик доставлял учителю немало неприятностей. Однажды было довольно поздно, когда они смогли начать занятие. К этому времени Цесаревич устал и проголодался, но все-таки был нервным и возбужденным.

«Сначала он принялся резать хлеб ножницами, затем принялся бросать его птицам, для чего пришлось открывать и закрывать створный переплет — работа довольно хлопотная. Затем он обмотал проволоку вокруг зубов и хотел проделать то же самое со мной, но, естественно, я воспротивился этому. Хуже того, он снова схватил ножницы и сделал вид, будто собирается резать все, что попадет ему под руку. Чем больше я старался помешать ему, тем громче он визжал от восторга. Странно, но у него было при этом неприятное выражение лица. Он захотел стричь мои волосы, затем свои. Л когда я попытался помешать ему, он спрятался за портьеру и обмотал ее вокруг себя. Когда я извлек его оттуда, он успел отрезать себе прядь и очень расстроился, когда я сообщил ему, что у него на этом месте образовалась проплешина. Затем он попытался резать ножницами обои и портьеру. Кончилось тем, что он принялся извлекать свинцовые гирьки из портьер. Покончив с этим, он пригласил меня пойти с ним в игровую комнату, но я ему сказал, что уже почти шесть часов. Он стал спускаться вниз, крича, что вынул из портьер свинец».

В тот день уроков больше не было, однако этот эпизод, скорее «волнующий, чем приятный», показал, что мальчик стал лучше усваивать английский.

Уезжая в конце весны 1914 года на летние каникулы в Англию, Гиббс был вполне удовлетворен успехами своего ученика и добрыми отношениями, которые у них сложились.

Глава 5. Наступает тьма

СУДЯ ПО РАССКАЗАМ СОВРЕМЕННИКОВ, весной и летом 1914 года погода стояла великолепная. Уверенный в своем будущем, оптимистически настроенный, теплым солнечным майским днем Сид отправился морем на родину, чтобы провести мирное лето с отцом, который отошел от дел и, передав банк своему преемнику, жил теперь в принадлежащем их семейству доме в Нормантоне. Гиббс-старший получал большое удовольствие от общества сына, его рассказов о жизни при русском Императорском Дворе и давно позабыл о разочаровании в выбранной Сидом профессии. В те чудные дни они совершали вдвоем продолжительные прогулки и наслаждались доброй трапезой, приготовленной тетушкой Хэтти, которая поселилась у них в доме, чтобы заботиться о Джоне Гиббсе.

Сид сделал много фотографий своих Августейших учеников и окружения, в котором жил, и теперь показывал их членам семейства, приехавшим взглянуть на «эмигранта», пока он дома, и послушать о его приключениях. Счастливое лето, проведенное Сидом вместе с отцом, будет последним для них, хотя ни тот, ни другой тогда даже не подозревали об этом. Мир, простиравшийся за пределами семейства Гиббсов, казался безмятежным, прочным и великолепно устроенным, как с сердечной тоской вспоминал Уинстон Черчилль:

«Мир, находившийся в двух шагах от катастрофы, был очень ярок. Страны и империи, увенчанные принцами и владельческими особами, повсюду величественно возвышались, наслаждаясь благами продолжительного мира. Все были установлены и закреплены — казалось, надежно — с помощью гигантских противовесов. Две мощные европейские системы взирали друг на друга, сверкая и бряцая доспехами, но спокойным взглядом... Неужели в конце концов нам предстояло достичь международной безопасности и всеобщего мира с помощью чудесной системы равновесия и равных вооружений, с помощью проверок и контрпроверок насильственных действий, становившихся все более сложными и тонкими? Неужели Европа, таким образом организованная, сведенная в группы, соединенная такими отношениями, объединится, создав целый, великолепный организм, способный получать и наслаждаться неслыханным изобилием, дарованным природой и наукой? Смотреть на старый мир, клонившийся к закату, было одно удовольствие».

Гот старый мир казался настолько прекрасным, настолько безмятежным, что вряд ли кто-нибудь догадывался о его

предстоящей гибели. В июне состоялись два красочных морских парада, когда адмирал Дэвид Битти прибыл с боевой эскадрой британских кораблей в Кронштадт, чтобы приветствовать русский военный флот и Царя, находившегося со своей Семьей на борту яхты «Штандарт». Этот лихой моряк — самый молодой флагман британского флота — в отличие от большинства адмиралов, был безбород и чисто выбрит, но его умелые действия заставили адмирала Пакенхема восторженно прошептать: «К нам снова явился Нельсон». Из Кронштадта эскадра проследовала в Киль, чтобы нанести визит германскому военному флоту. Это также был великолепный спектакль, поставленный с целью утвердить атмосферу согласия и дружбы, несмотря на демонстрацию Германией своей грозной военной мощи.

Однако мирная картина, возвещавшая безмятежное будущее, была внезапно нарушена 28 июня 1914 года убийством в Сараево австрийского эрцгерцога Франца- Фердинанда и его супруги неким сербским националистом. Гиббс был, разумеется, достаточно подкован политически, поступив на службу в Императорское Училище правоведения, где регулярно обсуждались вопросы политики. Принадлежа к обслуживающему персоналу Императорского Двора, он слышал много серьезных и не очень серьезных разговоров об опасности для Сербии со стороны Австрии. Сам Петербург являлся котлом, в котором кипели политические сплетни. В 1908 году, когда Гиббс стал вхож в Александровский дворец, произошел унижительный для России инцидент, связанный с планом Австрии узаконить аннексию Боснии и Герцеговины.

Эта проблема осталась со времен русско-турецкой войны 1875 года, когда Россия помогала православным братьям на Балканах, восставшим против мусульманско- турецкого ига, под которым они пребывали с XV века. Ее успех встревожил Великобританию, Францию и Германию, которые не желали, чтобы Балканский полуостров находился под контролем русских. Используя Босфор и Дарданеллы как рычаги воздействия, в 1878 году они созвали Берлинскую конференцию с целью пересмотра заключенного в Сан-Стефано договора с Россией. Согласно Берлинскому трактату, Болгария была разделена на три части, Сербия, Черногория и Румыния были объявлены независимыми, остров Кипр отошел к Великобритании, а Австро-Венгрии было разрешено «занять и управлять» Боснией-Г ерцеговиной, однако не аннексировать ее до определенной даты в будущем.

В 1908 году казалось, что Османская Империя находится на кануне распада, и Австрия решила воспользоваться ситуацией и предъявить свои права на Боснию- Герцеговину. Встретившиеся

вместе австрийский и русский послы заключили частное соглашение, выгодное обеим державам. За то, что Австро-Венгрия поддержит требование России к Турции разрешить беспрепятственный проход русского флота через черноморские проливы, русские не станут возражать против аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. Произошло всеобщее замешательство, когда австрийский политик публично объявил о суверенитете Австрии в этом районе, но ничего не сказал о проливах.

Когда был подписан Берлинский пакт, Николаю было всего десять лет и он ничего о нем не знал, пока не столкнулся с кайзером, который вспомнил о нем и угрожал серьезными и непредсказуемыми последствиями, если условия пакта не будут выполнены. Полагали, что Германия готова объявить мобилизацию, чтобы защитить интересы своей союзницы Австрии. Аннексия стала свершившимся фактом, между тем как Россия ничего не смогла сделать, чтобы получить стратегически важный доступ к проливам, тем более что Великобритания и Франция не желали оказать ей поддержку. Когда начнется Великая война, они будут горько сожалеть о такой политике.

От искры, вспыхнувшей в Сараево, сдетонировали все заряды сложной цепочки, возникшей в результате десятилетий конфликтов между европейскими державами, состязавшимися за влияние в этом стратегически важном регионе. Эти конфликты часто улаживались с помощью неприятно пахнущих договоров, навязывавшихся недовольным балканским государствам, Турции и Кавказскому региону. Австрийской реакцией на сараевское убийство явился намеренно оскорбительный ответ, отвергавший все выражения соболезнования и обвинявший само сербское правительство в причастности к этой недостойной акции. Австрийцы настаивали на том, чтобы им разрешили наблюдать за сербским расследованием.

Тогда Сербия обратилась за помощью к России. Царь страстно желал избежать войны, поскольку Россия не была достаточно подготовлена к ней, однако было немыслимо допустить, чтобы ее традиционный друг был проглочен, а Россия потеряла все свое влияния в этом регионе. Николай предложил передать спор на рассмотрение Гаагского трибунала; он взывал к кайзеру и семейным узам, напомнил об исторической дружбе между их странами, однако Вильгельм остался непреклонен в своей поддержке Австрии и угрожал самыми жестокими карами, если Россия сделает хоть шаг, чтобы помочь Сербии. Он даже потребовал, чтобы мобилизация русских войск вдоль сербской

границы была немедленно отменена и извещение об этом было срочно направлено кайзеру, в то время как австрийцы продолжали вести военные действия.

Все понимали, что подлинную угрозу представляет Германия; Австрия была лишь предлогом. Несмотря на видимость всеобщего мира, в воздухе давно витала какая-то нервозность. Многие наблюдатели полагали, что Германия не станет рисковать своим невиданным экономическим и социальным развитием и нарушать великолепную военную организацию, начав войну, несмотря на то, что она громко кричит и размахивает кулаками. Но были и такие, кто считал, что именно эти достижения сделали немецкую империю беспокойной: немцам было необходимо пространство, где они могли бы поразмять мускулы и проявить свою энергию и предприимчивость.

После ухода Бисмарка в 1890 году Император Вильгельм повел страну новым курсом, который превратит ее в мировую державу. Вырвав Сербию из-под русского влияния, он сделал бы большой шаг в этом направлении и Германия добилась бы большого влияния на Балканах, в Турции и на Ближнем Востоке. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, немцы проводили двойную стратегию. Они рассчитывали, что Россия пойдет на попятный вследствие ее военной неподготовленности и угрозы внутренней революции. Если же этот расчет окажется ошибочным и война станет неизбежной, то та же самая неподготовленность России позволит разбить ее быстро и без труда. «Сейчас или никогда» — начертал кайзер на полях депеши, адресованной Австрийскому Императору Францу-Иосифу, поскольку сознавал, что года через два-три быстрая индустриализация России исключит такую возможность.

Разумеется, Гиббс понимал, что сараевские убийства будут иметь серьезные международные последствия, но, как и многие другие, войны не ожидал. Однако 28 июня Австрия объявила Сербии войну, а 29 июня подвергла бомбардированию Белград тяжелой артиллерией. Когда 20 июня об этом стало известно в Петербурге, Николай II молча опустил голову, а затем, чрезвычайно неохотно, объявил полную мобилизацию. Как заметил Сергей Сазонов, «это значит обречь на смерть сотни тысяч русских людей. Как не остановиться перед таким решением?» Германия уже объявила войну России, однако нота была задержана графом Пурталесом [немецким послом в России] с тем, чтобы французская делегация во главе с Раймоном Пуанкаре успела отплыть на родину. Нота была вручена 1 августа.

2 августа Царь и Царица вышли на балкон Зимнего дворца и

объявили русскому народу о начале военных действий. Ответом было громовое «ура», вырвавшееся из глоток многотысячной толпы, собравшейся на Дворцовой площади. Царь произнес ту же клятву, которую дал Александр I, узнав о вторжении в Россию армий Наполеона: «Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли нашей». После этого люди всех классов, народностей и политических убеждений, как один, опустились на колени и запели «Боже, Царя храни!», а затем волнующие слова: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое». Были забыты все политические разногласия, все протесты, и сердца всех людей бились в едином порыве — разгромить вражескую Германию. К 4 августа войну Германии объявили Франция и Великобритания, создав «Сердечное Соглашение» [союз «Антанта»], направленное против Германии.

В середине августа Гиббс получил телеграмму от Императрицы, в которой та просила его вернуться в Царское Село. Добраться до Петербурга Балтийским морем стало невозможно, поэтому Гиббс отплыл из Гулля на север, попал в Скандинавию, переплыл Ботнический залив, пересек Финляндию и оттуда поездом добрался до Петербурга. Плавание было опасным: можно было запросто налететь на дрейфующие мины.

В том же поезде волею случая ехал Великий Князь Михаил Александрович, возвращавшийся из ссылки. В свое время, вопреки решению Брата, он тайно обвенчался с дважды разведенной миловидной простолюдинкой Натальей Шереметьевской, хотя и дал Царю слово, что не сделает этого. Его непослушание повлекло за собой ссылку в Англию, но после объявления войны всем изгнанникам было позволено вернуться домой. Великий Князь, его жена, получившая титул графини Брасовой, и сын, родившийся до их бракосочетания, спустились на перрон Финляндского вокзала одновременно с Гиббсом. Михаила тотчас отправили на фронт, чтобы командовать дивизией на Кавказе.

Когда Гиббс явился во дворец, он обнаружил, что Царское Село охвачено суетой. Царь то и дело получал доклады, принимал собственных и иностранных посетителей или же посланников с фронта, куда он регулярно ездил. Императрица с головой окунулась в госпитальную работу, к которой у нее был поистине дар. Вместе с дочерьми Ольгой и Татьяной она закончила курсы сестер милосердия, и, надев форму Красного Креста, они ежедневно приходили в лазареты их имени, чтобы выполнять тяжелую работу. Помогали проводить операции, утешали умирающих, часто перевязывали ужасные раны. Даже

Мария и Анастасия посещали госпитали, даря раненым цветы и улыбки. Все женщины, принадлежавшие к Императорскому Двору, в свободное время вязали вещи, привязывали тесемки к иконам, раздавая их солдатам от имени благодарного Императора.

К восторгу наставника, Алексей, носивший защитную форму рядового, добился замечательных успехов, развиваясь физически и духовно. Он стал гораздо серьезнее, охотно занимался английским. Гиббс умело воспользовался ситуацией, и их уроки стали приносить удовлетворительные результаты. Когда сэр Джон Хенбери-Вильямс, глава Британской военной миссии, год спустя встретил Наследника в Ставке, он поразился тем, что тот «свободно говорил на нескольких языках».

В 1915 году Гиббс смог отправиться лишь в краткосрочный летний отпуск, после чего возобновил уроки с Царскими детьми и продолжил работу с другими петербургскими учениками. Но занятия становились все более напряженными, программы все более сложными, особенно для членов Императорской семьи, поскольку Великие Княжны были загружены тяжелой работой в лазаретах и участием в смотрах подшефных полков, столь важным для поддержания боевого духа войск. Летом 1916 года Императрица предложила Гиббсу занять апартаменты в Екатерининском дворце. Это предложение он принял с благодарностью, хотя ему пришлось отказаться от некоторых своих обязанностей. Впрочем, свою петербургскую квартиру по деловым и социальным причинам он сохранял вплоть до второй половины 1917 года. Гиббс нашел атмосферу Царского Села бодрящей и наслаждался летом, проводимым на даче — «если только можно назвать дачей Царское Село. Правда, некоторые так считают, но многие придерживаются иного мнения. Правильнее было бы назвать его провинциальным городом или урбанизированной провинцией, в зависимости от вашей точки зрения. Вы найдете здесь множество жилых зданий и казарм, поскольку город ко всему еще и крупный военный центр. Но кроме того, здесь немало очаровательных дворцов, окруженных обширными рукотворными парками, много водоемов, удачно вписывающихся в ландшафт. Но все это относится лишь к самому Царскому Селу. Окружающая его местность — это по-прежнему нетронутая глушь или бесплодное болото».

Вскоре Гиббс освоился и завел себе кота, который забирался к нему каждую ночь в окно, проверяя, что осталось от трапезы, которую хозяину присылали с кухни Александровского дворца. Из новых апартаментов англичанин внимательно следил за борьбой, которую вела Россия с неприятелем. В начале августа таких

возможностей у него появилось больше, поскольку Императрица обратилась к нему с просьбой отправиться в Ставку, в Могилев, и там продолжить занятия английским с Наследником.

Заметки Гиббса, касающиеся этих событий, дают некоторое представление о преследовавших его сомнениях. Несколько ночей он не мог выспаться. «Я чувствовал, что что-то должно произойти. Я только принялся ужинать, когда он [Жильяр] позвонил, после чего у меня пропал аппетит». Его вызывали во дворец, чтобы объявить о новом назначении. Сбылся сон, в котором он узнал от Цесаревича, что скоро ему придется служить в Ставке. Гиббс поверил предсказанию прорицателя дяди Миши, который сказал, что его ожидает дальняя дорога.

ИСТОРИЯ УЧАСТИЯ РОССИИ в Великой войне с начала до конца представляется трагедией, рвущей сердце на части, хотя встречались в ней и славные страницы. Это была доблестная, рыцарственная страна, готовая отдать союзникам все, чем она располагала, однако она отстала от современного мира, в котором внезапно очутилась, сражаясь за собственное существование. Многие из ее самых поразительных качеств — невероятная стойкость, неизменное гостеприимство и доброта, ее горячая православная вера — оборачивались против нее же даже в отношениях с союзниками, не говоря о борьбе с жестокой военной машиной немцев.

Война эта не только явилась противоборством старого мира с незнакомым новым, но и характеризовалась различным отношением к самой войне. У русских было рыцарское отношение к противнику, им был свойственен кодекс чести. Ряды офицеров состояли, главным образом, из представителей дворянства, поскольку это было одно из немногих доступных им поприщ. Они очень гордились своей великолепной кавалерией, особенно знаменитыми казачьими частями, которые продолжали использовать в современной войне. В штыковых атаках русским не было равных, и каждый пехотинец был уверен, что стоит ему добраться до неприятеля, как тот — человек конченный.

Враг, с которым ему приходилось сталкиваться, не раз прибегал к обманам. Немецкое «Руководство к военным действиям» одобряло использование флагов противника, и немецкий адмирал Сушон действительно поднял российский флаг на крейсере «Гебен» 4 августа 1914 года, обстреливая французские транспорты в Средиземном море. Немцы также использовали в военных целях ядовитые газы, несмотря на то, что обладали непревзойденным преимуществом в тяжелой артиллерии, транспортных средствах, аэропланах и ином вооружении.

Этой беспощадной мощи русские могли противопоставить лишь ни с чем не сравнимую доблесть своих бойцов, которые беззаветно проливали свою кровь. «Эти люди играют в войну», — с огорчением заметил изумленный сэр Альфред Нокс, наблюдая, как русские офицеры шли в бой во весь рост, считая трусостью пригибаться под огнем, а солдат заставляли ползти. Нокс называл русских «взрослыми детьми с большим сердцем, которые, не задумываясь, словно в полусне, оказались в осином гнезде».

И все же Нокс от всей души восхищался русской регулярной армией. Несмотря на плохое снабжение и планирование — отсутствие разведки, запоздалые и противоречивые приказы, отсутствие телефонной связи и шифров, плохой учет пленных, отсутствие хороших дорог, нехватка горючего, — «русские войска сохраняли боевой дух, если и не соответствующий порядок». Бернард Пейрс писал, что русские с помощью солдат добивались того, чего немцы добивались с помощью металла.

О пленных и беженцах они слишком заботились и зачастую делились с ними последней кружкой чая и куском хлеба. Хенбери-Вильямс отмечал: «Повсюду я сталкивался с их гостеприимством, добротой, дружелюбием. Иногда мне кажется, что их искреннее желание угодить незнакомому человеку, доставить ему удовольствие восполняет слабохарактерность и неуверенность в себе». Несмотря на большие потери, в начале войны русские вели себя по отношению к противнику по-рыцарски. Взятых в плен неприятельских офицеров не допрашивали и даже не разоружали. Один раненый германский офицер, которого подобрали на поле боя, достав пистолет, застрелил несшего его санитаря.

На иностранных наблюдателей неизменно производило впечатление бесхитростное и искреннее религиозное чувство русских. Каждый день начинался и заканчивался церковной службой — или в церкви в Ставке, или под открытым небом, или в походном храме. Объезжая вместе с генералом Безобразовым поля сражений весной 1915 года, Нокс отметил, как тронули солдат слова благодарности от имени Императора, и, изучая душу русского солдата, делился своими наблюдениями:

«Всякий раз, как мы где-то останавливались, генерал проводил беседу, объясняя офицерам общую ситуацию, о которой не знали бойцы в окопах... Я снова был поражен чудесным простодушием русских офицеров и солдат. Когда мы зашли в блиндаж Московского полка, зашел разговор о тактике немцев и о том, как лучше их перехитрить. Генерал обсуждал возможность их прорыва наших оборонительных линий [и стал дальше объяснять, как его предотвратить...] Затем простодушно, без

обиняков, добавил: „Вы также всегда должны помнить о силе молитвы — с молитвой можно все“. Этот неожиданный переход от технических деталей к простым и наивным истинам показался мне нелепым, неуместным и чуть ли не шокирующим, однако столпившимися в землянке офицерами с серьезными бородатыми лицами был воспринят вполне естественно. Эта вера в Бога придает русскому воинству особую силу, жаль только, что ее недостаточно учитывают»

Несмотря на восхищение русскими, Нокс, как и все западные союзники, относился к России с предубеждением. Ее религия, в основе которой находилось Божественное, таинственное Начало, была лишена утилитарности, принесшей Западу политический, социальный и экономический прогресс. Продолжительные и замысловатые православные богослужения никак не могли способствовать созданию развивающегося, современного общества. Впрочем, у Хенбери-Вильямса остались и приятные воспоминания: о церемонии водосвятия на Днепре в Могилеве, где находилась Ставка, когда термометр показывал 20 градусов ниже нуля; о полуночной пасхальной службе, после которой процессия последовала к Императорской резиденции, и там Государь подарил каждому по яйцу, изготовленному Фаберже.

Даже французский посол Морис Палеолог, который находил православные богослужения чересчур мрачными, не смог не выразить благоговения, слушая молитву на поле Красного Села, где Император принимал парад у шестидесяти тысяч солдат:

«Солнце спускается к горизонту на пурпурном и золотом небе. По знаку Императора пушечный залп дает сигнал к вечерней молитве. Музыка исполняет религиозный гимн. Все обнажают головы. Унтер-офицер читает громким голосом „Отче наш“, тысячи и тысячи людей молятся за Императора и за Святую Русь. Безмолвие и сосредоточенность этой толпы, громадность пространства, поэзия минуты... сообщают обряду волнующую величественность».

К тому времени как Гиббс прибыл в Ставку, война продолжалась уже два года, стоившие много крови и сил, — гораздо дольше, чем предполагало большинство военных и политических наблюдателей. Кто-то сказал, будто бы один немецкий офицер рассчитывал вернуться домой прежде, чем упадут листья осенью 1914 года. А генерал Эрдели заявил Альфреду Ноксу, что оба вернутся домой к новому, 1915 году. Германией был давно разработан план нападения сразу на два фронта, едва начнется война, которую они ждали: они начнут массированным нападением на Францию, перед этим пронесясь по Нидерландам. Вдоль границы с Бельгией уже стояли,

дожидаясь сигнала, германские части. Покончив с Францией, Германия примется за Россию, у которой, вследствие примитивной транспортной системы и коммуникаций, много времени уйдет на мобилизацию.

Россия знала о честолюбивых планах немцев и успела разработать свою стратегию. Ее действия против Германии будут носить исключительно оборонительный характер, однако, используя самые боеспособные войска, русские ударят по австрийцам, чтобы вывести их из войны. Однако когда начались реальные боевые действия, в безвыходном положении оказалась Франция. Очутившись под угрозой германской военной машины, она стала настойчиво и немедленно требовать от русских помощи. Россия повела себя более благородно, чем разумно, изменив в последний момент основную стратегию и даже не успев отмобилизоваться.

Верховный главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич согласился начать наступление. Генералу Павлу Ренненкампу было приказано вторгнуться в Восточную Пруссию, что тот и проделал 12 августа. К 17 августа германские войска отступили и оказались в 240 километрах от Берлина. Их начальный успех вместе с известием о том, что армия генерала Самсонова охватывает немецкие войска слева, привели немецкий генеральный штаб в состояние, близкое к панике. Его первое движение заключалось в том, чтобы заменить нерешительного и испуганного генерала Притвица бывалым генералом Паулем фон Гинденбургом и его начальником штаба Эрихом фон Людендорфом. Затем с западного фронта были сняты и брошены на восток два армейских корпуса и кавалерийская дивизия. Разумеется, это нарушило тщательно разработанные немецкие планы, но какая была бы польза от разгрома Франции, если бы был взят Берлин?

Между тем на восточном фронте вместе со своей не полностью отмобилизованной армией Самсонов пытался соединиться с левым флангом Ренненкампа, чтобы затем окружить и разгромить неприятеля. Успех зависел от точного взаимодействия и связи — но эту цель было невозможно достичь по двум причинам. Во-первых, план был введен в действие слишком поспешно; во-вторых, недостаточно укомплектованная армия Самсонова была вынуждена преодолевать Мазурские болота, где, в соответствии с оборонительной стратегией русских, они остались без дорог и линий связи. Таким образом, клещи не сомкнулись, и войска Самсонова, почти остановившиеся в трясине, были полночью уничтожены германской артиллерией. На смену первому успеху Ренненкампа пришел полный разгром

под Танненбергом. Генерал Самсонов потерял 170 000 солдат и, отчаявшись, застрелился. Но эта жертва, стоившая русским так дорого, в глазах западных союзников представилась только помощью, необходимой французам для того, чтобы удержать захватчиков на Марне, и историки называют это сражение поворотным моментом в войне. Начальная фаза стратегии немцев была нарушена, и это повлияло на все их последующие планы. «Тяжкий удар нанес нам Господь», — произнес Николай Николаевич, добавив, что был счастлив помочь союзникам. Было отмечено, что русские солдаты, которые гибли под Танненбергом, сделали столько же для спасения Марны, как и французы, умирившие там.

Между тем австрийцы крупными силами начали наступление на русскую Польшу. Однако русские оказались готовы к нему и ранее чем через три недели выбили оттуда неприятеля, беспощадно погнав его в Галицию. Тяжелая артиллерия, которой у русских почти не было, сыграла очень небольшую роль в этом сражении. Благодаря умелой тактике и маневрированию такие генералы, как Плеве, Рузский, Эверт, Иванов, Брусилов и Лечицкий, удачно использовали местность и пустили в ход грозные штыки русской пехоты. Разгром австрийцев был настолько полный, что они запросили сепаратного мира.

Прежде чем к зиме стихли сражения, немцы после ожесточенных боев на севере выгнали Ренненкамппа из Восточной Пруссии, откуда его войска даже несколько углубились на русскую территорию. И все же отважно сражавшимся русским удалось отступить в полном порядке. Сильно потрепанная армия по-прежнему была готова встретить противника, а русские победы в Австрии с лихвой восполняли территории, завоеванные немцами на севере Империи.

После жестоких поражений австрийцев немцы принялись укреплять ряды своего хилого союзника, внедряя в них собственных солдат. Именно эти войска, получившие пополнения, в мае 1915 года направились в Галицию, чтобы выполнить задачу, которую австрийцы не сумели осуществить в одиночку, — захватить Польшу. Эта кампания показала, что русские испытывают недостаток в боеприпасах. У артиллеристов не хватало снарядов, а у пехотинцев — винтовок. Многих новобранцев посылали на передовые без оружия и приказывали им ждать, когда кто-нибудь из соседей будет ранен. Летние месяцы явились для русских продолжительным, медленным отступлением, во время которого неприятель захватил Галицию, Польшу и даже часть Украины.

По мере увеличения количества потерь (регулярная армия

долго не просуществовала), недостатка пушек и снарядов, ужасных страданий солдат, отступавших в тыл, воинский дух падал и возрастал ропот. Недовольство союзниками все усиливалось. Великобритания еще не полностью отмобилизовалась, в то время как французы постоянно оказывали давление на русских, чтобы те делали для них еще больше, хотя они и без того старались. В России создалось впечатление, что она одна несет бремя войны. Царила паника в Ставке и в Думе, которая стала требовать «правительства доверия» и даже заговаривала о том, чтобы самой возглавить руководство военными операциями. Консерваторы возражали, утверждая, что проведение политических реформ во время войны лишь отвлечет как внимание, так и ресурсы и приведет к катастрофе. Самое главное — выиграть войну, а уж потом можно обратиться к политическим вопросам.

В этот самый критический момент, когда русскую армию преследовали неудачи, а общество находилось в упадке, Царь принял решение возглавить командование всеми вооруженными силами. Его министры пришли в ужас и стали умолять его не взваливать на свои плечи дополнительную ношу, что ответственность за отступление и поражение будет возложена именно на него. Но Монарх пренебрег этими аргументами. У него были три убедительные причины так поступить. Прежде всего он считал своим долгом находиться в такое время рядом со своими войсками. Во вторых, он полагал, что это поднимет боевой дух солдат — бывших крестьян, которым был не слишком-то присущ патриотизм, но зато они глубоко почитали Царя. В третьих, возникала возможность лучше координировать действия военных и гражданских властей.

Недоброжелатели Царя ожидали самого худшего, не полагаясь на его талант стратега (на что он и не претендовал), и предсказывали катастрофу в том случае, если с поста Главнокомандующего будет смещен Великий Князь Николай Николаевич. В действительности же его отставка оказалась благотворной для армии. Некто С. в беседе с Морисом Палеологом сказал: «Согласен, что он [Великий Князь] патриот и у него есть воля. Но он слишком недостаточен для возложенной на него задачи. Это не вождь, это — икона». После того как этим злополучным летом выяснилась ужасающая нехватка боеприпасов и некомпетентность его помощников, Великий Князь оказался на грани нервного срыва. Он принял перевод на Кавказ спокойно, даже с благодарностью.

6 сентября 1915 года Царь Николай прибыл в Ставку и возложил на себя пост Верховного Главнокомандующего. С его

появлением действительно все изменилось. Хенбери-Вильямс так описывает первые впечатления от встречи с ним: «Прежде я представлял его несколько печальным и озабоченным Монархом, на которого давит груз государственных и прочих забот. Вместо этого я увидел светлое, умное, счастливое лицо человека с блесками юмора в глазах, много времени проводящего на свежем воздухе». Несколько месяцев спустя, когда Государь вернулся в Ставку, генерал отметил: «Он всегда настолько веселый и жизнерадостный, что не быть жизнерадостным в его присутствии просто невозможно. Для человека, который должен быть обременен столькими заботами и тревогами, у него чудесный характер, и я уверен, что и для других он служит источником вдохновения». Задним числом те же качества отметил и Гиббс: «Его доброта наряду с авторитетом и престижем, которыми он пользовался, являлись центростремительными силами, которые и были тем самым главным, что имело значение, как слишком поздно убедилось [Временное] правительство».

На должность начальника штаба Николай назначил Алексева, который был гораздо толковее своих предшественников. И положение на фронте почти тотчас же улучшилось. Оказавшийся под угрозой Киев был спасен, и в продолжение остального периода войны весь восточный фронт стабилизировался. Столь же важную роль сыграло улучшившееся военное снабжение вследствие сотрудничества между военным министром Поливановым и руководителями русской промышленности. «Когда началась кампания 1916 года, русская армия стала больше и лучше оснащенной, чем в любой другой период войны».

В ОКТЯБРЕ 1915 ГОДА Царь привез Наследника в Ставку. Здоровье Алексея было в то время хорошее, и Государь решил, что мужественная военная атмосфера благоприятно скажется на сыне, который до этого был окружен врачами и своими сестрами. Цесаревич тотчас приспособился к изменившейся обстановке; он стал большим любимцем у персонала Ставки и вносил много радости в их жизнь. Однако Царь рассчитывал, что этот приезд станет важным элементом воспитания Наследника, и когда он в качестве нового Верховного Главнокомандующего отправился в поездку по всему фронту, то взял Алексея с собой.

Поездка эта оказалась напряженной и принесла много пользы как войскам, так и отцу с сыном. Необходимость каждый день участвовать в смотрах, проходить вдоль боевых порядков и переезжать с места на место требовала много сил, однако выносливость Наследника и его интерес к происходящему оказались на высоте. Однажды ночью Царь и свита неожиданно

посетили передовой перевязочный пункт, расположенный в небольшом здании, освещенном светом факелов. «Его приход вызвал изумление, выражавшееся на лицах всех солдат... Когда Государь нагнулся над (одним из раненых), тот приподнял единственную здоровую свою руку, чтобы дотронуться до его одежды и убедиться, что перед ним действительно Царь... Алексей Николаевич стоял... глубоко потрясенный стонами, которые он слышал...»

При возвращении в Ставку у Наследника открылось сильное кровотечение носом. Неясно, то ли это произошло от насморка, то ли от тряски, когда он прижался носом к оконному стеклу, но во всяком случае кровотечение усилилось, и Император приказал взять его в Царское Село. К тому времени как поезд прибыл на вокзал, Наследник был чуть ли не при смерти.

Доктора наконец обнаружили лопнувший сосуд, пригнали его и остановили кровотечение. Свою роль сыграл и Распутин. Подойдя к больному, он перекрестил его и велел Императрице не беспокоиться: ребенок поправится. И он действительно поправился, правда, в Ставку он смог поехать лишь в начале лета. Между тем едва он достаточно окреп, как уроки возобновились, но их приходилось перемежать с такими религиозными событиями, как Рождество, Богоявление, Великий пост и Пасха.

После того как Цесаревич вернулся в Ставку, он получил повышение: чин ефрейтора. Как и прежде, он был непоседлив и шаловлив. У Хенбери-Вильямса, похоже, установились особые отношения с Наследником. Алексей сделал обыкновением ежедневно проверять, как у того застегнут мундир, и тот всякий раз намеренно оставлял одну пуговицу не застегнутой. «Опять вы неаккуратны», — заявлял Цесаревич.

Были у них и более шумные забавы: они играли в футбол чем ни попадя, обстреливали друг друга хлебными катышками за столом и даже обливали друг друга водой у фонтана, затыкая пальцем кран, а затем внезапно отпуская его. Зачастую окружающие, в том числе и Царь, промокали настолько, что им приходилось переодеваться. «Разумеется, то были детские забавы, но все равно они помогали разрядить обстановку», — замечал англичанин. Атташе вспоминал и более серьезные минуты. Когда Хенбери-Вильямс получил известие о том, что его сын, воевавший во Франции, умер от ран, в соседнюю комнату, где генерал оставался один на один со своим горем, вошел Цесаревич. Сев рядом с англичанином, ребенок произнес: «Папа велел мне посидеть с Вами. Он подумал, что Вам сегодня будет одиноко».

Когда 8 августа 1916 года Гиббс прибыл в Ставку, Жильяру предоставили отпуск, в котором он давно нуждался, и

англичанину пришлось принять на себя обязанности наставника, в которые входило пресечение шалостей мальчугана и выговаривание ему в тех случаях, когда он становился непослушен. Подобно остальным домочадцам, Гиббс жил в гостинице «Франция» и всякий день после завтрака поднимался на холм к губернаторскому дому, где проживали Государь и Цесаревич и где располагался штаб.

Сюда же приходил Петр Васильевич Петров, и наставники приноравливали свои занятия к программе, разработанной Царем для сына. Сопровождали его в поездках по городу или в лес и участвовали в играх, для которых у Наследника находилось время. Обедали вместе с ним у него дома, зато к завтраку Государь приглашал членов штаба и гостей, так что за столом порой собиралось до шестидесяти или семидесяти человек. В присутствии иностранных дипломатов Алексей был очень учтив, хорошо говорил на иностранных языках и задавал толковые вопросы.

Заняв должность, Гиббс стал вести дневник как бы от имени Цесаревича:

«8 окт. 1916: Уроки как обычно. Отправились на моторе к поезду в 11 час., а после завтрака поехали в лес на Оршанской дороге, где играли в разбойники.

13 окт. 1916: Написал Императрице... После игры вернулся, чувствуя себя неважно, по распоряжению доктора лег в постель в 6.30. Весь вечер не здоровилось. Совсем плохо с животом. Ч[арльз] С[идней] Г[иббс] читал, но почти не слушал его.

6 ноя б. 1916: Ночью плохо спал... Обедали вместе как всегда, а после обеда играли в математическую головоломку и с котенком. [Котенок по имени Зубровка был привезен из Могилева.]

8 ноя б. 1916: Чувствовал гораздо лучше. Спал хорошо и проснулся в хорошем настроении, но вставать не разрешили до завтрашнего дня. Читали Ч[арльз] С [идней] Г[иббс] и П[етр] В[асильевич] П[етров]... После обеда отнесли в кабинет Императора и положили его в постель, пока комнату проветривали. Пока гостили Великий Князь Николай [Николаевич] и Великий Князь Петр [Николаевич]».

Судя по записям в дневнике, несмотря на то, что внешне Наследник казался здоровым, его то и дело преследовали незначительные недомогания. То распухнет вена на ноге, так что Алексей не может надеть ботинки, то другая, в паху, мешает при ходьбе. Очень часто у него был расстроен желудок — возможно, от внутреннего кровоизлияния. При малейших холодах появлялась опасность кашлянья и чихания.

И все равно, оказавшись среди военных наблюдателей, членов штаба и гостей, Алексей проявлял веселое мальчишеское настроение. Кроме Хенбери-Вильямса, у Наследника был еще один любимец — барон де Рикель, бельгийский военный атташе, который, несмотря на толщину, участвовал в игре в футбол с целью разгрузки. Занятия продолжались в той мере, в какой это удавалось осуществлять наставникам в тех обстоятельствах. Такими обстоятельствами пользовались почетные гости наподобие японского принца Колохито Канин, который всегда привозил подарки, или посол кронпринца Сербии. Иногда с коротким визитом приезжала на поезде с дочерьми Императрица. В таких случаях Алексей часто навещал их и вместе с ними отправлялся на ежедневную прогулку.

Множество вещей интересовало и развлекало такого мальчика, как Наследник. Устраивались показательные полеты замечательных новых самолетов. Вместе со сверстниками из Могилева он катался на лодке и купался в Днепре. Царь и свита часто сопровождали его на прогулках по лесу, после чего пекли на костре картошку и каштаны. Нередко по вечерам (еще одно новшество) устраивался просмотр фильмов — подарок компании «Патэ», которая прислала кинопроектор и несколько коробок с пленками. Самой излюбленной была картина «Таинственная рука», и когда ее демонстрировали, то кинозал в Ставке всегда был полон. В середине декабря Алексей занемог и вместе с наставниками вернулся в Царское Село, чтобы подлечиться и начать подготовку к праздникам.

В ЭТОТ ПЕРИОД на фронте, как и в Ставке, царила оптимистическая, здоровая атмосфера. По словам Бернарда Пейрса, для фронта было характерно «великолепное единство духа, мысли и речи у тех, кто постоянно соприкасался со смертью на передовых позициях... Там существовала своего рода зона, которая в подлинном смысле оставалась чистой и святой». Даже в таком опасном положении светлый, яркий дух России освещал все вокруг.

«Удивительно, что может сделать наш солдат, что может придумать. На широком поле на опушке леса, где были разбросаны землянки этой дивизии, они усадили нас, и мы стали свидетелями необычного зрелища. Солдаты, нарядившиеся в костюмы разных национальностей или животных, выступали, плясали и затевали разные забавы, как на деревенской ярмарке; придумали целую программу с забавными номерами, плясками, состязаниями, показывали фокусы, пели хором и принимались за немудреные деревенские игры... Вся эта музыка, шум и гам прерывались взрывами неприятельских снарядов, которые были

здесь гораздо слышнее, чем в штабе. Среди солдат и офицеров царило такое беззаботное веселье, что было одно удовольствие наблюдать за ними».

Начало кампании 1916 года на Восточном фронте ознаменовалось гибельным сражением при озере Нарочь. Передвижение русских войск на севере вновь было начато в ответ на настойчивые требования французов с Западного фронта, где немцы начали массированные атаки Вердена. Русские наступали с такой энергией, которая совершенно расстроила немцев, поскольку они считали, что на этом участке фронта сопротивление русских окончательно подавлено. Русские войска теперь получали снаряжение в достаточном количестве и под командованием генерала Балугева делали постоянные успехи до тех пор, пока ужасная погода и еще более ужасная местность не заставили их остановиться в жутком месиве ледяной грязи и крови. И все же казалось, что дух русских не сломить. Немцы подвезли тяжелые орудия на расстояние 400 метров от русских траншей и открыли по ним убийственный огонь, пустив вдобавок отравляющий газ в сторону их защитников, у которых не было ни касок, ни противогазов. Но каждый раз, как немцы прекращали обстрел, чтобы оценить его результаты, с противоположной стороны раздавались ружейные залпы. После пяти часов обстрела в каждом батальоне на передовой позиции осталось менее сотни бойцов. Но каждую ночь из русских траншей доносилось пение пасхального гимна: «Христос Воскресе из мертвых, смерть поправ». «И невольно приходило в голову, что это — единственное оружие, которым им приходилось воевать».

На Юго-Восточном фронте события развивались совершенно иначе. Там командовал выдающийся генерал Брусилов, известный своей энергией и находчивостью. Он не раз отмечал, что регулярная армия уничтожена, осталась не более чем милиция. Однако чтобы восполнить недостаток подготовки, он принялся за учения, стрельбы по мишеням, окапывание. Его тактика была блестящая и смелая, он всегда предпочитал атаковать противника. Понимая, что массовое скопление войск в том или ином месте непременно привлечет внимание неприятеля, он намечал сразу несколько участков для одновременного наступления. С начала июня до середины сентября он настойчиво продвигался на юго-запад, вновь захватывая территории, утраченные ранее. При этом он захватил 350 тысяч пленных и огромное количество ценного снаряжения. Однако за это он заплатил дорогую цену, потеряв 550 тысяч солдат. Из-за того, что войска были ослаблены, наступление начало выдыхаться. И все же им были получены лучшие результаты за всю войну.

Тут России был нанесен еще один удар, который приготовила ей судьба. К странам «Сердечного Соглашения» присоединилась Румыния, но ее присутствие в рядах Антанты оказалось скорее помехой, чем помощью. Прежде эта страна служила нейтральным буфером, теперь же, с ее вступлением в войну, русский фронт значительно вытянулся, и Румынии требовалось гораздо больше помощи от союзников, чем она была способна им дать взамен.

Тем не менее с приходом зимы 1916–1917 гг. боевые действия затихли; положение русских было прочным, и в армии царили бодрые настроения. Во время союзной конференции, состоявшейся в Шантильи в ноябре, штабы союзных армий разработали планы одновременного наступления на Восточном и Западном фронтах в начале весны. Явные признаки деморализации, замеченные у неприятельских пленных, провал немецкого наступления на Верден, а также успехи на Восточном фронте — все это давало основания ожидать, что можно добиться окончательной победы в войне.

Глава 6. Тьма сгущается

ЗАТО НА ВНУТРЕННЕМ ФРОНТЕ перспективы были не такими радужными. Несмотря на успешное брусиловское наступление и вполне обоснованные надежды в следующем году выиграть войну, населению крупных городов, особенно Санкт-Петербурга, получившего русское название Петроград, предстояло пережить еще одну зиму. Эта третья военная зима оказалась самой суровой. Главными проблемами были продовольствие, топливо и транспорт. Невыгодное расположение города, значительно удаленного от хлебных регионов, в сочетании с кризисом железнодорожного транспорта стало причиной нехватки и дороговизны продовольствия. Цены росли, чего нельзя было сказать о заработной плате. Голода, как такового, не было, однако наблюдался острый дефицит не только пищевых продуктов, но и других товаров первой необходимости. Жизнь стала трудной. К этим проблемам прибавился приток беженцев из зоны военных действий и рабочих из провинции, приехавших с целью найти работу на фабриках боеприпасов. Стали сказываться тяжелые условия жизни, начала ощущаться усталость от войны. С самого начала транспортную систему России преследовали беды. Съестные припасы, уголь и другие товары для столицы прежде поступали Балтийским морем через такие порты, как Рига и Кронштадт, однако немцы сразу же перерезали этот маршрут. Открытым оставался лишь Архангельск на севере, но путь этот был весьма опасен, к тому же через этот порт припасы из Англии и Франции поступали тоненькой струйкой.

Еще до объявления войны немцы направили в Средиземное море линейный крейсер «Гебен», который был готов начать боевые действия, как только Турция выступит на стороне центральных держав. Ожидая окончательного решения вопроса, его командир, адмирал Вильгельм Сушон, со всеми мерами предосторожности направился в Константинополь, правдами и неправдами обходя преследователей. Когда пришло «добро», он уже находился на боевой позиции. Вместе с «Бреслау» он проник через проливы в Черное море, где им удалось запереть русских в незамерзающих портах, доступных Центральной России. Все остальные товары и боеприпасы пришлось направлять в Россию через Владивосток за три тысячи миль по Транссибирской железной дороге, до пределов забитой составами, нагруженными продовольствием, войсками, фуражом — грузами, имевшими, разумеется, первостепенное значение.

Но существовали и иные, более сложные проблемы: росло всеобщее недовольство, а, как известно, возбудить возмущение и гнев всегда легче, чем призвать к терпению и выдержке. В продолжении нескольких месяцев после начала войны среди членов правительства существовало видимое согласие. Однако узнав, что Царь решил отложить парламентскую реформу до окончания войны, депутаты Думы и либеральные политики решили, что им не осталось ничего иного как только плести козни и строить планы на будущее.

Весной 1915 года, когда военные потери были ужасающими и стало известно о губительной нехватке пушек и снарядов, настроения думцев стали враждебными. Вина за отсутствие боеприпасов и поражения была возложена на генерала Владимира Сухомлинова, который был впоследствии судим и смещен с поста военного министра. Один из его помощников, полковник Мясоедов, был арестован, состоялось секретное и весьма подозрительное разбирательство, которое предало его суду военного трибунала без предоставления подсудимому адвоката, и в ту же ночь был повешен. Эти события явились своего рода оправданием для виновников поражений; вину за них возложили на неких шпионов, а не на плохое военное руководство. В глазах общественности была доказана измена, достигавшая аж дворцовых кругов.

В результате скандала Николай предпринял попытку угодить нервничающую, беспокойную Думу, согласившись на перемещения в своем кабинете. Четыре преданных и достойных доверия министра были заменены людьми, которые были готовы сотрудничать с Думой и общественными организациями — Земским Союзом и Союзом городов, призванными помогать армии. Новым военным министром стал Алексей Поливанов — умный и энергичный политик, правда, замеченный в опасных связях с такими людьми, как открытый враг Государя А. И. Гучков. Поливанов принялся вскрывать подлинное положение в Ставке Верховного Главнокомандующего, и картина оказалась настолько тревожной, что Совет министров выдвинул предложение исправить ситуацию, создав Верховный военный совет, состоящий из министров и думских депутатов, возглавлять который будет Государь.

В ответ Царь решил, что примет на себя Верховное командование. Его намерение привело министров в состояние, близкое к панике, но, несмотря на их старания отговорить его от такого шага, Государь остался тверд. Его решение противоречит устоявшемуся мнению, будто Царь Николай был слаб, недалек и лишен собственной воли — мнению, существующему с момента

революции 1917 года. Такой взгляд на него разделяли как союзники, так и противники; особенно старалось над его созданием советское правительство.

Как уже отмечалось ранее, многие соответствующие архивные документы были опубликованы после разгрома Германии во Второй мировой войне и последующего крушения коммунистической России. Поэтому целесообразно детально разобраться в событиях, приведших к отречению Царя и революции, чтобы получить взвешенную картину. Эти документы свидетельствуют не только об интригах противников Государя, но и о большой работе и крупных средствах, потраченных Германией на подрывную деятельность с единственной целью — вызвать всеобщее недовольство в России.

Совет министров не скоро оправился от важного решения Императора, принятого им самолично, хотя, конечно же, такова была прерогатива Царей, что и было отмечено, когда Великий князь Николай Николаевич был назначен Верховным Главнокомандующим. Министры осуждали Императора за то, что он отверг их предложение создать военный совет и пренебрег предупреждением об опасности принятия на себя поста Верховного Главнокомандующего, ибо в тот момент военная ситуация была настолько серьезна, что ответственность за любую неудачу будет переложена на его плечи. Премьер-министр Иван Горемыкин сразу после объявления Царем своей воли также высказал свои соображения о том, что решение весьма опасное, но Царь был совершенно убежден, что это — его долг. «Когда воля такого человека [Императора] определилась и путь действий принят, верноподданные должны подчиниться, каковы бы ни были последствия. А там дальше — Божья воля». Однако министры не старались помочь Государю. Они принялись выискивать способы восполнить утраченное политическое влияние, которое они приобрели бы, попав в Военный совет.

Следующий их шаг заключался в том, чтобы заставить Николая сотрудничать с Прогрессивным блоком — созданной незадолго перед этим коалицией промышленников и членов общественных организаций, две трети которых состояли из депутатов Думы и членов Совета министров. Они разработали амбициозную законодательную программу, большая часть которой должна была быть осуществлена после войны, однако их главная цель состояла в том, чтобы начать принимать участие в управлении военными действиями и экономикой. Блок призывал к созданию правительства народного доверия, председателем которого стало бы лицо, назначенное Царем согласно их выбору. Но Император вновь отклонил их предложение, подтвердив свою

твердую убежденность, что всякая смена формы правительства должна подождать до той поры, когда будут разбиты немцы.

После того как с прибытием в Ставку Императора произошло реальное укрепление морали войск, ставших добиваться боевых успехов, а снабжение и поставки вооружений улучшились, критика со стороны общественности значительно ослабла. Такое развитие событий поставило противников режима в неловкое положение. Их зловещие предсказания о грядущем разгроме не оправдались, и им стало приходить в голову, что их положение в спорах с Царем ослабнет после того, как война будет победоносно завершена.

Зимой, когда военные действия затихли, оппозиция усилила кампанию по клевете и дискредитации Монарха и его правительства. Вину за возникновение любой проблемы, за всякую неудачу, всякое недовольство возлагали на Самодержца. Злопыхатели утверждали, будто бы ничего нельзя исправить до тех пор, пока не изменится вся система. Масла в огонь подливала печать, которая публиковала как факты, так и вымыслы, пока столица не оказалась охваченной сомнениями и неуверенностью.

Союз городов, Земский союз, Военно-промышленный комитет и другие общественные организации были постоянными источниками неприятностей. С одной стороны, их превосходная работа по доставке и распределению продовольствия, уходу за ранеными и беженцами, перевозке военного снаряжения заслуживала всяческих похвал. С другой стороны, их руководители при всякой возможности старались доказать, что они — единственные, кто осуществлял эти работы, несмотря на постоянные попытки правительства перечеркнуть их усилия. Они, дескать, те, кто выигрывает войну. В конце концов администрации пришлось отражать эти нападки, указывая на щедрые ассигнования средств, перечисляемых им, однако вред уже был нанесен. Эти организации служили также политическим полигоном для многих противников режима. Те из них, кто имел дело с военными, нередко преследовали собственные интересы. Несмотря на их подчас вредные действия, командиры не желали докладывать о них, опасаясь лишиться помощи. Друг Поливанова А. И. Гучков, председатель Центрального Военно-промышленного комитета и член Государственного совета, играл особенно зловещую роль. Находясь в своей штаб-квартире в Москве, он готовил дворцовый переворот, который рассчитывал осуществить в марте 1917 года. Обращаясь к Государю, он категорически отрицал существование сговора: «Это не есть результат какого-либо заговора или заранее обдуманного переворота, а это движение вырвалось из самой почвы и сразу получило

анархический отпечаток, власти стусевались». Тем не менее у Гучкова, действительно, был план заговора, причем его детали поразительно совпадают с тем, как развивались события в действительности. В соответствии с ним Царя должны были задержать на мелкой станции где-то между Могилевом и Царским Селом и принудить к отречению, причем одновременно должны начаться антиправительственные выступления Петроградского гарнизона.

Когда в ноябре 1916 года состоялось заседание Думы, среди ее депутатов преобладал мятежный дух. Павел Милюков произнес свою знаменитую речь, перечисляя факты мнимой беспомощности или продажности правительства. Выступление это назвали первым революционным актом в России, которое произвело ошеломляющий эффект. После каждого выпада он спрашивал у депутатов: «Что это — глупость или измена?» К этому времени весь Петроград был заражен новыми сомнениями. Если прежде о Царе говорили, что он не способен выиграть войну, то теперь его обвиняли в том, что он не желает победы и пытается заключить сепаратный мир. По мере того как обстановка накалялась, в печати, в гостиных, на заводах, на перекрестках улиц открыто говорили о возможности революции.

ЗА ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ, прошедших с того дня, как Гиббс приехал в Санкт-Петербург, он успел изучить его.

Никогда не ограничиваясь интересами, которые связывали его с Императорской семьей, он сумел установить множество деловых связей и активно поддерживал контакты со столицей. Он наблюдал за упадком настроений в течение кризисных месяцев 1915 года, когда русская армия терпела тяжелые поражения. И хотя после того, как Государь возложил на себя Верховное командование армией, англичанин провел несколько месяцев в Ставке, впитывая бодрый дух, царивший там, тем не менее знал он и о суровой критике, направленной против правительства со стороны как внутренних противников, так и европейских союзников, призывавших к немедленному превращению самодержавия в конституционную монархию западного толка. Но ничто не помешало Гиббсу сделать решительный шаг, вернее, два таких шага, указывающих на его твердое намерение постоянно обосноваться на своей второй родине.

В середине 1916 года Гиббс начал вести переговоры о приобретении Английской школы новых языков Притчарда — учебного заведения, где преподавались английский, французский, испанский, немецкий, шведский и японский. Одним из преподававшихся там предметов была деловая корреспонденция на любом из перечисленных языков. Сделка состоялась в ноябре

— в то время, когда внимание общественности было приковано к напряженной политической обстановке. Его партнершей, участвовавшей в сделке, являлась Лора Анна Кейд — англичанка, вместе с которой они оба трудились в школе. Согласно контракту, они приобретали школу за пять тысяч рублей с рассрочкой на три года.

Мисс Кейд появилась в качестве специального гостя — по крайней мере, так указано в одной из программ публичной читки, организованной Гиббсом в январе 1912 года. К сожалению, переписка между ними не сохранилась, но это не слишком удивительно, поскольку, работая вместе, они регулярно виделись друг с другом. В других же документах, появившихся после того, как Гиббс уехал из Петрограда, сохранилось одна загадочная ссылка на мисс Кейд, сделанная каким-то третьим лицом. По словам Джорджа Гиббса, приемного сына Сиднея, они намеревались пожениться, но революция разлучила их, и они так и не смогли связать свои судьбы.

В декабре 1916 года Гиббс, Жильяр и Петров вернулись из Ставки в Царское Село вместе с Наследником, который вновь занемог. В то самое время, когда они находились в пути, [в ночь на] 17 декабря был зверски убит Григорий Ефимович Распутин. В убийстве участвовали три человека, в их числе — два члена семьи самого Императора: Феликс Юсупов, зять Царской сестры, Великой Княгини Ксении Александровны, и Великий Князь Дмитрий Павлович, двоюродный брат Государя. Третьим убийцей был известный правый депутат Думы В. М. Пуришкевич.

Заманив свою жертву во дворец Юсупова, они напичкали его таким количеством цианистого калия, которое могло убить полдюжины человек. Убедившись, что яд не действует, они принялись стрелять. Первый выстрел Юсупова свалил Распутина с ног, но вскоре тот ожил и, поднявшись, кинулся на своего мучителя. После этого Пуришкевич выстрелил в крестьянина несколько раз, и попавшие в него две пули сразили его. Затем убийцы погрузили тело в автомобиль и сбросили его в ледяную воду. Вскрытие показало, что Распутин умер не от пуль и не от яда, а захлебнулся. Один из самых впечатляющих элементов легенды, возникших вокруг этой необычной личности, — это его почти полная неуязвимость.

Узнав о смерти Распутина, Императрица поняла, что это и ее смерть. Был убит человек, который, полагала она, сохранял в живых ее сына. Всем своим существом она верила, что этот неотесанный крестьянин, этот человек из народа был послан Богом, чтобы помочь их осаждаемой бедами Семье. Кроме того, он оставил после себя загадочное письмо, предсказывавшее его

смерть до конца года и гибель Императорской семьи, если убийцами будут представители аристократии. Александра Феодоровна поняла, что им вынесен приговор; оставалось одно — ждать его исполнения. И действительно, стали происходить катастрофы — одна хуже другой.

То, что Распутин мог помочь Цесаревичу, — факт, установленный многими достойными доверия свидетелями, хотя удовлетворительного, с медицинской точки зрения, объяснения случаям выздоровливания мальчика так и не было предложено. Факт и то, что он нанес Царствующей семье большой вред, однако его влияние и выходы преувеличены сверх всякой меры. Его загулы, хотя они и происходили в действительности и были шокирующего свойства, никогда не затрагивали Царскую семью, вопреки слухам и сплетням, свидетельствовавшим об обратном. Однако эти рассказы принесли свои ядовитые плоды.

Кампания клеветы, будто бы Императрица находилась в нечистых отношениях с Распутиным, была запущена Гучковым в 1916 году и с наслаждением подхвачена несколькими думскими депутатами. Это нанесло огромный вред престижу монархии, поскольку газеты придавали рассказам сенсационный характер, иллюстрируя их издевательскими карикатурами. Еще более вредными были столь же лживые слухи о «темных силах», окружающих «немку», которая являлась их Императрицей, — слухи, намекающие на то, что будто бы она с Распутиным являются центром, вокруг которого образовался «черный блок», работающий над достижением сепаратного мира.

В связи с серьезным интересом Гиббса к мистике, ясновидению и тому подобным явлениям удивительно, что он не обращал больше внимания на этого пользовавшегося дурной славой персонажа — Распутина — и даже не попытался хотя бы краешком глаза взглянуть на него. Наверняка Гиббс знал об историях, ходивших по городу и распространявшихся печатью, но в то же время он не знал характера недуга своего ученика; ко всему, возможно, существовали другие проблемы, связанные с Царской семьей, например, визиты их «друга», которые также скрывались от посторонних. Единственное замечание, которое он сделал в поздние годы, сводилось к тому, что Распутин был неотесанным мужиком, который вовсе не посещал дворец так часто, как люди думали. Гиббс ни разу не видел его, а Жильяр, постоянно живший при дворце, встретил его лишь однажды.

Как и следовало ожидать, когда Наследник вернулся, во дворце царила атмосфера уныния и дурных предчувствий, хотя Императрице было не привыкать скрывать свои чувства. После нескольких дней отдыха в обществе докторов, которые давали

Алексею разные лекарства, ставили компрессы и примочки, он стал чувствовать себя достаточно хорошо, чтобы участвовать в подготовке к Рождеству. Надо было посетить елки в разных местах Царского Села, раздать подарки и, разумеется, присутствовать на службе в церкви, которую посещали все члены

Царской семьи и приближенные. Узнав об убийстве Распутина, Государь поспешил домой, где оставался в продолжение всех праздников. Домашние его все это время держались бодро.

Но даже в праздники у мальчика время от времени распухали конечности, появлялась тошнота, и когда ему был предписан постельный режим, Гиббс начал читать Алексею «Приключения Робинзона Крузо» — книгу, которая ему очень нравилась и которую он часто просил перечитывать. Другой излюбленной книгой была «Копи Царя Соломона». Однако наступали моменты, когда он так страдал, что требовался морфий, и тогда Цесаревичу было ни до чего. После Рождества он не смог вернуться с отцом в Ставку.

Казалось, что обитателей дворца преследовали болезни и неудачи. В середине февраля Пьера Жильяра свалила испанка — недуг, скосивший немало людей во время Великой войны. Едва Царь уехал, как Алексей заболел корью — в то время это была еще одна опасная болезнь. Затем одна за другой, вернее, попарно, заразились Великие Княжны: сначала Татьяна и Ольга, затем Анастасия и Мария. У первых двух появилось воспаление среднего уха, у Марии развилось двустороннее воспаление легких, для Алексея большую опасность представлял кашель. Целыми днями все они лежали в затемненных комнатах, в то время как Государыня, и без того измученная работой в госпиталях и тревожной политической ситуацией, ходила взад и вперед среди семи своих больных подопечных (Анна Вырубова, ее приближенная, которая теперь жила во дворце, тоже заболела). Александра Феодоровна настаивала на том, чтобы самой ухаживать за больными, и Гиббсу, которого вызывали в любое время дня и ночи, предоставили апартаменты в Александровском дворце. Императрица писала супругу, что «Сиг» (так в семье называли учителя английского языка), когда поздно вечером его позвали почтить Алексею, пришел в домашнем халате. (Между собой члены Царской семьи называли Жильяра «Жиликом», хотя публично обращались к наставникам официально. Гиббс был для них Сиднеем Ивановичем, а Жильяр Петром Алексеевичем.)

ПРЕЖДЕ ЧЕМ 22 февраля 1917 года Царь вернулся в Ставку, его бомбардировали предупреждениями об угрозе народного мятежа. Предупреждения поступали не только от либеральных

политиков, но и от аристократии, офицерского корпуса, от Великих Князей — членов Императорской Фамилии. Он отдавал себе отчет о ситуации в Петрограде и фактически продлил себе отпуск, чтобы разобраться в ней. Были разработаны планы, как пресечь насилие, если таковое произойдет.

Мы располагаем противоречивыми данными о причинах, по которым Император решил вернуться в Ставку. Родзянко, как он пишет об этом в своих мемуарах, узнал от князя Голицына, премьер-министра, что Царь намеревался 22 февраля встретиться с депутатами Думы, но передумал. Из других воспоминаний можно заключить, что он просто устал от напряженной обстановки в Петрограде и предпочел вновь оказаться в бодрящей атмосфере Ставки. София Буксгевден, фрейлина Императрицы, присутствовавшая при встрече Царя с супругой, когда тот вошел в ее сиреневый будуар с телеграммой в руках, приводит слова Императора: «Генерал Алексеев настаивает на том, чтобы я приехал. Не представляю себе, что могло произойти, чтобы сделать сейчас необходимым мое присутствие в Ставке. Придется поехать и выяснить самому. Я решил остаться там только неделю самое большее, поскольку мне надо находиться здесь».

Поездка в Ставку действительно подняла Государю настроение, поскольку на каждой остановке вдоль всего пути его встречали с воодушевлением. Всего за день-два до того, как разразилась буря, он сказал Могилевскому губернатору: ему известно, что обстановка тревожная, но «скоро, весной, начнется наступление, и я верю, Бог дарует нам победу, и тогда все изменится к лучшему».

Едва Император уехал в Ставку, как в Петрограде началась крупная стачка: женщины-работницы высыпали на улицы, отмечая Международный женский день. Предполагалось, что демонстрация будет мирной, однако число демонстрантов увеличивалось, к ним присоединялись другие женщины и мужчины; многие вышли из патронных фабрик, сагитированные особыми агентами, оплачиваемыми немцами с целью разжечь волнения. Некоторые говорили, будто бы они бастуют потому, что голодны и находятся в поисках пищи. Разумеется, к ним присоединились социалисты-революционеры, жаждущие разжечь из искры пламя. Хотя настроение толпы то и дело менялось, полиции и солдатам, патрулировавшим улицы, было приказано воздержаться от применения огнестрельного оружия. Однако вместо того, чтобы произвести успокоительный эффект, миролюбие властей поощрило демонстрантов к тому, чтобы нападать на полицейских и офицеров, грабить хлебные лавки и винные магазины, останавливать трамваи, вытаскивать из них

пассажиров и заставлять присоединяться к ним.

Сообщения о волнениях настигли Николая в Ставке, однако донесения были противоречивыми. В своих письмах Императрица называла демонстрации хулиганским движением, которое затихнет, как только станет по-настоящему холодно. Она также сообщила о том, что дети серьезно больны. В официальных депешах была дана гораздо более полная картина беспорядков, в том числе нападений на городских и повсеместных грабежей, но в них также сообщалось, будто бы ситуация находится под контролем, что было неправдой.

Число демонстрантов росло, они становились все более неуправляемыми, и 25 февраля Император направил генералу Хабалову [командующему войсками Петроградского военного округа] телеграмму: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, не допустимые в тяжелое время войны против Германии и Австрии». Генерал собрал у себя командиров запасных батальонов и отдал им нужные распоряжения. Было приказано расклеить по всему городу афиши, запрещающие любые демонстрации и предупреждающие, что будет применена сила и что арестованные будут тотчас же мобилизованы в армию. Несмотря на это, на улицы хлынули толпы народа. Согласно приказам, войска открыли стрельбу; было много раненых и, самое малое, сорок убитых.

Порядок был восстановлен, толпы разогнаны, солдаты разошлись по казармам, и Хабалов доложил Императору, что в городе воцарилось спокойствие. Однако к этому спокойствию примешивалась тревога. Солдаты, сталкивавшиеся в эти несколько последних дней с народом, не желали вновь стрелять в него. Первым взбунтовался Лейб-гвардии Павловский полк, затем зараза стала быстро распространяться от одной части к другой и охватила весь гарнизон.

Когда поздно вечером Михаил Родзянко прислал Царю телеграмму: «...Правительственная власть полностью бездействует и совершенно бессильна восстановить нарушенный порядок», — он ей не поверил и отвечать не стал. Председатель Думы слишком часто поднимал шум по пустякам. Зато князь Голицын получил распоряжение «занятия Государственной Думы прервать» до апреля 1917 года. По словам Георгия Каткова, уезжая в Ставку, Император оставил два незаконченных манифеста: один — о прекращении заседаний Думы, второй — о кратком перерыве. Совет министров и премьер-министр Голицын, должно быть, сделали свой выбор самостоятельно, поскольку нет никаких указаний на то, что они проконсультировались у Императора.

Люди, высыпавшие на улицы 27 февраля, были вооружены и готовы сражаться, но вместо этого началось братание с солдатами, которые присоединились к ним. В этот день самодержавие фактически перестало существовать. Военные, а затем и гражданские власти перестали функционировать. Услышав доклад Хабалова об ухудшившемся положении, Совет министров сначала потребовал введения военной диктатуры, а затем образовал комитет, который бы сотрудничал с Думой. Но несколько часов спустя он решил, что разумнее всего снять с себя всякую ответственность и всем составом подать в отставку. Царь телеграммой отклонил отставку и распорядился, чтобы министры сохранили свои посты. Он уведомил их о том, что направляет в Петроград генерала Иванова во главе верных войск с полномочиями военного диктатора с целью восстановления порядка и что тотчас возвращается сам. Нарушив распоряжение Царя, генерал Алексеев задержал депешу. Правда, едва ли от нее была бы какая-то польза, даже если бы она пришла вовремя. Министры уже разошлись по домам или попрятались.

На следующий день Император сел во второй из литерных поездов, которые должны были проследовать через Смоленск и Бологое, открыв более прямой путь Иванову. Царь рассчитывал приехать домой через два дня и был уверен, что его присутствие вместе с верными войсками изменит обстановку в лучшую сторону. Он даже не догадывался о том, какие силы сплотятся в заговоре против него в ближайшие трое суток в его же собственном вагоне и вырвут у него решение, которое изменит Россию навсегда.

Пока Николай ехал к столице, на станциях его встречали местные начальники и почетный караул. Но, прибыв в Бологое, он узнал, что путь впереди перекрыт мятежными силами, и было решено пустить состав на запад, в Псков, где находилась ставка Северного фронта. По мере приближения к Пскову стало известно, что почетного караула не будет, хотя губернатор провинции был на месте и уверял Императора, что в городе спокойно, несмотря на вести из Петрограда. Командующего фронтом генерала Рузского не оказалось, чтобы приветствовать Верховного Главнокомандующего. Прибыв с опозданием, он ввалился в салон-вагон Царя в заляпанных грязью галошах, с кривой усмешкой. Это были недобрые знаки.

Император приветствовал его с обычным радушием. Рузский рассчитывал увидеть в вагоне Родзянко, но председатель Думы не приехал на станцию Дно, как планировалось, хотя Николай прождал тридцать минут, чтобы, по просьбе самого Родзянко, встретить его. Не приехал тот и в Псков. Это означало, что

Рузскому одному предстояло уговаривать Царя предоставить уступки, которых добивались Дума и либеральные министры. Рузский был очень грубый и настойчивый человек с тактичностью бульдога, и он, рубя с плеча, обрисовал Николаю обстановку в Петрограде, утверждая, что лишь правительство народного доверия может вывести общество из хаоса. Но Император был тверд и заявлял, что эти вопросы могут быть решены эффективно, когда на следующий день он прибудет в столицу.

Ситуация запутывалась благодаря дезинформации, манипуляции данными и откровенной лжи. Задача военных руководителей заключалась теперь в том, чтобы склонить Царя к политическим уступкам, которые удовлетворили бы народ и исключили необходимость использовать войска для прекращения смуты. Императору не сообщили о том, что уже образован Временный комитет с Родзянко в качестве председателя, который взял положение в свои руки. Не знал Государь и о том, что господин председатель арестовал его министров, кроме военного и флота, и заключил их в Петропавловскую крепость. Командующие всеми фронтами постоянно получали из Ставки депеши от Родзянко и от Алексеева о положении в Петрограде и больше всего боялись, что применение войск для подавления беспорядков в столице приведет к полному развалу армии. У них создалось впечатление, что Родзянко — именно тот человек, который сейчас нужен в Петрограде, который владеет положением, и как только Император согласится на создание «правительства народного доверия», так необходимость в военном вмешательстве будет устранена.

Между тем генерал Иванов успел прибыть с войсками в Царское Село, и интриганы постарались, чтобы он не принял нужные меры. Генерал Алексеев возложил на себя обязанность сообщить Иванову из Могилева, что Царь должен согласиться на формирование правительства народного доверия, и в этом случае цель экспедиции Иванова станет иной. Затем Алексеев направил Николаю в Псков отчаянную телеграмму, указывая на растущую опасность анархии, развал армии и уменьшающиеся возможности выиграть войну, и убеждал его согласиться на представительное министерство во главе с Родзянко. Этот аргумент сломил сопротивление Императора. Он согласился подписать манифест и направил телеграмму Иванову не предпринимать никаких действий впредь до новых указаний. Измученный трудными событиями дня, после полуночи Царь удалился к себе.

Зато Рузский не думал никуда удаляться. Он связался по прямому проводу с Родзянко и в течение четырех часов вел с ним переговоры, из которых узнал, что революция приняла

угрожающие размеры, что солдаты отказываются повиноваться и даже убивают своих офицеров, что председатель заключил министров в тюрьму, что ненависть к династии усиливается и ее невозможно удержать. По словам Родзянко, уступки Царя слишком запоздали и только отречение в пользу Наследника может спасти положение. Рузский удивился, услышав, что, пожалуй, единственным решением, которое может спасти столь опасное положение, является только отречение, ибо власть ускользает у него из рук.

Когда Алексеев получил копию этой телеграммы, он отправил депеши всем командующим фронтами, описывая ситуацию и выражая свое мнение, что ввиду усилившейся враждебности к Государю отречение стало единственным способом спасти не только династию, но и армию и получить возможность выиграть войну. Он попросил, чтобы командующие направили свои ответы на это предложение непосредственно Царю в Псков, отослав копии ему, Алексееву, в Ставку.

Утром 2 марта Рузский разбудил Императора и зачитал ему запись переговоров с Родзянко. Сразу после этого стали поступать результаты опроса командующих вместе с копиями телеграмм Алексееву и его собственным мнением в поддержку отречения. Все поддержали это предложение, и только генерал Сахаров, командующий Румынским фронтом, задержал свой ответ в ожидании мнений остальных главнокомандующих. Совет министров самораспустился, а теперь еще и царские генералы, без которых нельзя было бы выиграть войну, покинули Государя.

Побледнев, Император отвернулся и подошел к окну поезда. Отодвинув занавеску, долго всматривался в морозную даль. Круто повернувшись, Государь сказал: «Я решил. Я отказываюсь от Престола».

Подписав отречение, он передал две телеграммы.

1. Председателю Государственной Думы Родзянко:

«Нет той жертвы, которой Я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родной Матушки- России. Посему я готов отречься от Престола в пользу Моего Сына с тем, чтобы Он оставался при Мне до совершеннолетия при регентстве брата Моего Великого Князя Михаила Александровича.

Николай».

2. Начальнику Генерального штаба Алексееву:

«Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России Я готов отречься от престола в пользу Моего Сына. Прошу всех служить Ему верно и нелицемерно.

Николай».

В ожидании ответов на эти телеграммы Царь долго беседовал

с профессором Федоровым относительно здоровья Цесаревича. Профессор сообщил, что болезнь мальчика неизлечима и, хотя он может прожить долго, состояние его здоровья зависит от случая, а деятельность будет ограничена. После этих слов доктора Император изменил свое решение и отрекся в пользу брата.

Эти трудные обсуждения и договоренности продолжились вследствие сбоев связи. Исполнительный комитет Временного правительства направил в Псков двух делегатов — враждебно настроенного к Николаю II А. И. Гучкова и более умеренного Василия Шульгина — с целью убедить Царя отречься. Их поразило то, что Государь уже принял решение и составил свой манифест. Гучков, давно ожидавший столкновения, должно быть, был страшно разочарован, узнав, что вопрос решен без него. Вспоминая этот знаменательный день, Шульгин писал: «Каким жалким показался мне набросок, который мы привезли, и какими благородными его прощальные слова».

Оба делегата выразили свое недоумение по поводу отстранения Алексея в качестве преемника, поскольку они рассчитывали, что появление ребенка на престоле окажет смягчающий эффект на общественное мнение. Назначение вместо него Михаила вызовет недоумение по двум причинам. Во-первых, это нарушение закона о престолонаследии, и, во-вторых, Михаил женат на дважды разведенной простолюдинке, что является еще одним минусом.

В конце концов оба эти вопроса носили академический характер. Возле Таврического дворца вместе с депутатами Думы собрался народ. Когда стало известно, что преемником Николая будет Великий Князь Михаил Александрович, послышались громкие голоса протеста: «Да здравствует республика!» «Долой династию!» «Долой самодержавие!» «Долой Романовых!»

Даже те политики, которые пытались сохранить монархию в конституционной форме, поняли, что это невозможно: всякая попытка, направленная к этому, приведет лишь к кровопролитию. Когда князь Львов, ставший председателем Временного правительства, сообщил Великому Князю Михаилу, что оно не может гарантировать его безопасность, тот также решил отречься, хотя в своем манифесте отметил, что готов взойти на престол в том случае, если его призовет к этому Учредительное собрание. Таким образом 3 марта 1917 года закончилось трехсотлетнее царствование Дома Романовых, хотя лишь немногие актеры драмы оценили подлинное значение этого события или его последствия.

БЫВШЕМУ ИМПЕРАТОРУ позволили вернуться в Ставку и попрощаться с войсками. Когда поезд подъезжал к Могилеву,

генерал Воейков, дворцовый комендант, вошел в вагон, где горела лишь лампада перед иконой. Николай Александрович сидел в одиночестве. Бывший Император, который сохранял самообладание весь этот трагический день, поднялся, чтобы поприветствовать старого друга, и разрыдался. После того как поезд прибыл на станцию, Николай Александрович вместе с Алексеевым направился в губернаторский дом, где написал трогательный прощальный приказ войскам, которые он очень любил. Он призывал их повиноваться новому правительству и своим командирам и сделать все возможное, чтобы выиграть войну, закончив воззвание словами: «Да благословит вас Господь Бог и да ведет к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий». Согласно распоряжению Временного правительства, обращение Государя так и не было опубликовано, и войска не узнали об этом последнем жесте преданности.

На следующий день Николай прощался с чинами штаба и офицерами, и снова его главной заботой был призыв продолжать войну до победного конца. Проявляя невероятное спокойствие и самообладание, он поблагодарил их за верность и службу. И солдаты кричали «ура» своему вождю, которого они искренне любили. В глазах у всех стояли слезы, и многие офицеры теряли сознанием. В этот момент Николай почувствовал, что его сердце чуть не разорвалось.

На следующий день из Киева поездом прибыла Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна, чтобы попрощаться со старшим сыном. Его отречение явилось страшным ударом для этой Царственной дамы, не сумевшей сохранить самообладание, которое было столь типично для нее. Визит, продолжавшийся три дня, должно быть, был мучителен для них обоих; она не могла сдерживать рыданий, но сын, которого она старательно воспитывала, оставался невозмутим. Он внимательно выслушивал ее сетования на то, как она унижена, и пытался заверить, что скоро они все окажутся в безопасности и увидятся в Крыму или в Англии. Когда поезд тронулся, сын улыбался и махал ей рукой. Оба перекрестили друг друга, не догадываясь, что больше не увидятся никогда.

Между тем Петроградский Совет солдатских и рабочих депутатов стал предъявлять такие настойчивые требования расправиться с Императорской семьей, что Временное правительство решило «лишить их свободы» и в целях безопасности заключить в царскосельский Александровский дворец. 8 марта в Могилев прибыли четыре думских депутата, чтобы арестовать бывшего Императора и препроводить его во дворец, ставший узилищем.

Поезд тронулся. Генерал Алексеев со слезами на глазах снял шапку и низко поклонился. Через несколько часов после отречения он сказал одному из своих помощников, что никогда не простит себе того, что поверил в искренность некоторых людей, руководствовался их советами и разослал главнокомандующим телеграмму, рекомендующую Императору отречься.

Глава 7. В заточении

Александровский дворец — гавань покоя для этой тесно сплоченной и любящей семьи — до некоторой степени напоминал крепость. После убийства Александра II охрана Царской семьи перестала носить лишь церемониальный характер. Постоянное дежурство несли такие элитные части, как Гвардейский Экипаж, Сводно-пехотный полк, состоявший из казаков Собственного Его Императорского Величества Конвоя и Железнодорожный полк, поскольку угроза террористических актов была весьма реальна, как свидетельствуют частые покушения. 28 февраля 1917 года крепость оказалась в осаде. Внутри находились Императрица, ее приближенная, супруга старшего офицера яхты «Штандарт» Лили Ден, дети, трое из которых были больны корью, как и Анна Врубцова, а также члены свиты и прислуга.

В тот понедельник Государыня пригласила Лили Ден совершить вместе с ней приятную прогулку и выпить чаю. В конце недели не было тревожных сообщений, и Александра Феодоровна решила, что порядок восстановлен. Лишь после их поездки она узнала, что части

Петроградского гарнизона взбунтовались, принялись убивать своих офицеров и высыпали на улицу, присоединяясь к мятежным демонстрантам. Хуже того, толпа буйствовала в разных частях города, грабила лавки, жгла дома, захватывала автомобили, предварительно выбрасывая из них водителей. В таких условиях Лили решила остаться во дворце на ночь, и для нее в Императорских покоях была приготовлена постель.

Рано утром 1 марта во дворец позвонил Родзянко: Семье угрожает враждебная толпа, и поэтому ее необходимо немедленно увезти. Обер-гофмаршал Бенкендорф не стал беспокоить Императрицу, поскольку они засиделись допоздна, обсуждая тревожную ситуацию, и он знал, что она чрезвычайно нуждается в отдыхе. Однако он сообщил об этом Государю и получил указания сделать необходимые приготовления для эвакуации Семьи. Узнав о произошедшем, Императрица решительно отказалась трогаться с места: без детей она ни за что не уедет, а они слишком больны, чтобы их куда-то везти. Бенкендорф уведомил Родзянко о ее решении, и тот сообщил, что обстановка ухудшилась настолько, что поезд вызвать невозможно, если даже железнодорожники пропустят его.

Весь день был наполнен тревогой, отчего и без того натянутые нервы напряглись еще больше. Государыня не могла связаться с Императором; все телеграммы возвращались назад со

зловещей надписью: «Местонахождение адресата неизвестно». Она пыталась убедить себя: это значит, что он на пути домой. Где-то под вечер пустили слух, будто банда мятежных солдат в Петрограде убила своих офицеров и на захваченных грузовиках отправилась в Царское Село, вопя, что доберется до «этой немки». Бенкендорф вызвал дополнительные войска, чтобы усилить охрану, занявшую позиции вокруг дворца.

С наступлением темноты его обитательницы стали наблюдать из окон верхнего этажа, как разводят костры, как подвозят походные кухни. Их успокоил вид своих защитников, выстроившихся в боевом порядке. Первая шеренга встала на колени, вторая взяла ружья наизготовку. Но со стороны города доносились хриплые звуки: добравшиеся до Царского Села мятежники принялись громить винные магазины и пьянствовать, выкрикивать непристойности и угрозы, распевать революционные песни и стрелять куда попало. Шум и стрельба приближались.

Впоследствии Гиббс часто вспоминал, как Государыня, от которой потребовалось мужество, превзошла себя. Около 9 вечера она надела шубу поверх платья сестры милосердия, ставшего ее обычной формой, и вместе с Великой Княжной Марией Николаевной, в сопровождении графа Бенкендорфа и графа Апраксина, вышла в темный парк к защитникам дворца. Она проходила вдоль рядов солдат, благодарила каждого из них, говорила, что доверяет им, напоминала, что жизнь Наследника в их руках. Затем распорядилась, чтобы солдат группами отводили во дворец погреться и выпить горячего чая. Вернувшись с холода, она с уверенностью сказала: «Все это наши друзья!»

В ту ночь почти не спали. Императрица, Лили Ден и фрейлина баронесса София Буксгевден легли, не раздеваясь; время от времени Александра Феодоровна поднималась, чтобы посмотреть на парк. Мятежные солдаты находились в пятистах метрах от дворца, однако метель и слухи, будто дворец охраняет несметное количество войск, а на крыше установлены пулеметы, нацеленные на них, смутили пьяных солдат, оставшихся без командиров, и они решили отказаться от своих намерений.

На следующий день Государыня поднялась чуть свет, чтобы встретить супруга. Но он не приехал, и хотя она пыталась внушить себе, что задержала его пурга, все понимали, что, будь это так, они бы узнали о случившемся. Подойдя к окну, Императрица заметила, что на рукавах у защитников дворца появились белые платки. Это означало, что ночью состоялась договоренность с мятежниками: они не станут нападать на охранников, если те не будут препятствовать бесчинствам революционеров.

2 марта события приняли дурной оборот. Солдаты элитных полков, которые считались личными друзьями Семьи, в чьей верности она никогда не сомневалась, перестали повиноваться офицерам и перешли на сторону толпы. Еще более невероятным было то, что Великий Князь Кирилл Владимирович, двоюродный брат Государя, нацепив на лацкан мундира красный бант, повел моряков Гвардейского Экипажа к Думе, чтобы преклониться пред ее властью.

От Государя по-прежнему не было никаких известий. Ужасное ожидание и неуверенность царили во дворце, ставшем похожим на огромную темницу. Освещение и водопровод были отключены, поэтому в длинных коридорах и в похожих на пещеры комнатах было темно и холодно. Воду брали из проруби в пруду, пара в трубах отопления не было. Однако, проявляя несокрушимую волю, которая поражала всех, Императрица настаивала на сохранении видимости порядка. Лифт, соединявший комнаты Государыни со спальнями детей, не работал, но, несмотря на слабое сердце и боли в пояснице, она поднималась наверх пешком, ежедневно обходя своих пациентов.

Во время болезни его учеников Гиббс ночевал в Александровском дворце, чтобы в любое время оказаться под рукой в случае необходимости. В тот вечер они с Алексеем играли в домино в классе, где топился камин, поскольку игровая комната не отапливалась. Они также клеили домики из бумаги, увеличивая уже существующую деревню, и лепили ракеты, но мысли их были заняты иным. «Мальчик ничего не знает о происходящих событиях, — писал Гиббс, — но о чем-то догадывается». Затем при свече Сид читал Наследнику русские народные сказки, пока ребенок не заснул.

Императрица настояла, чтобы на следующий день Гиббс взял себе выходной, поэтому в четверг вечером он отправился в Екатерининский дворец и снова спал в собственных апартаментах. Поездов в тот день не было, но рано утром на следующий день он отправился на вокзал и увидел, что формируется состав. Он сел в вагон, все время думая о том, как и когда сумеет вернуться назад. Приехав в Петроград, он увидел улицы, усыпанные мусором, и сгоревшие дома. Попад в свою квартиру, он убедился, что все на месте, и захватил с собой несколько книг. Затем отправился в свое новое детище — школу Притчарда, где провел несколько часов, расспрашивая, что там достигнуто и каковы перспективы.

Столицы он не узнал. Улицы были наполнены возбужденными людьми — одни плакали, другие, изумленные, стояли молча, третьи вопили и кричали «ура». Распространился

слух, будто Царь Николай II отрекся от престола. Что в России больше нет Царя. Гиббс был потрясен, и полное значение этой новости не сразу дошло до его сознания. Когда наконец он смог сосредоточиться, то принялся скупать наиболее достойные доверия газеты и поторопился в свою квартиру.

Убедившись, что приходится верить невероятному, Гиббс отправился в Царское Село — ночью он там понадобится. Поезда не ходили, пришлось нанять извозчика. В тот день в Петрограде побывали несколько слуг. Возвращаясь назад, недоумевающие, перепуганные, они прошагали по снегу и льду все двадцать километров, неся с собой печальную весть, но Императрица не поверила им.

Ошеломленные члены Императорской свиты и офицеры охраны читали газеты со слезами на глазах. Вечером Императрице нанес визит Великий Князь Павел Александрович, сообщивший об отречении. После беседы с Великим Князем в красную гостиную вошла Государыня. Там ее ждала Лили Ден. Лицо Императрицы было искажено страданием, в глазах стояли слезы. Опустившись в кресло, она обхватила руками голову, прошептав по-французски: «Abdique! [Отрекся!]». Она еще не скоро смогла продолжать. Затем все ее мысли были направлены на мужа: «Бедный... совсем там один... Боже! А сколько он пережил! Сколько он пережил! И меня не было рядом, чтобы его утешить».

Было довольно поздно, но никто не думал ложиться спать. Один за другим приходили верные члены свиты, чтобы заверить Государыню в своей преданности. Она была глубоко тронута, выразила свою глубокую благодарность и сказала, что такова Божья воля. Когда наконец все улеглись, большинство лежали, уставясь в темноту, и со страхом думали о будущем.

Но на следующее утро снова взошло солнце, засиявшее ярко — Государыня сочла это добрым знаком. Она решила ничего не сообщать больным детям, по крайней мере — пока. Большую часть дня Императрица вместе с Лили жгли в сиреневом будуаре ее письма и дневники.

Со слезами перечитывала она письма королевы Виктории, которая ее любила и с шести лет направляла по жизни потерявшую мать внучку. Прежде чем предать бумагу огню, она целовала каждое письмо. Были письма от сестер и брата, а также от подруг, которых она бомбардировала полными любви письмами. Сотни писем от Николая, не предназначенных для чужих глаз, она сохранила, хотя они были интимными и полными нежных чувств. Ведь раздавались громкие требования предать суду Августейшую чету, и она понимала: эти письма станут

ценным доказательством того, что у них не было предательских намерений заключить мир с немцами.

День этот принес радостную весть: Николай позвонил из Пскова. Верный камердинер Волков, принесший известие, был так возбужден, что, забыв всяческий этикет, ворвался в будуар и сообщил, кто звонит. Телефонная связь была отвратительной, к тому же оба знали, что их подслушивают, но услышать голос мужа и знать, что он в безопасности, — это была лучшая новость, которую могла пожелать Александра Феодоровна. Он спросил, знает ли она об отречении. «Да», — сказала она и больше не произнесла ни слова. Он не мог сказать, когда вернется точно, но полагал, что это произойдет скоро. Разговор они закончили, сказав несколько слов о болезни детей. Позднее она излила свое сердце в письмо:

«...Каким облегчением и радостью было услышать твой милый голос, только слышно было плохо, да и подслушивают теперь все разговоры! И твоя милая телеграмма сегодня утром — я телеграфировала тебе вчера вечером около 9 1/2 и сегодня утром до часу... Больные наверху и внизу не знают ничего о твоём решении — боюсь сказать им, да пока и не нужно. Лили была ангелом-хранителем и помогает сохранять твердость».

Она добавила, что Гиббс, ставший их связным в Петрограде, видел обеих дочерей и тяжело больную жену графа Фредерикса, министра Императорского Двора и уделов, в тесной комнате офицерского госпиталя, поскольку их квартира совершенно уничтожена огнем. Никто из членов Императорской Фамилии не осмеливался выйти на улицу, поскольку улицы, а также и трамваи, были в руках революционеров, но Сиг мог передвигаться по городу; он доставлял вести и выполнял различные поручения. Одно из них заключалось в том, что он отправился домой к Лили Ден, чтобы навестить ее семилетнего сына Тити, который был болен, и привезти даме свежую одежду.

Очень поздно, в 11 часов вечера, в субботу во дворец приехали два неожиданных гостя — А. И. Гучков и генерал Лавр Корнилов, новый командующий войсками Петроградского округа. Их появление в столь поздний час всем показалось зловещим: уж не намерены ли они арестовать Императрицу? Граф Бенкендорф поднял Великого Князя Павла Александровича с постели и попросил его приехать к Государыне. Визитеров сопровождали около двадцати членов царскосельского совдепа. Эти грубияны разгуливали по дворцу, без стука заглядывали в комнаты, оскорбляли офицеров и придворных, придирались к прислуге. Гучков и Корнилов вели себя сдержанно, с холодной учтивостью. Они заверили Александру Феодоровну, что прибыли с целью

убедиться, что она и ее дети в безопасности и имеют все необходимое, в частности, лекарства. Императрица ответила, что у них есть достаточно провизии, но попросила отремонтировать систему водоснабжения и отопления, необходимые для больных детей, и установить порядок вокруг дворца. Она также попросила, чтобы депутация проверила военные госпитали в Царском Селе и убедилась, что они снабжены всем что нужно. Гучков обещал удовлетворить ее пожелания.

После того как сообщение об отречении стало известно войскам охраны дворца, «у солдат все больше опускалось настроение. Они стали говорить, что, поскольку Император отрекся, они освобождены от присяги и готовы подчиниться Временному правительству». Встревоженные офицеры проконсультировались друг с другом и решили, что необходимо образовать совместную депутацию офицеров и солдат и представить новым властям декларацию о намерениях. Ночью это было сделано. В их документе, подтверждающем верность новой власти, отмечалось, что они готовы выполнить свой долг по охране Императорской семьи и дворца. Родзянко принял депутацию и выразил горячее одобрение. «Когда эта процедура закончилась, мораль войск была полностью восстановлена и жизнь дворца продолжалась, как и прежде». Обрадованный развитием событий, граф Бенкендорф подготовил аналогичные бумаги для дворцовой полиции и слуг.

После этого, как отметил Гиббс, произошла заметная перемена в обстановке. Прекратились визиты министров, иностранных представителей, подателей петиций и друзей. Даже слуги, хотя и по-прежнему учтивые, казалось, изменили свое отношение к Семье.

8 марта Гиббс совершил еще одну поездку в Петроград.

В тот же день генерал Корнилов вновь приехал во дворец сообщить, что Царская семья официально находится под арестом. Дворцовая охрана была заменена войсками, верными Временному правительству. Все двери, ведущие на Императорскую половину дворца, кроме главного входа и дверей на кухню, были опечатаны. Члены свиты, включая офицеров, были вправе покинуть дворец, но те, кто ушли, не могли вернуться назад. Те же, кто остался, считались под домашним арестом. Неудивительно, что большинство оставили дворец, и многие из них, уходя, вероятно, услышали презрительное замечание генерала: «Лакеи!» Вся исходящая или входящая корреспонденция должна была проверяться дворцовым комендантом — полковником Евгением Кобылинским. Телефонные линии, кроме одной, в дежурной комнате, были отрезаны. Позднее узники

могли разговаривать по телефону, но только в присутствии дежурного и по-русски.

Вернувшись в тот день из Петрограда, Гиббс обнаружил, что во дворец ему не попасть. Когда 9 марта Царь Николай II вернулся в Царское Село, наставнику пришлось наблюдать за грустным зрелищем со стороны полуциркуля Большого дворца. Новая охрана представляла собой жалкое зрелище: солдаты были неряшливые, неухоженные, с лохматыми волосами, в неопрятной форме. Губительный приказ № 1, опубликованный 1 марта и предоставлявший солдатам гражданские права, полностью подорвал воинскую дисциплину и мораль. Солдаты больше не отдавали честь и не обращались к офицерам «Ваше благородие». Они отказывались выполнять любой приказ, который их не устраивал. Часто избивали своих офицеров, а иногда и убивали. Вот такие-то горе-солдаты и приветствовали бывшего Царя с оскорбительной грубостью. Не ответив на его приветствие, они сделали вид, будто не узнали его, а затем стали ломать комедию, прежде чем впустить в его же дом «гражданина Романова».

По-настоящему приветствовали Николая Александровича близкие, нетерпеливо ожидавшие его. Алексею и девочкам сообщили об отречении и грядущих переменах, но они не произнесли об этом ни слова и принялись осыпать отца поцелуями, высказывая, как они рады его приезду. Когда Государь вышел из темного помещения на свет, стали видны следы пережитых им страданий. Он побледнел и очень похудел, на висках появилась седина, лицо изрезано морщинками, вокруг глаз темные круги.

Слабо улыбнувшись, Николай сел рядом с Александрой и Лили. Он попытался начать разговор о пустяках, но это оказалось выше его сил. Он решил пройтись, чтобы проветриться. Зрелище, которое Государыня и ее приближенная увидели из окна, разрывало им сердце. В какую бы сторону он ни пошел по аллее к каналу, тут же появлялся часовой, преграждавший ему путь и толкавший его прикладом ружья. Сохранявший свое обычное спокойствие, Николай кивал каждому из своих мучителей и наконец повернул назад ко дворцу. Августейшие узники были вынуждены столкнуться с жестокими фактами.

Валя Долгоруков, пасынок Бенкендорфа, вернувшийся вместе с Императором из Пскова, рассказал об отречении свите и офицерам.

«Его рассказ был драматичен и произвел на нас глубокое впечатление. Нам показалось необъяснимым, что Император, не решавшийся даровать конституцию и назначить ответственное министерство, так быстро согласился отречься». Отражая,

несомненно, мнение Царя, Бенкендорф считал роль командующих в отречении неслыханным в истории предательством своего Императора.

Очутившийся за стенами дворца, Гиббс стал свободным человеком. Многие в таком положении сочли бы себя счастливчиками, но он был не намерен отказываться от выполнения своего долга. И все-таки что он должен был и мог предпринять? Прежде всего он решил искать помощи у британского посла сэра Джорджа Бьюкенена, который сочувственно выслушал его и тотчас отправил письмо главе Временного правительства с просьбой разрешить

Гиббсу вернуться к его обязанностям. Прошло несколько недель, прежде чем был получен отрицательный ответ за подписью «пяти государственных комиссаров». Было послано второе письмо; Бьюкенен советовал набраться терпения, обещая использовать свои полномочия, чтобы предпринять все, что в его силах. Со своей стороны, Гиббс стал обращаться во все революционные органы, какие только можно, но безуспешно.

Он также сразу же написал экс-Императрице о том, что предпринимает попытки вернуться к своим обязанностям. Переписка была разрешена, хотя вся корреспонденция, как отправляемая из дворца, так и приходящая, просматривалась дворцовым комендантом, который довольно скоро стал жаловаться на чересчур большое количество писем. Гиббс поддерживал связь со своими учениками и теми служащими, которые остались с Царской семьей. Его коллега, Пьер Жильяр, которому не позволили покинуть дворец, часто обращался к Гиббсу с просьбой выполнить те или иные поручения в городе — что-то купить, посетить банк или выступить в качестве делового представителя. Цензура запретила наставникам обмениваться важной информацией, хотя вполне возможно, что они выработали какой-то код. В своих письмах Гиббс подробно сообщал официальные петроградские новости, Жильяр докладывал, что Царские дети снова принялись за уроки. Государь преподавал Алексею историю и арифметику, Императрица — Закон Божий, Жильяр продолжал давать уроки французского всем, кроме Ольги, которая закончила курс. Он также выполнял обязанности заведующего учебной частью. Баронесса Буксгевден стала учительницей английского (они с Гиббсом обменялись мнениями по этому поводу), графиня Гендрикова преподавала искусство, а мадемуазель Шнейдер — русский язык.

Комнаты в Екатерининском дворце Гиббс сделал своими постоянными апартаментами; отсюда он мог получать крохи информации о жизни Императорской семьи. Он по-прежнему

имел право заказывать пищу в Императорской кухне, и когда его слуга ходил за ней, Гиббс узнавал от него разные сплетни. Из этих рассказов он получал представление о том, что происходит во дворце, по крайней мере, на уровне слуг. Некоторые из них были заражены революционной пропагандой и недовольны своим положением, другие были верны Царской семье, но возмущены тем, что находились в заключении, третьи были готовы служить своим хозяевам до конца. Согласно давно заведенному обычаю, семьи кухонных работников могли каждый вечер забирать с собой остатки пищи. После таких визитов новости просто переполняли их, хотя было трудно отделить правду от вымысла. К сожалению, по мере того, как среди дворцовой охраны верх стали брать более радикальные элементы, эта практика прекратилась. Еще один источник информации появлялся всякий раз, как начальник охраны решал сократить количество слуг. Уволенные тотчас оказывались в центре внимания, поскольку всем хотелось знать, что происходит во дворце.

Несмотря на твердое решение вернуться к обязанностям наставника, Гиббс оставался человеком практическим. Он решил последовать совету дядюшки Уилла и заняться продажей в России бездымной кухонной плиты фирмы Барнсли. Презентация плиты городскому голове Петрограда прошла успешно. В начале апреля он писал дядюшке:

«В протоколах городской управы нет никаких следов моего предложения... Они понимают выгоду, которую можно извлечь из такого проекта, и будут рады рассмотреть более конкретное предложение. Не можете ли вы прислать мне подробные данные, касающиеся фирмы Barnsley Smokeless Fuel Company, Ltd? Они хотят выяснить финансовую сторону вопроса и получить более полное представление о фирме Barnsley Co».

Однако политические проблемы усложнились настолько, что 26 апреля Временное правительство было вынуждено признать, что не в состоянии более поддерживать порядок. В этом не было ничего удивительного, поскольку первые его шаги после прихода к власти были таковы: отмена смертной казни, упразднение Департамента полиции, всех губернаторов провинций и их заместителей. При отсутствии органов, обеспечивающих соблюдение правопорядка, и дисциплины в армии — хаос был неизбежен. Нарушение связи привело к невозможности вести какие бы то ни было коммерческие переговоры. Получил ли дядюшка Уилл письмо Сиды?

Газеты были полны противоречивых сообщений о Царской семье. Радикалы изображали ее членов наслаждающимися роскошью во дворце, хотя они заслуживали того, чтобы их

заклучили в Петропавловскую крепость. Умеренные пытались доказать, что с Семьей обращаются гуманно, хотя их подвергают строгим ограничениям. Конкретные детали можно узнать из дневников Императора, из писем членов Семьи друзьям, из воспоминаний некоторых лиц, которые оставались с ними, и даже из докладов их противников. Судя по всем свидетельствам, для Семьи была характерна одна черта — отсутствие озлобленности. Религиозность всех ее членов позволяла им надеяться, что все окончится по-доброму даже в этой жестокой и угрожающей обстановке, и вести себя необходимо с достоинством и величием, несмотря на преднамеренные оскорбления и преследования.

ВО ДВОРЦЕ царила скука. Не приезжало никаких гостей, никто из его обитателей не мог покинуть дворец, и один день был похож на другой. Обычный порядок занятий Александры Феодоровны редко менялся. Утро всей Семьи было занято уроками, поскольку Государь и Императрица стали преподавателями. Только Ольга не училась, вследствие чего она несколько обленилась за месяцы заточения. Для утреннего чая полагался перерыв в занятиях, после этого Император уходил на прогулку в сопровождении приближенных и кого-нибудь из детей, прежде чем возобновить уроки. Разрешались и более длительные прогулки, но лишь в специально отведенных для этого местах, причем в дневное время и всегда в сопровождении вечно раздраженных часовых. Прогулка могла прерваться неожиданно — из-за того, например, что граф Бенкендорф шел слишком медленно, или Жильяр что-то сказал одной из Великих Княжон, или потому, что слуга вез Государыню в кресле — это особенно злило революционных солдат, которые бранились и кричали, что она должна идти сама.

Школьные занятия оканчивались в середине дня, когда подавали ленч, затем тянулся долгий день, который следовало чем-то заполнить. Тут проявлял свою энергичную предприимчивую натуру Николай Александрович. Вместе с детьми и особами свиты он целыми часами занимался тяжелым физическим трудом. К зиме понадобится топливо — и бывший Царь вместе с некоторыми слугами принимался валить сухие деревья в парке, пилить их на дрова, а Алексей и девочки собирали ветки. 11 июля Государь отметил в дневнике: «Подходим к седьмому десятку распиленных деревьев».

В конце марта узники стали раскапывать огород. Землю отвозили на тачке, чтобы получились грядки, на которые были высажены пятьсот стеблей капустной рассады. Были также посажены лук, огурцы и другие овощи. «Все слуги, которые того пожелали, приняли участие в посадке. Они были счастливы

возможности поработать несколько часов на свежем воздухе». Надев тяжелые рабочие сапоги, простые шерстяные юбки, кофты и свитера, Великие Княжны трудились бок о бок с ними. Головы, выбритые во время болезни, были повязаны платками. Царская семья работала в огороде ежедневно с двух до пяти часов, до самого ее отъезда из Царского Села. В мае на столе узников стали появляться плоды их трудов. Как отметил 27 июня Государь, «утром вышли все дочери, чтобы собирать скошенную траву». Они получали истинное удовольствие, занимаясь тяжелым крестьянским трудом.

Ни Алексей, ни его сестры никогда не жаловались на то, что выполняют такую работу. Их неизменное добродушие и учтивость действовали на охранников, и некоторые из них помогали в труде. Все зависело от состава солдат, дежуривших в данный день. Отдельные недоброжелатели норовили унизить узников и искали повода поскандальить. Кто-то из солдат донес в совдеп, что видел, как два офицера поцеловали руку одной из Великих Княжон. Поднялся такой шум, что офицеров подвергли допросу и перевели на другие посты. Быть любезным по отношению к членам Царской семьи оказалось опасным занятием.

После трапезы, по вечерам, женщины зачастую шили, а Государь читал. Излюбленными книгами были «Приключения Шерлока Холмса»; он также читал «Графа Монтекристо» и что-нибудь полегче, вроде «Девушки- миллионерши». Раза два, не меньше, Алексей приглашал всех, в том числе свиту, в свою комнату и демонстрировал им кино. У него с собой были фильмы компании «Патэ», которые он брал с собой в Ставку.

«Он любил изображать из себя хозяина и принимал нас с детским гостеприимством, видеть которое было одним удовольствием. Он очень умен, наделен сильным характером и добрым, любящим сердцем. Если бы Господь даровал ему долгую жизнь и избавил его от недуга, который обычно проходит с возрастом, то Цесаревич сыграл бы важную роль в деле возрождения многострадальной Родины. Ведь он законный Наследник Престола, характер его сложился в горниле невзгод, выпавших на долю его родителей. Лишь бы удалось вырвать его из лап фанатиков, в которых он сейчас находится».

Заточение Семьи в Александровском дворце переносилось ими легче, потому что это был их родной дом и их окружали знакомые предметы. И все равно мартовские дни были, должно быть, для них испытанием, поскольку члены Царской семьи не привыкли к условиям заточения, к тому, что их оскорбляли, помыкали ими. Особенно несносны были солдаты. Опьяненные появившейся у них властью, они упивались возможностью

досаждают узникам. Однажды, когда Государь ехал на велосипеде, какой-то хулиган воткнул в спицы штык. Император упал и повел велосипед ко дворцу, а солдаты радостно загоготали. Был случай, когда экс-Император и его спутники, возвращавшиеся с прогулки, увидели часового, который спал на позолоченном стуле, вытащенном из дворца, положив ноги на кресло.

В марте на политическую сцену ворвался Керенский. Он сменил Родзянко на посту главы Временного правительства. Этот любопытный человек не мог стоять спокойно. Он был так заряжен нервной энергией, что кричал вместо того, чтобы говорить, бегал, дико жестикулируя, вместо того, чтобы расхаживать. 21 марта он влетел в кухонный подъезд дворца и приказал прислуге собраться. Затем произнес зажигательную речь, заявив, что «они больше не служат старым хозяевам, получают жалованье от народа, поэтому должны следить за всем, что происходит во дворце, и подчиняться распоряжениям коменданта и офицеров охраны».

Но у него была еще одна цель визита — приказать, чтобы Императрицу отделили от Императора и детей. По его словам, это необходимо потому, что экстремистские партии считают, будто она находится во главе контрреволюционного движения. Бенкендорфу и Софии Буксгевден удалось в конце концов убедить его, что Императрица должна остаться с больными детьми, но Керенский настоял на том, что в таком случае должен быть изолирован Император, которому будет разрешено встречаться с остальными членами Семьи лишь во время трапез и церковных служб в присутствии охраны.

Керенский приехал еще и затем, чтобы арестовать Вырубову. Когда он вошел в комнату, где лежала Анна, еще не оправившаяся от кори, то был поражен при виде этой женщины, которую молва изображала соблазнительницей Распутина и даже Царя. Она оказалась довольно полной женщиной средних лет, которая не могла передвигаться без костылей. Тем не менее он приказал отвезти ее в Петропавловскую крепость, где в течение нескольких месяцев ее содержали в жестоких условиях. Лили Ден была тоже арестована, и хотя ее отпустили через несколько дней, вернуться во дворец ей не разрешили.

Изоляция Николая Александровича и Александры Феодоровны продолжалась всего две недели, но за это время Керенский успел допросить их по одиночке относительно правительственной политики и назначений министров до революции. Александра Феодоровна отвечала с ясностью и твердостью, поразившей его, заявив, что они с Императором находили согласие по всем вопросам и что она не принимала

никаких решений без его одобрения. Большинство ее встреч с министрами имели отношение к госпиталям, учреждениям Красного Креста, военнопленным и другим проблемам благотворительности. Напротив, экс-Император не чувствовал себя обязанным объяснять или оправдывать свои решения и не пытался поддерживать разговор. Керенский был изумлен спокойствием и самообладанием Царя и впоследствии признал, что не могло идти и речи об измене или контрреволюционной деятельности Августейшей четы.

Но вот длинный и трудный март кончился, впереди ожидалась Страстная седмица и Светлое Христово Воскресение. В начале апреля во дворец был приглашен отец Афанасий Беляев, принесена чудотворная икона Божией Матери с Богомладенцем «Знамение». Была отслужена

обедня по случаю дня рождения Наследника. Икону несли процессия священников и дьяконов, которых солдаты пропустили во дворец. Настоятель был глубоко тронут, когда «горячо, на коленях, со слезами, просила земная Царица помощи и заступления у Царицы Небесной». Граф Бенкендорф вспоминал, как процессия покидала дворец, как семья, проводив ее до балкона, смотрела ей вслед, пока священники не скрылись. «Это прошлое уходит от нас, чтобы никогда не вернуться. Воспоминания об этой церемонии навсегда останутся со мной, и я не смогу думать о ней без глубокого волнения».

На дни Страстной седмицы и Пасхи священнику разрешили переехать во дворец. В своем дневнике он называет некоторые блюда, которые подавались во время Великого поста: рубленая капуста с маринованными огурцами и картофелем, щи с грибами, рисовые котлеты, жареная корюшка, яблоки в сладком сиропе, компот из фруктов. Тесное общение с Царской семьей обрадовало его, но в то же время наполнило сердце грустью.

«Надо самому видеть и так близко находиться, чтобы понять и убедиться, как бывшая Царственная семья усердно, по-православному, часто на коленях, молится Богу. С какой покорностью, кротостью, смирением, всецело предав себя в волю Божию, стоят [они] за богослужениями. И у меня, грешного и недостойного служителя Алтаря Господня, замирает сердце, льются слезы, и, несмотря на гнетущую тяжесть затвора, благодать Господня наполняет душу».

«Первый раз в присутствии Государя, за великим входом, когда нужно было вместо Благод(естивейшего) Самод(ержавнейшего) Гос(ударя) Импер(атора) и пр. говорить о Державе Рос(сийской) и Врем(енном) Правительстве), я не сразу мог собраться с силами и едва не разрыдался. Надорванным

голосом, сбиваясь в словах, (я) закончил поминовение...»

Все обитатели дворца, включая прислугу, исповедовались в Страстную седмицу: в среду — пятьдесят четыре, в пятницу — сорок два слуги и особ свиты, включая двух докторов; затем исповедовались фрейлины и члены Императорской семьи. Исповеди Великих Княжон и Алексея произвели глубокое впечатление на отца Афанасия Беляева.

«Как шла исповедь — говорить не буду. Впечатление получилось такое: дай, Господи, чтобы и все дети нравственно были так высоки, как дети бывшего Царя. Такое незлобие, смирение, покорность родительской воле, преданность безусловная воле Божией, чистота в помышлениях и полное незнание земной грязи — страстной и греховной, меня привело в изумление, и я решительно недоумевал: нужно ли напоминать мне, как духовнику, о грехах, может быть, им неведомых, и как расположить к раскаянию в неизвестных для них грехах».

Еще больше его поразила исповедь их родителей.

«За нею [Татьяной Николаевной] пришла Государыня, взволнованная, видимо, усердно молившаяся и решившаяся по православному чину с полным сознанием величия Таинства, исповедать пред с(вятым) Крестом и Евангелием болезни сердца своего. За нею приступил к исповеди и Государь... О, как несказанно счастлив я, что удостоился, по милости Божией, стать посредником между Царем Небесным и земным... Это до сего времени был наш Богом данный Помазанник... И вот ныне, смиренный раб Божий Николай, как кроткий агнец, доброжелательный ко всем врагам своим, не помнящий обид, молящийся усердно о благоденствии России, верующий глубоко в ее славное будущее, коленопреклоненно, взирая на Крест и Евангелие, в присутствии моего недостойнства, высказывает Небесному Отцу сокровенные тайны своей многострадальной жизни и, повергаясь в прах пред величием Царя Небесного, слезно молит о прощении в вольных и невольных своих прегрешениях».

Затем наступило Светлое Христово Воскресение, когда господа и слуги собрались вместе в полночь, чтобы воспевать великое, радостное событие. После литургии Семья и свита разговлялись, а наутро Николай христосовался со всеми слугами, в то время как Александра Феодоровна дарила им фарфоровые яйца, сохранившиеся из прежних запасов. «Всего было 135 человек».

После этого дни пошли заведенным порядком: занятия, прогулки, работа. Изоляция была невыносима для всех. Наступил непродолжительный подъем духа, когда на Юго-Западном фронте

началось наступление, но спустя две недели все надежды рухнули. Войска отказывались подчиняться приказам, перестали наступать и даже отступали без всякого нажима со стороны врага. Николай был в отчаянии.

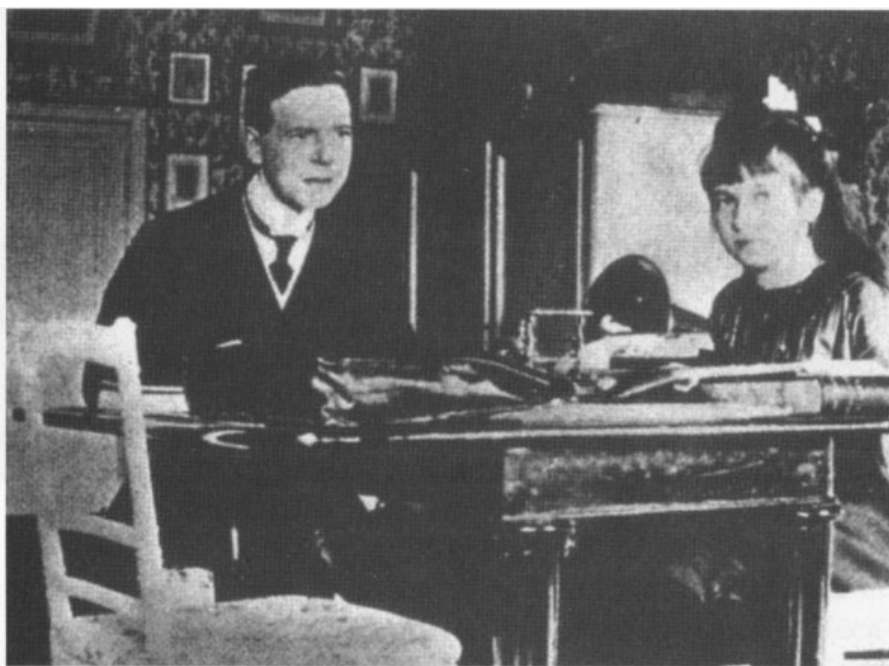
У ГИББСА тоже не все складывалось удачно, хотя он был свободен и достаточно занят в Петрограде. Много его вещей оставалось в Александровском дворце, а еще больше — в номере могилевской гостиницы «Hotel de France». Когда в декабре 1916 года он сопровождал Цесаревича в Царское Село, то рассчитывал вернуться в Ставку, чего так и не произошло.

Царская семья. 1913 г.

Царственные дети. Цесаревич Алексей и Великие Княжны:
Татьяна, Анастасия, Мария, Ольга. 1910 г.

Чарльз Сидней Гиббс дает урок Великой Княжне Анастасии

Цесаревич Алексей на прогулке со своим воспитателем
Чарльзом Сиднеем Гиббсом

Великие Княжны Мария и Анастасия
в домашнем спектакле. 1912 г.

Цесаревич Алексей в Ставке. Слева направо: учитель французского языка П. Жильяр, дворцовый комендант В. Н. Воейков, учитель английского языка Ч. С. Гиббс, учитель русского языка П. В. Петров. Могилев, 1916 г.

Цесаревич Алексей с учителем Закона Божиего, духовником Царской семьи о. Александром Васильевым. 1912 г.

Прогулка под конвоем.
Царское Село.
Апрель 1917 г.

Цесаревич Алексей и Великие Княжны Ольга, Анастасия и Татьяна.
Отдых после работы на огороде парка Александровского дворца.
Апрель 1917 г.

Губернаторский
дом в Тобольске.
Место заточения
Царской семьи

Государь Император Николай Александрович с сыном
Цесаревичем Алексеем под арестом. Тобольск. 1918 г.

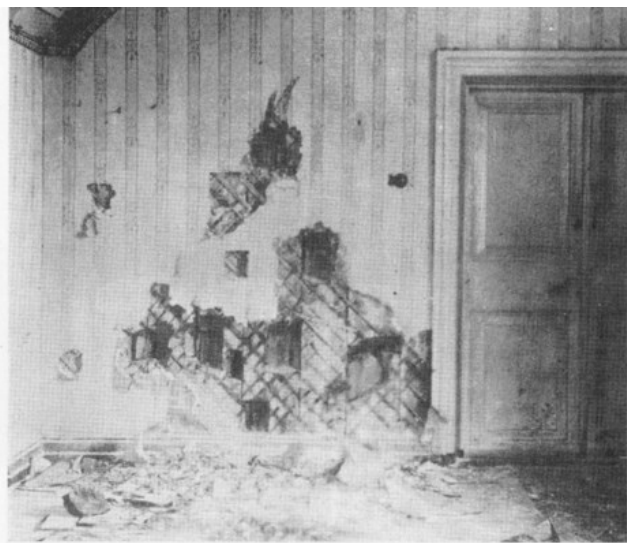
Дом инженера Ипатьева в Екатеринбурге, где провели последние недели своей жизни Царственные узники. 1918 г.

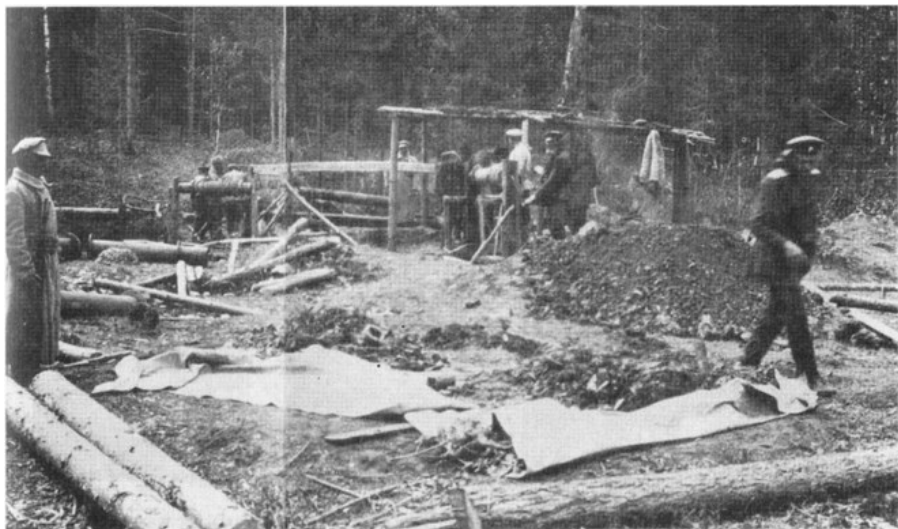
Столовая в доме Ипатьева

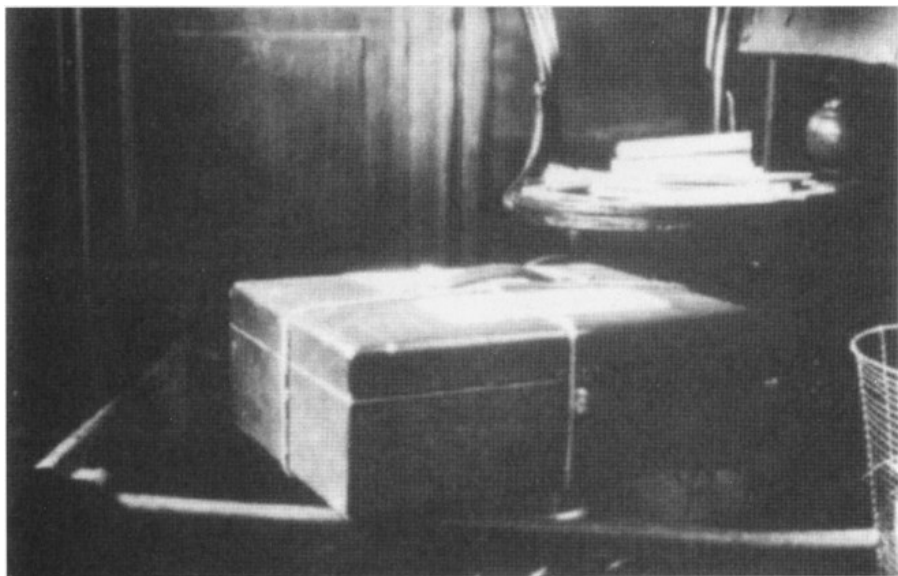
Иконы, принадлежавшие Царской семье и найденные в Ипатьевском доме следователем Н. А. Соколовым. 1919 г.

Комната в нижнем этаже дома Ипатьева, где приняли мученическую кончину Царская семья и верные ее слуги. 1919 г.

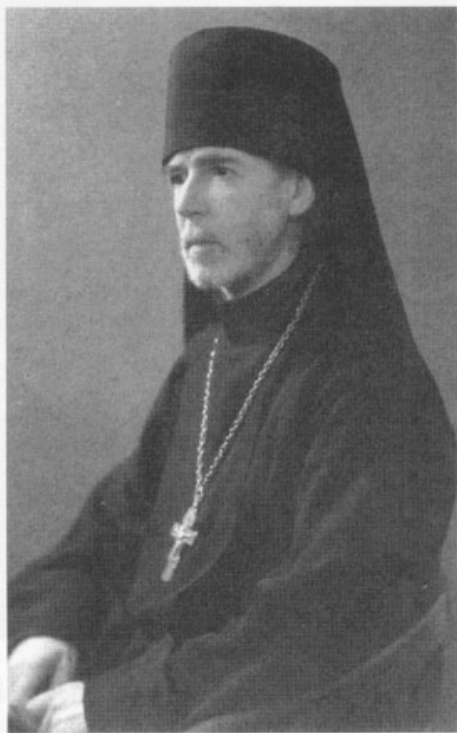
Место уничтожения останков Царской семьи у урочища «Четырех братьев». Из материалов следователя Н. А. Соколова

Шкатулка с останками членов Царской семьи, найденными Н. А. Соколовым (некоторое время находилась у Ч. Гиббса в 1920 г.)

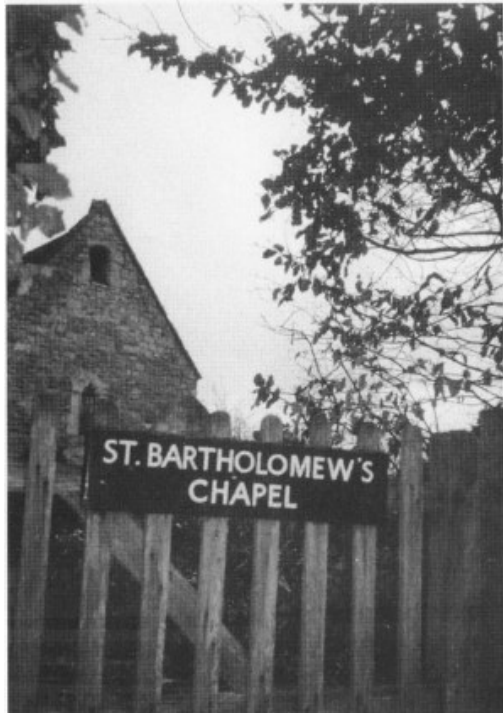
Чарльз Сидней Гиббс
в 1925 г.

Иеромонах Николай (Гиббс)
вскоре после рукоположения
в священный сан. 1935 г.

Архимандрит Николай (Гиббс) (справа)
с архиепископом Нестором (Анисимовым) в 1938 г.

Храм святого Варфоломея,
где служил архимандрит
Николай (Гиббс) с февраля
1941 г. по июнь 1949 г.
Оксфорд, Англия

*Собор, известный также
под именем Bartlemas, ранее
принадлежал больнице
для прокаженных и был
основан английским королем
Генрихом I в 1126 г.*

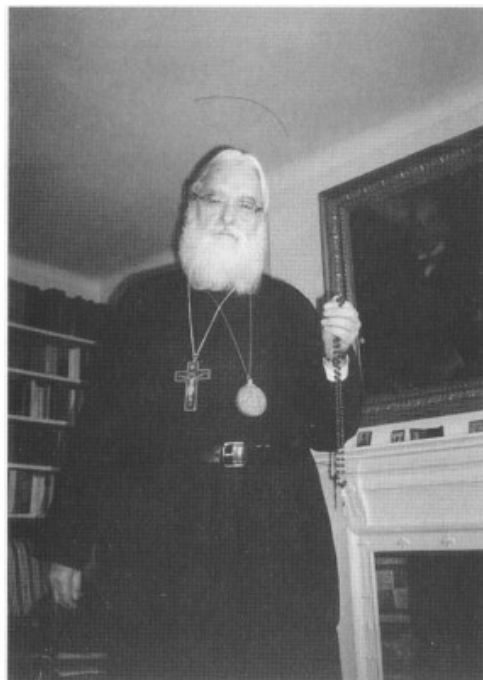

Здание на Марстон Стрит в Оксфорде, на первом этаже которого в 1946 г. архимандрит Николай открыл Дом св. Николая (St Nicholas House), где собрал коллекцию вещей, связанных с Царской семьей

Здесь же была освящена домовая церковь Святителя Николая Чудотворца, которую к 1949 г. посещало около 60 человек

Епископ Диоклийский
Каллист (Уэр), известный
богослов, профессор
Оксфордского университета

Четки и священнический крест архимандрита Николая (Гиббса),
хранящиеся у епископа Каллиста

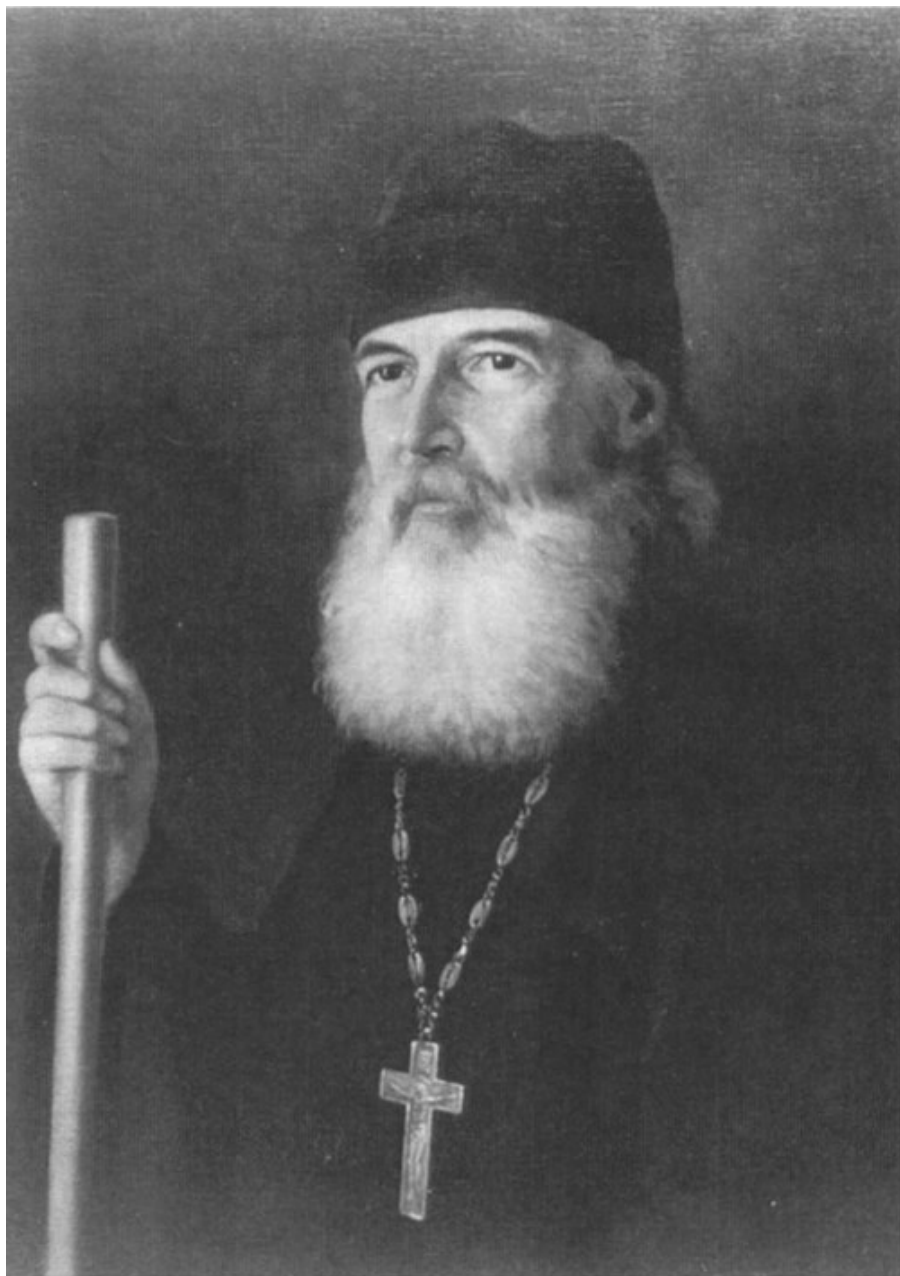
Кладбище Хэдингтон
в Оксфорде

Фото сверху:
Могила архимандрита
Николая (Гиббса)
(1876–1963)

Фото внизу:
Могила приемного сына
Чарльза Сиднея Гиббса –
Джорджа Гиббса (1906–1993)
и супруги Джорджа – Руфи
Гиббс (1915–1982)

Архимандрит Николай (Гиббс).

Портрет из личного архива Дмитрия Корнхардта

Не зная, в чьем теперь подчинении гостиница и какое министерство ведает такими проблемами, он обратился за

помощью к сэру Хенбери-Вильямсу. Британский атташе ответил телеграммой, что, как он выяснил в гостинице, его вещи переданы слуге, которого он посылал за ними. Информация была не слишком обнадеживающей, поскольку никакого слуги Гиббс не посылал. Солдат, прикрепленный обслуживать его в отеле и подчинявшийся своему командиру, сменился. Прося прощения за очередное беспокойство, Гиббс снова написал Хенбери-Вильямсу, вложив в письмо список вещей, которые он оставил в своем номере. Это был любопытный ассортимент: определенное количество книг, большой персидский ковер, пара русских сапог, предметы одежды, туалетные принадлежности, электрический провод, трость, зонт и несколько рекламных плакатов. Вещей этих он так и не получил.

О том, что его отец скончался весной 1917 года, он узнал лишь два месяца спустя, и новость эта взволновала Гиббса. Он писал домой трогательные письма, особенно тетушке Хэтти, которая ухаживала за Джоном Гиббсом после смерти его жены. Первой мыслью его было поблагодарить ее «за всю любовь и заботу, которую Вы проявили по отношению к нему в последние годы. Трудно представить, что бы он делал без Вас. Если бы не Вы, он не прожил бы столько и не был бы так счастлив... Мне бы хотелось приехать к Вам еще раз, пока все еще на месте, однако, помимо получения разрешения на выезд, которого мне пока не дают, вы наверняка узнаете, в каком положении я нахожусь здесь в результате произошедших политических событий. Так что, пожалуй, это исключено, поскольку никто не знает, сколько времени так будет продолжаться, а мой долг, как и мои интересы, требуют моего присутствия здесь. Состояния наши совершенно погублены, поэтому вероятно, что мне придется покинуть Россию и вернуться в Англию вместе с моим учеником».

Известие, что тетушка намерена продать вещи, находившиеся в их семейном доме в Нормантоне, заставило Сиду попросить оставить ему несколько предметов мебели и картин — «просто потому, что эти предметы всегда ассоциируются в моей памяти с домом». Он настоял на том, чтобы она оценила эти предметы и сообщила об этом ему, и еще раз повторил, что «мы, возможно, приедем, чтобы провести ссылку в Англии».

Не один Гиббс рассчитывал, что Романовы уедут в Англию. После отречения Николай направил к Временному правительству четыре прошения: 1) предоставить ему беспрепятственный проезд в Царское Село; 2) разрешить его Семье оставаться там до тех пор, пока дети не поправятся; 3) разрешить беспрепятственный проезд до Мурманска, рассчитывая уехать оттуда в Англию, и 4) разрешить после войны вернуться и отправиться в Крым, в

Ливадию, на постоянное место жительства. Генерал Алексеев направил первые три прошения Временному правительству. О четвертом он не упомянул.

Разрешение превратилось в арест, а пребывание в Александровском дворце — в заточение, однако третья просьба по-прежнему имела одобрение со стороны новой власти. Милоков направил официальную просьбу Английскому правительству через сэра Джорджа Бьюкенена, который от себя прибавил, что подобная акция поможет уладить ситуацию в России. Сначала правительство согласилось удовлетворить ее; в конце концов Россия была союзницей Англии, а король Георг приходился кузеном как Николаю, так и Александре. Но была одна оговорка: Россия должна была обеспечить финансовое содержание Царской семьи.

Однако в последующие месяцы в России начали одерживать верх радикальные элементы, и любой план финансировать Царскую семью за счет народных средств вызвал бы взрыв. Непрочное Временное правительство поняло, что не в состоянии выполнить свое обещание. Общественное мнение Англии было ничуть не дружелюбнее, поскольку либеральные и лейбористские фракции при активной поддержке премьер-министра Дэвида Ллойд Джорджа активно выступали против приезда в страну низложенного русского Монарха. Бьюкенена уведомили о решении Короля отказаться от приглашения, но рекомендовали не сообщать об этом, если к ним не обратятся с повторной просьбой. Разумеется, узники ничего не знали об этих переговорах, но когда им в конце концов сказали, что в Англию они не поедут, то их реакцией было чуть ли не облегчение, поскольку им никогда не хотелось покидать Россию.

В июле 1917 года в Петрограде начались серьезные беспорядки, и Керенский понял, что Царскую семью следует отсюда увозить. Он намекнул на возможный переезд в Ливадию, хотя наверняка и понимал, что этого никогда не произойдет. В конце концов он остановился на Тобольске — довольно крупном городе в Сибири, который превратился в захолустье после того, как Транссибирская железная дорога прошла в стороне от него. Политическая обстановка там была консервативной и пока свободной от влияния радикалов. Выбор был достаточно удачным, поскольку Временное правительство увезло Царскую семью подальше от мятежного центра и, по крайней мере, на какое-то время, помешало требованиям экстремистов отослать ее туда, куда Макар телят не гонял. Своим решением Керенский, несомненно, прибавил Романовым год жизни.

Узнав, что 31 июля 1917 года им придется уезжать, они

принялись упаковывать теплые вещи, предметы домашнего обихода, такие, как лампы, вазы, белье, ковры, картины, книги и документы. Александра Феодоровна также захватила с собой много своих драгоценностей — стоимостью приблизительно в миллион рублей. Утром в день отъезда Алексей и девочки стали прощаться с друзьями и слугами и раздавать небольшие подарки.

Николай Александрович попрощался со всеми и поручил Бенкендорфу распределить урожай с огорода между слугами, помогавшими в труде. Граф Бенкендорф не поехал с Семьей из-за преклонного возраста и болезни жены. В порыве великодушия Керенский устроил Великому Князю Михаилу Александровичу прощальную встречу с братом, но в связи с обстоятельствами и присутствием посторонних встреча братьев оказалась скомканной. Обменявшись несколькими фразами, братья попрощались, затем Михаил поцеловал Алексея и выбежал в слезах.

В тот вечер Семья и ее спутники собрались в ротонде дворца, где были приготовлены их сундуки и чемоданы. Надев теплые одежды и шапки, держа на коленях двух любимых собак, они ждали отъезда. Он происходил в полной тайне, но по какой-то причине то и дело откладывался. Отъезжающие прождали весь вечер и всю ночь. Едва они собирались прилечь, как им в очередной раз сообщали, что пора выходить. Рано утром госпожа Бенкендорф решила затеять чай для путешественников, но все дело испортил неприятный инцидент. Когда Государь сел и взял в руки стакан, присутствующие офицеры встали из-за стола, заявив, что не могут сидеть за одним столом с «Николаем Романовым». Позднее они признались графу Бенкендорфу, что не могли обнаружить перед солдатами своих настоящих чувств. Но эти оправдания, конечно, не извиняли позорной сцены.

Поезда — их было два — с надписью «Миссия Красного Креста» и японским флагом, назначенные на час ночи, прибыли лишь в шесть утра. Семья и ее спутники поднялись в один вагон, большая часть военной охраны — в другой, и, едва солнце стало всходить, началось их продолжительное путешествие на восток.

Глава 8. Сибирские узники

ПОСЛЕ ТОГО как 1 августа Романовское Семейство уехало, Гиббс получил долгожданное разрешение войти в Александровский дворец. Оно было датировано 2 августа. Он тотчас принялся разыскивать вещи, оставленные там. Англичанин испытывал мучительное чувство, проходя по тщательно охраняемым коридорам мимо знакомых комнат с запертыми и опечатанными дверьми — классной, игровой, палаты для больных, где он еще совсем недавно дежурил, столовой, где обедал прислуживающий персонал. Все те веселые, милые друзья и коллеги отправились навстречу неизвестному, грозному будущему, а он остался. Время от времени он останавливался, возможно, надеясь услышать эхо более счастливых дней. В своей комнате принялся собирать книги, туалетные принадлежности, предметы одежды, и в том числе тот самый домашний халат, о котором упоминала Государыня.

На следующий день он отыскал комиссара, пытаясь получить разрешение проследовать в Тобольск, и был удивлен, узнав, что волен ехать куда ему угодно. Сидней Гиббс всегда думал лишь о том, чтобы следовать за Царской семьей, если ему разрешат, хотя и ожидал, что окажется в заточении. Теперь он мог тотчас отправляться вдогонку за Семейей. Он поспешил в столицу и принялся там улаживать свои многочисленные проблемы. Решил вопрос с увольнением из Императорского Училища правоведения, подыскал преподавателей для своих частных учеников, затем занялся расторжением десятимесячного партнерства при руководстве школой Притчарда.

Невольно спрашиваешь себя: как повлияло его решение на их отношения с мисс Кейд? Оба были помолвлены, и, понятно, невесту огорчил его отъезд; однако расторжение их партнерства подразумевало более решительный разрыв; возможно, решение Гиббса настолько обидело ее, что молодая женщина сама пошла на это. Возможно, она полагала, что его обязательства перед ней были важнее, чем преданность бывшему Монарху и его Семье, которых он не видел пять месяцев и которые оказались в неизвестности. Кроме того, будучи англичанином, Гиббс не являлся подданным Царя или нынешнего русского правительства. Не зависел он от них и экономически.

Ответом на вопрос может оказаться найденный среди бумаг Гиббса любопытный документ. Это единственная открытка от Кати, его бывшей служанки из Петрограда, где до самого отъезда в Сибирь он снимал квартиру. «Дорогой хозяин, — писала она в

декабре 1917 года, посылая книгу, которую он просил, в Тобольск, и, очевидно, отвечая на заданный им вопрос, — мисс Кейд находится в добром здравии». Очевидно, сама молодая дама ему не писала и не проявляла никакой озабоченности его здоровьем. Их разлука, по-видимому, была больше похожа на разрыв, чем на потерю связи во время революции, как предполагали некоторые. Как бы то ни было, это не помешало Гиббсу купить билет до Тюмени. Однако произошла очередная забастовка железнодорожников, и отъезд задержался еще на месяц.

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ поезда с надписью «Миссия Красного Креста» двигались по Западно-Сибирской равнине. Вагоны, в которых ехали члены Царской Семьи и их сопровождающие, были хотя и не роскошными, но комфортабельными спальными вагонами, и, по словам Николая Александровича, кормили их вкусно. Августейших изгнанников сопровождали несколько верных особ свиты: генерал-адъютант Илья Татищев, гофмаршал князь Василий Долгоруков, Пьер Жильяр, доктор Евгений Боткин, преданный «дядька» Алексея матрос Нагорный, графиня Анастасия Гендрикова и мадемуазель Екатерина Шнейдер. С ними также ехали 30 лакеев и служителей, в том числе повара, парикмахер, официант, заведующий винным погребом, камеристки, гардеробщик, камердинеры, няня и тому подобные лица.

Во втором составе ехала вооруженная охрана численностью свыше трехсот человек. Охраной командовал полковник Евгений Кобылинский — тот самый обходительный комендант, который старался, как мог, облегчить положение узников в Александровском дворце. Перед тем как поезда тронулись, Керенский обратился к солдатам с напутственной речью о том, что они должны относиться к охраняемым лицам с почтением и уважением. Грубость или мстительность не к лицу воинам революции. Кобылинский был тем самым человеком, который мог осуществлять такие распоряжения.

Солдатам выдали новые винтовки и пулеметы. В соответствии с инструкциями Временного правительства,

в задачи конвоя входила не столько защита узников от нападения, сколько предотвращение попытки их освободить. Ежедневно нес наружное дежурство наряд часовых, внутри каждого вагона вместе с узниками находились по четыре часовых. На всех станциях, независимо от размера, приходилось занавешивать окна. Останавливаться для приема воды или ремонта разрешалось лишь на мелких станциях, причем на самых отдаленных путях и в присутствии охраны. Каждый вечер поезда

останавливались в открытой местности, так что желающие могли пройтись по полю и прогулять своих собак. На отдаленных станциях охранники, похоже, были снисходительны, судя по письму Анастасии, копию которого Гиббс сохранил.

«...Однажды вечером я смотрела из окна. Мы остановились возле маленького домика, но никакой станции мы не видели. К моему окну подошел маленький мальчик и спросил: „Дяденька, дай, пожалуйста, газету, если у тебя есть“. Я ему ответила: „Во-первых, я не дяденька, а тетенька, а во-вторых, газеты у меня нет“. Сначала я не поняла, почему он назвал меня „дяденькой“, но потом вспомнила, что у меня коротко острижены волосы [после болезни], и мы с солдатами, которые стояли у окна, расхотались».

Все шло хорошо до тех пор, пока поезда не добрались до Перми. Там грубого вида седобородый мужчина вломился в купе Кобылинского и, «назвав себя председателем союза железнодорожников, заявил, что „товарищи железнодорожники“ желают знать, кто едет в этом поезде, и пока им об этом не сообщат, поезд не пропустят». Когда генерал показал ему мандат, подписанный Керенским, то рабочий, по-видимому, остался удовлетворенным, и поездам было разрешено продолжать движение. 4 августа Император записал в дневнике: «Перевалив Урал, почувствовали значительную прохладу. Екатеринбург проехали рано утром», — не подозревая, что этому городу суждено стать сценой, на которой произойдет ужасный конец их долгой поездки.

Поезда едва тащились по унылой местности, однако в тот же день добрались до Тюмени. Поезд подошел почти к самой пристани, так что пришлось только спуститься на пароход, стоявший на реке Туре. Когда Николай вышел из вагона, он увидел местное военное начальство, выстроившееся на некотором расстоянии по стойке «смирно» позади шеренг охраны и отдававшее честь, когда он проходил мимо. Романовы и их спутники погрузились на «Русь», в то время как солдаты, прислуга и багаж поместились на «Кормильце» и «Тюмени». Возле впадения Туры в Тобол они проплывали мимо всем памятной деревни. Это было Покровское — родина Распутина, и вся компания сгрудилась у поручней, разглядывая двухэтажный дом старца. Некогда он предсказал Александре Феодоровне, что, прежде чем та умрет, она увидит его родное село. Это было еще одно пророчество, которое сбылось. Дурное предзнаменование?

После того как 6 августа «Русь» обогнула излучину Тобола, пассажиры увидели приземистый симметричный холм, над которым возвышались массивные, увенчанные зубцами каменные

строения и стены, некогда принадлежавшие стоявшей здесь крепости. Над Тобольским кремлем сияли золоченые купола собора, рядом возвышалась похожая на дворец резиденция архиепископа. Остальная часть города расположилась вокруг холма и вдоль реки. В период своего расцвета Тобольск был столицей губернии, крупным речным портом и центром торговли рыбой и пушниной, имевшим выход в Северный Ледовитый океан, хотя после того как железная дорога прошла в стороне от него, он превратился в захолустный городок. Многие из двадцати с лишним тысяч жителей обитали в скромных деревянных домах на берегу реки, в то время как другие проживали в более импозантных зданиях, карабкавшихся по склону холма. В нижней части города имелось по меньшей мере двадцать небольших побеленных известью церквей с зелеными крышами и позолоченными крестами; они возвышались среди лавок и домов, выстроившихся вдоль улиц с дощатыми тротуарами.

Когда пароходы стали подходить к пристани Западно-Сибирского пароходного и торгового товарищества, послышался колокольный звон всех церквей, и улицы наполнились народом. Комиссары Временного правительства удивились и встревожились: неужели это монархическая демонстрация? Отправили на берег разведчиков. Оказалось, что, по обычаю, православные празднуют Преображение Господне.

Узники должны были разместиться в бывшем губернаторском доме. Большое белое здание в два этажа с фасада и в три со стороны сада находилось в центре города и было окружено другими старинными, но все еще прочными общественными зданиями. Напротив стоял такой же большой дом, принадлежавший богатому купцу Корнилову. Он был реквизирован для особ свиты.

Когда Кобылинский, Татищев и Долгоруков пошли осмотреть особняк, предназначавшийся для проживания Царской семьи, выяснилось, что помещения далеко не готовы. Царь писал: «Узнали, что помещения пустые, без всякой мебели, грязны, и переезжать в них нельзя. Потому [мы остались] на пароходе и стали ожидать обратного привоза необходимого багажа для спанья. Поужинали, пошутили насчет удивительной неспособности людей устраивать даже помещение и легли спать рано».

Царская семья и некоторые служащие остались на борту «Руси» еще на неделю, проведя ее не без пользы для себя. Капитан возил их на пароходе, делая остановки там, где можно было прогуляться и даже устроить пикник. Это были их самые свободные, счастливые дни. Даже Александра Феодоровна

сходила на берег, чтобы немного пройтись или посидеть, наблюдая за остальными.

Тем временем большинство лиц свиты, комендант, правительственный комиссар и многие слуги отправились ремонтировать особняк. Комнаты были выскоблены и выкрашены, окна вымыты, приобретена мебель и даже пианино, повешены картины и шторы. И все равно, когда Семья въехала, они «осмотрели весь дом снизу до чердаков». Как отметил в дневнике Николай, «они пошли в... скверный огород». «Все имеет старый заброшенный вид».

Царская семья заняла весь второй этаж. По обеим сторонам залы внизу лестницы находились гостиная и кабинет. За ними выходили в коридор спальни. Государь и Императрица занимали главную, а все четыре дочери устроились в угловой. У каждой был собственный уголок, на который они наложили свой отпечаток: походная кровать, стул с прямой спинкой и туалетный столик. На столики поставили иконы, положили книги, расчески, щетки, флаконы с духами; на кровати положили любимые подушки, вязанные шерстяные платки и предметы одежды, для которых не хватало места в гардеробе. В изголовье каждой кровати висели фотографии друзей и родных, яхты «Штандарт», подшефных полков, пикников, любимых животных и т. п.

Слева от коридора была спальня Наследника, рядом с ней — небольшая комната Нагорного. Жильяр поселился на первом этаже рядом со столовой. Остальные спутники Царской семьи обосновались в Корниловском доме через дорогу. Задняя часть верхнего этажа была занята слугами и нераспакованным багажом.

Вначале обстановка была свободнее и приятнее, чем в Царском Селе. Солдаты в большинстве своем были кадровыми, не столь угрюмыми, хотя бойцы роты Лейб-гвардии 2-го Стрелкового полка по-прежнему были враждебно настроены. Особы свиты могли свободно приходить и уходить, нескольким слугам разрешили жить в городе вместе с семьями, сопровождавшими их, а доктор Боткин даже имел частную практику.

Сама же Царская семья такой свободой не пользовалась, хотя вначале внутри дома Кобылинский охрану не ставил. Однако когда ей вздумалось перейти через дорогу и посетить Корниловский дом, стрелки 2-го [б. Императорской фамилии!] полка возмутились и потребовали, чтобы узников охраняли более усердно. Сообщение с Корниловским домом стало ограниченным. Полковнику Кобылинскому пришлось приказать возвести высокий забор вокруг губернаторского дома, прилегающей к нему территории, служебных построек и прирезанной части соседней

улицы. Эта пыльное, лишенное деревьев пространство было единственным местом для прогулок Семьи. В частых просьбах Императора разрешить под охраной прогуляться в город или за его пределы неизменно отказывали на том основании, что нельзя гарантировать безопасность узников — отговорка, которую он находил «глупой». До самого конца ни он сам, ни Императрица не могли понять враждебности к ним того самого народа, который они считали «истинно русским».

Второй этаж губернаторского дома был украшен небольшими балконами, шедшими снаружи окон, и большим балконом на западном фасаде, который члены Семьи активно использовали. В хорошую погоду они там пили чай и в течение дня зачастую выходили на него подышать воздухом. Оттуда можно было наблюдать за тем, кто, куда и откуда идет, как протекает нормальная жизнь в центре города. Обыватели также имели возможность наблюдать за узниками.

Революционные настроения еще не успели проникнуть в здешние места. Местные жители, многие из которых были потомками ссыльных или политических заключенных, до сих пор почитали Царя как Помазанника Божия, к которому не смеют прикасаться светские власти’.

Однако, находясь среди них, Царь жил в условиях, не доступных их пониманию. Лица Императорской свиты ходили по городу в форме, верные слуги в ливреях, в то время как самого Царя и его близких прятали за высоким забором. У ворот были выставлены часовые, которые постоянно ходили по периметру ограды. Порой агрессивно настроенный солдат разгонял местных жителей, которые постоянно собирались у губернаторского дома, чтобы взглянуть на его Августейших обитателей. Иногда можно было видеть, как величественная Царица, сидя в кресле, занимается рукоделием. Прекрасных юных Царевен можно было видеть чаще. Они всегда отвечали поклонами на дружеские приветствия. Царь и Цесаревич не очень любили показываться на людях, но когда такое происходило, это становилось событием дня. Горожане крестились, кланялись, некоторые опускались на колени. Люди также приносили угощения. Монахини доставляли сласти, крестьяне — масло и яйца, купцы — фрукты и деликатесы. «Дары небес», — называла их Императрица.

К сентябрю в губернаторском доме установился приблизительно такой же порядок, какой существовал в Александровском дворце. Дни протекали согласно распорядку и с надеждой на будущее, к которому родители готовили своих детей: по утрам — занятия, в одиннадцать — перерыв на чай и прогулка, затем — снова занятия, ленч и снова прогулка. К вечеру

свободного времени становилось больше, но следовало готовить уроки на следующий день. Девочки играли на пианино, что вносило приятное разнообразие, поскольку все они, кроме Анастасии, обладали достаточно хорошим слухом.

После обеда все собирались внизу, в большой гостиной, чтобы наилучшим образом заполнить вечер. Зачастую Николай Александрович читал вслух, в то время как Государыня и дочери что-нибудь шили. Иногда они играли в карты или домино или слушали музыку в исполнении мадемуазель Шнейдер, а иногда и самой Александры Феодоровны, которая, забывая свою стеснительность в тесном кругу, великолепно играла и пела. В это же время писали письма.

В сентябре в жизни узников произошли перемены. Керенский прислал наблюдать за ними комиссара Василия Панкратова и его помощника Александра Никольского. Они прибыли второго числа. Панкратов, хотя и убежденный революционер, был человек порядочный, самоучка, придерживавшийся высоких принципов. Никольский был иной породы — говоря словами Кобылинского, это был «грубый, бывший семинарист, лишенный воспитания человек, упрямый как бык». Хотя начальником был Панкратов, хамство и напористость Никольского сильнее действовали на охранников, и после его появления Царская семья начала острее испытывать их враждебность и мстительность, которые были знакомы им по Царскому Селу.

ПОСЛЕ ПОЛНОГО приключений путешествия в начале октября Гиббс наконец приехал в Тобольск. Из-за задержки он едва успел сесть на последний пароход, отходивший из Тюмени, прежде чем речное сообщение прекратилось на целых семь месяцев. Прибыв сюда, он не был уверен, что ему разрешат присоединиться к Царской семье, поскольку Панкратов настаивал на том, что решать этот вопрос должен солдатский комитет. После двухдневных споров разрешение было все-таки выдано, и снова он оказался последним, кому повезло, поскольку баронесса Букс-гевден, которая из-за болезни не отправилась с основной партией, прибыла на санях в ноябре, но ей не позволили поселиться вместе со свитой, и она сняла квартиру в городе. Гиббсу отвели комнату в Корниловском доме.

Позднее его перевели через улицу и проводили наверх, в гостиную Императрицы, где она трапезовала с Алексеем. Гиббс был поражен, увидев, как за какие-то пять месяцев Царица постарела, поседела и похудела, между тем как Алексей, как ему показалось, выглядел здоровее обычного. Оба радостно поздоровались с наставником. Услышав голос Гиббса, Царь тотчас пришел к ним и, крепко пожав ему руку, по словам учителя,

«стиснул его в объятиях». Гиббс был англичанином, и ядовитые колючки, постоянно метавшиеся в адрес Николая Александровича британской прессой, больно ранили его. Отказ Британского правительства принять Царскую семью уязвил его еще сильнее. Между тем это была та самая страна, по отношению к которой он был так лоялен, во имя которой пожертвовал столь многим, невероятной ценой отвратив от нее удар немцев, когда Англия еще только начинала мобилизацию. Гиббс и сам был так же раздосадован, но ответить мог лишь личной преданностью.

Его приезд внес разнообразие в унылую жизнь Семьи, которая стала еще скучнее с приходом зимы, когда в восемь утра было еще темно и уже темно пополудни. Гиббс привез свежие, хотя не очень утешительные новости из того мира, который оставила Императорская семья, письма и памятки от друзей и родственников, книжные новинки и идеи, как оживить долгие вечера. Узники могли ставить спектакли, и Гиббс с его талантом драматурга мог исполнять обязанности продюсера, режиссера, а иногда и актера. Представления назначались на воскресные вечера, но подготовительная работа доставляла большое удовольствие для многих и в будни. Государыня и ее горничные изготавливали костюмы из материалов, которые находились под рукой, другие лица писали программы и переписывали роли для актеров, третьи помогали с реквизитом. Разумеется, были еще репетиции, устраивавшиеся обычно в промежутке между вечерним чаем и ужином.

Самой большой их удачей была постановка одноактной пьесы Чехова «Медведь». Звездой программы был Николай Александрович, исполнявший роль Смирнова, «нестарого помещика», приехавшего получать долг, который должна была уплатить за покойного мужа молоденькая, с ямочками на щеках вдовушка госпожа Попова. Одетая в глубокий траур, она не желает видеть никого — хотя мы узнаем из ее монолога, что в действительности она надеется причинить ему боль на том свете своей печальной верностью. Смирнову так нужны деньги, что он отказывается уходить. Наконец Попова появляется и приказывает ему уйти, объясняя, что может уплатить лишь послезавтра, когда вернется приказчик. Но Смирнову деньги нужны сегодня, и, изрекая яростные тирады и угрозы, он обещает остаться здесь на месяц, а если надо, то и на год. В конце концов он вызывает Попову на дуэль. Она принимает вызов, однако, показывая помещице, как следует обращаться с пистолетом, Смирнов обнаруживает, что влюблен в нее.

Роль вдовы исполняла Ольга, роль служанки, которая никак не могла заставить «медведя», Смирнова, убраться, — Мария. В

финальной сцене Николай, встав на колени перед Ольгой, делает необычное признание: «Люблю Вас, как никогда не любил: двенадцать женщин бросил я, девять бросили меня, но ни одну из них я не любил так, как Вас». Пьеса заканчивается поцелуем. Не успели исполнители раскланяться, как зрители, наполнившие гостиную, вскочили на ноги и принялись бешено аплодировать и громко хохотать.

Самым известным был небольшой забавный скетч Гарри Граттана Packing Up («Упаковка вещей»), который Гиббс считал немного грубоватым, но очень смешным. Анастасия исполняла роль мужа, Мария — жены, а Алексей — небольшого роль носильщика. То и дело попадая в забавные ситуации, муж и жена собирают вещи для путешествия. Затем носильщик уносит их багаж. Гиббс так описывает финальную сцену:

«...Муж должен повернуться спиной, расстегнуть домашний халат, как бы намереваясь снять его — на Анастасии был надет мой старый халат [и снова речь о домашнем халате] — и затем воскликнуть: „Но я уже упаковал брюки, я не могу никуда ехать!“ Успех минувшего спектакля возбудил юную Великую Княжну. Скетч шел полным ходом, актеры так сустились, что порывом ветра подняло полы халата, и зрителям предстали крепкие ножки и попка, обтянутые егерскими исподниками Императора. Все так и ахнули; Государь и Государыня, свитские и прислуга разразились безудержным хохотом. Бедняжка Анастасия окончательно смутилась. Все зрители потребовали сыграть на бис, но на этот раз она оказалась более внимательной. Конечно же, я навсегда запомню тот вечер: тогда я в последний раз услышал искренний смех Императрицы».

Такого рода забавных скетчей было сыграно немало до самого начала Великого поста. Сам Гиббс, прицепив себе длинную белую бороду, играл главную роль в пьеске The Crystal-Gazer («Гадальщик на магическом кристалле») — легкой комедии, где он позволяет себе потешаться над предсказателем, который запутывает своих клиентов. Он с серьезным видом предлагает совет, как утешиться из-за потери любимого существа, хотя в действительности существом этим была собака. Ничуть не смутившись от этого известия, шарлатан заявляет: «Я принял Вас за другого. Если вы и впредь станете приходить в неурочное время, то я не буду виноват, если вам предстанет видение, предназначенное для другого лица».

Разумеется, Гиббс не только развлекал Августейших хозяев. Он занял свое место в образовательной программе, обучая языку трех младших Великих Княжон и Алексея. Две тетради, в которых Мария и Анастасия писали диктанты Гиббса и свои переводы,

англичанин хранил долгие годы. Анастасия была непохожа ни на кого из Царских детей. Во время одного из уроков, когда она превзошла самое себя и болтала, не переставая, учитель не выдержал и воскликнул: «Shut up! (Молчать!)» «А как это пишется?» — спросила озорница и приписала это слово к своей фамилии на обложке тетради. Теперь у нее появилось новое прозвище. Николай Александрович больше чем любой другой испытывал неудобства от тесноты их «резервации» и так же, как в Царском Селе, для того, чтобы получить физическую нагрузку, занялся распиловкой дров. Панкратов распорядился, чтобы ему привезли кругляки и выдали поперечную пилу. «Приходилось поражаться его физической выносливости и даже силе. Обыкновенными его сотрудниками в этой работе были Княжны, Алексей, граф Татищев, князь Долгоруков, но все они быстро уставали и сменялись один за другим, тогда как Николай II продолжал действовать». Он также соорудил площадку на оранжерее и лестницу, которая вела наверх, чтобы он сам и члены его Семьи могли насладиться скудным зимним солнцем.

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО, располагавшееся в Петрограде, находилось в это время при последнем издыхании. Как мы уже убедились, к концу апреля оно должно было признать свое бессилие. Как в Москве, так и в Петрограде гражданский и общественный порядок был совершенно разрушен. Что касается армейских частей, то они лишь немногим отличались от банд разбойников. Только у офицеров и части старослужащих сохранялось какое-то чувство долга, но они были не в силах справиться с массой рядовых. Рабочие и солдаты яростно требовали контроля над правительством. Пролетарии на заводах утверждали свою власть тем, что ломали машины, нападали на мастеров и владельцев предприятий, а затем выбрасывали их из здания.

Пытаясь справиться с усиливающимся хаосом, некоторые консервативные организации стали искать лицо, способное взять контроль в свои руки и в какой-то мере восстановить дисциплину и порядок. Генерал Лавр Корнилов, назначенный Керенским на пост Верховного Главнокомандующего армией, предлагал собрать достаточное количество войск и двинуть на столицу с целью ввести военную диктатуру. Он детально изложил свой план Керенскому, указав при этом на важную роль, которую он будет играть в реформированном правительстве. Уверенный в том, что получил одобрение Керенского, Корнилов приступил к действиям и 26 августа был готов выступить.

Но в решающий момент социалистические убеждения Керенского взяли верх, и он не решился передать власть в руки

генерала. Он публично назвал Корнилова предателем, пытавшимся встать на пути революции, и в панике обратился за помощью к большевикам, даже снабдив их оружием. Встреченное толпами вооруженных рабочих и буйствующих солдат Петроградского гарнизона, а также сопротивлением железнодорожных рабочих, мешавших продвижению корниловских войск, корниловское движение потерпело неудачу. К 5 сентября все закончилось.

Керенский тотчас ощутил последствия своего поступка. Когда власти приказали большевикам вернуть оружие, те только расхохотались им в лицо. После того как в октябре наконец состоялось заседание Учредительного собрания, ленинская партия, хотя и представлявшая меньшинство, захватила власть с помощью тех самых ружей и гранат, которые им выдал Керенский. Лозунг «Вся власть Советам» стал оправданием начавшейся жестокой классовой борьбы, Красного террора, явившегося официальной государственной политикой нового правительства. Эта политика превратила ненависть и мстительность в добродетели и потребовала низвержения всякого учреждения, всякого движения, всякого символа, всякого облеченного властью лица, связанного с прежним режимом, с тем, чтобы можно было начать совершенно новую жизнь. В последний раз злополучного Керенского видели, когда он на полной скорости уезжал из Петрограда на взятом напрокат автомобиле. Некоторое время он скитался на юге страны, прежде чем тайно скрыться из России, чтобы никогда больше туда не вернуться.

Когда в ноябре в Тобольск пришла весть об Октябрьской революции, Николай II был потрясен и впервые пожалел о своем отречении. Генералы и депутаты Думы, которые заверили его, что лишь они могут навести в стране порядок и выиграть войну, ничего не смогли предпринять. Интеллигенция, которая так резко критиковала Царя и бюрократию, нашла задачу управления страной гораздо более трудной, чем она полагала, когда рвалась к власти в феврале 1917 года. По словам Ричарда Пайпса, новые вожди «позволили государству и обществу развалиться за какие-то два, самое большее, четыре месяца — то самое государство, которое бюрократы [и самодержец] умели каким-то образом сохранять в целостности в течение столетий».

Успех большевиков в Петрограде не сулил ничего хорошего Царской семье и ее спутникам, и чувство надвигающейся опасности сплотило их. Они стали шепотом говорить о возможности быть спасенными и то и дело поглядывали на улицы в надежде увидеть кого-то из новоприбывших, на которых могли возложить такую задачу. И действительно, в Тобольске, Москве и

Петрограде разрабатывалось несколько заговоров, а в губернаторский дом тайком переправлялись записки от сторонников Царской семьи, в которых сообщалось, что помощь на подходе.

Из покрывших себя дурной славой наиболее известным был Борис Соловьев, обеспечивший доверие Вырубовой тем, что женился на дочери Распутина Марии [Матрене] в сентябре 1917 года. Убежденная в его намерении спасти Царскую семью, Анна использовала его в качестве курьера для доставки писем, денег и небольших посылок узникам Тобольска. Александра Феодоровна полностью доверяла этому человеку, как явствует из ее письма, написанного в январе 1918 года, когда казалось, что он намерен действовать:

«По вашему костюму торговца вижу, что сношения с Нами не безопасны... Сообщите мне, что вы думаете о Нашем положении. Наше общее желание — это достигнуть возможности спокойно жить, как обыкновенная семья, вне политики, борьбы и интриг. Пишите откровенно так как Я с верой в вашу искренность приму ваше письмо. Я особенно рада что это именно вы приехали к Нам».

Соловьев хвастал, будто бы в Тюмени у него имеется отряд из трехсот офицеров, которые готовы выступить на Тобольск, переодетые, как простые солдаты, и спасти Семью. Несмотря на надежды, которые он вселил в узников, из его планов ничего не получилось, и деньги, доверенные ему, исчезли. Многие монархисты и даже белый следователь по особо важным делам после убийства Царя и его Семьи решили, что Соловьев был большевистским агентом-provokatorом; другие полагали, что он был двойным агентом, и существуют свидетельства в поддержку обоих обвинений.

В конечном счете все планы спасения Семьи кончились провалом. Ни один из них не превратился в нечто более реальное, чем смутная мечта. Подлинные причины этого установить трудно, поскольку объяснения участников, как правило, сводятся к самооправданию и ненадежны. Постоянно повторялась оговорка «если бы» — неизменная попытка свалить вину на кого-то другого.

Слухи о попытках спасти Царскую семью были столь же опасны для Тобольских узников, как и фактические заговоры, поскольку большевики, стремившиеся упрочить свою власть, сознавали, каким притягательным символом для объединения оппозиции стал бы Царь. Они тоже стали разрабатывать планы в отношении Семьи; однако их внимание было временно отвлечено, когда немцы и австрийцы возобновили военные действия и

встретились в отдельные западные районы России.

ПОСЛЕ ТОГО как по-настоящему похолодало, Императрица оставила шитье и принялась вязать шерстяные носки для Алексея, штопать брюки мужа и чинить ночные халаты дочерей. Она также готовила Рождественские подарки для всех, в том числе для слуг и солдат.

Возможно, в память о минувших Рождественских праздниках Александра Феодоровна обратилась к Сиднею Гиббсу с особой просьбой. Она поручила ему написать письмо как бы от себя, но на адрес мисс Маргарет Джексон, своей бывшей гувернантки, к которой она испытывала искреннюю любовь и уважение. Императрица переписывалась с «милой Мэджи» в течение многих лет, поверяя ей как радость, так и горе. Они поддерживали связь друг с другом с того самого времени, как мисс Джексон ушла в отставку и поселилась в пансионе для гувернанток в лондонском Риджентс Парке. Видя, что надежды на спасение со стороны земляков гаснут, Александра Феодоровна предприняла последнюю попытку заручиться поддержкой со стороны Английского Двора, где у нее всегда были прочные связи.

В задачу Гиббса входило отослать достаточно подробную информацию о ситуации в Тобольске, но таким образом, чтобы не выдать подлинную личность отправителя. В его бумагах сохранился не раз исправленный черновик с целью найти нужный тон — тон англичанина, пишущего другу домой.

«В газетах вы прочтете о многих изменениях, которые у нас произошли. В августе Временное правительство решило перевезти нас из Царского в Тобольск...»

Далее он описывает город, точное его местонахождение, расположение комнат в губернаторском доме, кто где спит, как протекает жизнь. Затем продолжает:

«С тех пор, как Вы писали, прошло очень много времени; возможно, Ваши письма до нас не дошли! Попробуйте написать снова, может быть, следующие дойдут до адресата. Пишите обо всех, как они живут и что поделывают. Мы узнали, что Дэвид вернулся из Франции. Как чувствуют себя его мама и отец? Что кузены? Они тоже на фронте?»

Дэвид! Это же принц Уэльский! Императрица была уверена, что его имя послужит Мэджи сигналом бедствия, к которому она привлечет внимание королевы.

И снова ничего не произошло. Позднее Гиббс сумел выяснить, что письмо, посланное из Тобольска дипломатической почтой 15 декабря, достигло Петрограда. Но на этом его след обрывается. В Британском же королевском архиве письма этого нет, хотя имеются другие упоминания о Гиббсе.

НЕСМОТРЯ НА ОТВАЖНЫЕ ПОПЫТКИ сделать Рождественские праздники веселыми, Императрица призналась в письме к подруге: «Какими грустными стали эти праздники!» Оказавшись в заточении, она из предусмотрительности стала вести дневник, пользуясь сокращениями и отмечая события, никак их не комментируя. К сочельнику она припасла изготовленные ею подарки. В полдень в доме состоялся молебен, после чего Государыня спустилась вниз к общему ленчу, чего она обычно не делала.

Она нарядила Рождественские елки для своей семьи, для свиты и для слуг, а после чая вместе с праздничными лакомствами отнесла елку солдатам. Каждому из стоявших на часах она подарила по Евангелию — они остались у нее из запасов, имевшихся для распространения в госпиталях — вместе с закладкой, нарисованной ею собственноручно. Коле Деревенко, сыну доктора, разрешили прийти к обеду в качестве гостя Алексея. Вечером свите были розданы подарки. Для Гиббса Императрица лично списала молитву, которая нам кажется настолько соответствующей его тогдашнему настроению, что, вполне возможно, она сама сочинила ее специально для учителя английского языка:

«I pray
That Christ the Xmas King may stoop to bless,
And guide you day by day to holiness,
Your Friend in joy, your Comfort in distress;
I pray
That every cloud may lead you to the light,
And He may raise you up from height to height,
Himself the Day-Star of your darkest night;
I pray
That Christ, before whose Crib you bend the knee,
May fill your longing soul abundantly,
With grace to follow Him more perfectly.

1917

Tobolsk

Alexandra».

[«Молю,
Чтоб Христос вас благословил
И направлял изо дня в день к святости.

Ваш Друг в радости и Утешение в беде;
Молю,
Чтобы каждое облако вело вас к свету,
Чтобы Господь вел вас от одной вершины к другой,
Сам являясь Дневной Звездой,
Освещающей самую темную ночь.
Молю,
Чтобы Богомладенец,
Пред Чьими яслями вы преклоняете колени,
Наполнил радостью вашу душу,
Чтобы вы вернее следовали за Ним.

1917 г.

Тобольск

Александра»]

В Рождество Императрица встала в самом начале седьмого, и вся Царская семья пошла парком в церковь, чтобы присутствовать на литургии. Государыня снова трапезовала внизу и после этого «видела Изу из окна. 10 м. сидела на балконе». Эти слова следовало понять следующим образом: София Буксгевден стояла на улице, и подруги обменялись кивками, поскольку Иза, как ее звали в Царской семье, была приглашена на Рождество, однако прийти ей не разрешили. Она явилась, чтобы поздравить Семью и, возможно, передать тайком записку.

В Рождественские праздники диакон провозгласил за молебном многолетие Царю, Царице и их детям. Это вызвало чуть ли не бурю среди присутствовавших солдат. Солдаты хотели тотчас вытащить диакона и священника из церкви и заключить их в тюрьму. Их проступок решили рассмотреть, чтобы начать против них процесс, однако епископ Гермоген, бывший поклонник Распутина, впоследствии отошедший от него, распорядился перевести диакона в другой приход, а отца Васильева — в Абалакский монастырь. Подобная мера еще больше разозлила солдат. После этого случая Царской семье запретили посещать церковь.

Солдаты все сильнее заражались большевистской пропагандой и, руководимые комитетом, избранным радикальным 2-м Стрелковым полком, начали кампанию притеснения Семьи. Еще в сентябре они запротестовали, когда Керенский прислал Императору ящик вина. Никольский приказал

разбить бутылки и выбросить их в реку.

Сразу после случая, происшедшего во время Рождественского молебна, стрелки направили в Петроград телеграмму с требованием убрать Панкратова. Требование это не было немедленно выполнено, но Кобылинский получил распоряжение сократить расходы Царской семьи и перевести ее на солдатский паек. Николай Александрович шутя объявил о создании комиссии для того, чтобы разработать новый бюджет, который позволит им жить на 600 рублей в месяц на человека. Пришлось исключить из рациона сахар, кофе, сливки и масло. Однако неделю спустя они стали получать «мясо, кофе, сласти к чаю и варенье от разных добрых людей, которые узнали о сокращении наших расходов на провизию. Как трогательно!»

Затем солдатский комитет объявил, что, начиная с нового года, офицерам [и солдатам] запрещено носить погоны. Кобылинский, которому пришлось снять свои, стал уговаривать возмущенного Императора повиноваться распоряжению. Но разве ему было не оскорбительно снять полковничьи погоны, которые он получил от отца; ведь Государь никогда, даже будучи Верховным Главнокомандующим, не присваивал себе более высокого чина! Кончилось тем, что они с сыном стали носить знаки различия дома, пряча их под верхнюю одежду, когда выходили на улицу.

В январе узники и стрелки соорудили ледяную гору — любимое развлечение русских — как молодых, так и старых. Татьяна Николаевна писала их старому наставнику Петрову:

«[У нас] часто бывают очень смешные падения. Так раз Жилик [П. Жильяр] оказался сидящим на моей голове. Я его умоляла встать, а он не мог, потому что подвернул себе ногу и она болела. Кое-как я вылезла... Другой раз я спускалась с горы задом и страшно треснулась затылком об лед. Думала, что от горы ничего не останется, а оказывается, ни она, ни голова не лопнули...»

В начале февраля веселье это прекратилось внезапным и бессмысленным образом. Члены Царской семьи поднялись на гору, чтобы попрощаться с отъезжающими солдатами 4-го полка, которые были добры к ним, но им приказали слезть с горы, которую тотчас же уничтожили под тем предлогом, что в них кто-нибудь может выстрелить, хотя они ежедневно сидели на балконе. По словам Жильяра, у солдат, сменивших старых стрелков, был «вид хулиганов», и сущность соответствовала их внешности. Они оказались хамами и мерзавцами. На качелях Великих Княжон они вырезали площадные слова, рисовали непристойности на стенах туалета Великих Княжон.

3 (16) марта Николаю II был нанесен самый жестокий удар — большевики уступили немцам и подписали Брест-Литовский договор, отдав им территорию в четыре тысячи квадратных миль, стоившую столько крови и жертв, уничтожив при этом у солдат все остатки патриотизма. Покончив с войной, Ленин и его сообщники смогли вновь заняться Царем. Их первоначальный план состоял в том, чтобы предать его суду, привезя в Москву, только что ставшую столицей. Однако возникли разного рода препятствия. Появилась военная оппозиция справа. Возмущенные унижительной сдачей, лоялисты стали создавать свою, Белую армию, которая намеревалась разбить красных и спасти Царя. Радикальные советы в Омске и Екатеринбурге, опасаясь, что Царя увезут из России, состязались между собой за право арестовать «Николая Кровавого» и воздать ему по заслугам.

В Тобольск был направлен специальный комиссар, Василий Яковлев, чтобы вывезти оттуда Царственных узников и, минуя препятствия, доставить их в целости и сохранности в Москву. В губернаторский дом он прибыл 22 апреля 1918 года, имея полномочия от Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета отдавать приказания всем местным властям и расстреливать ослушников на месте. В ожидании прибытия Яковлева были ужесточены условия содержания Царской семьи. Слуги были более не вправе выходить в город, а обитатели Корниловского дома должны были перебраться в губернаторский. Но поскольку там был занят каждый клочок площади, то обоим докторам, которые были полезны населению города, и Гиббсу, который прибыл последним, разрешили остаться в доме напротив. Остальные комнаты этого дома заняли комиссар и его спутники.

Первым делом Яковлев встретился с Царем и его семьей и осмотрел губернаторский дом. Когда он вошел, Императрица не была готова, однако Николай II и его дочери собрались в гостиной, чтобы встретить комиссара. Тот был учтив, обратился к Императору «Ваше Величество», поинтересовался, хорошо ли устроилась Семья. Алексей в это время был очень болен — он получил такую же тяжелую травму, как в Спале, правая нога была парализована. Он ушибся, катаясь на санках с лестницы после того, как была разрушена ледяная гора. Алексей лежал в постели, и Гиббс читал ему, когда Николай II вошел к ним вместе с Яковлевым, сказав ему: «Мой сын и его воспитатель». Яковлев был потрясен увиденным зрелищем. Ему показалось, что мальчик, с желтым, осунувшимся лицом, умирал.

Это меняло дело. Яковлеву не терпелось увезти своих подопечных как можно скорее, потому что со дня на день должно

было начаться весеннее половодье. Судя по той снежной каше и грязи, которые он встретил, да еще после ледохода, Царская семья может подвергнуться нападению откуда угодно. Он телеграфировал в Москву Якову Свердлову, председателю ВЦИК рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, и сообщил ему о создавшемся положении. Свердлов поручил ему увезти основной «багаж» — Николая II — и вернуться за остальными, когда станет транспортабельным Алексей. Однако по причинам, которые невозможно понять ни по одному из имеющихся документов, первоначальный план был изменен, и пунктом назначения стал Екатеринбург на Урале.

Сразу после завтрака Яковлев сообщил Николаю Александровичу, что его увезут в четыре часа следующего утра. Хотя он не сообщил, куда они едут, все решили, что конечным пунктом будет Москва. Императрица приняла мучительное для себя решение: она не могла допустить, чтобы муж ехал один и оказался на суде без нее, но сыну было очень плохо! Целый день Семья ломала голову, как поступить, и в конечном счете было решено, что Государя будут сопровождать Императрица, Мария, доктор Боткин, граф Долгоруков и четверо слуг. Ольга будет присматривать за Алексеем, Татьяна — вести хозяйство, а Анастасия — «поддерживать настроение», пока Семья не соединится вновь.

В этот день Гиббс снова читал Алексею. Государыня обещала заглянуть к Алексею после завтрака, но поскольку она не появилась, Гиббс вышел в коридор, чтобы выяснить, где она может находиться. Он увидел расстроенную Семью и вскоре узнал о том, как обернулось дело. Императрица зашла ненадолго к сыну и вскоре вышла от него — спокойная, но с покрасневшими глазами. Мальчик тоже плакал.

В тот вечер Император и Государыня обедали одни, а позднее стали вместе со всеми пить чай в верхней гостиной. «Это было самое мрачное и унылое чаепитие, — вспоминал Гиббс. — Разговаривали мало, и никто не притворялся, что ему весело. Это была поистине трагическая прелюдия к неизбежной катастрофе. После чая свита спустилась вниз и стала просто сидеть и ждать». Служанка Императрицы Анна (Нюта) Демидова призналась ему: «Я так боюсь большевиков, мистер Гиббс. Я не знаю, что они могут с нами сделать». В холодном предрассветном мраке вместе с остальными домочадцами Гиббс вышел на застекленное крыльцо, чтобы попрощаться с отъезжавшими. Николай Александрович «каждому пожал руку и сказал несколько слов, и мы все поцеловали руку Императрице».

НИКОЛАЙ II подробно описал свой отъезд в дневнике,

датируя его пятницей 13 апреля, хотя по новому стилю это было 26-е. В середине февраля большевики передвинули календарь на 13 дней, чтобы он соответствовал григорианскому стилю, принятому в Западном мире. Некоторое время Николай II использует оба, но через месяц возвращается к старому календарю, и пятница тринадцатое оказывается поистине зловещей датой. Еще более показательно то, что все христианские страны переживали в те дни Страсти Христовы в ожидании Великого праздника Пасхи.

«В 4 часа утра простились с дорогими детьми и сели в тарантасы: я — с Яковлевым, Алике — с Марией, Валя — с Боткиным. Из людей с нами поехали: Нюта Демидова, Чемодуров и Седнев». Тарантасы, о которых говорил Государь, представляли собой грубые крестьянские телеги без рессор и сидений, напоминавшие большие корзины, прикрепленные к двум шестам. Стали спешно искать солому и тюфяк, чтобы подложить их под Императрицу. Доктор Боткин отдал ей свою шубу, а ему принесли тулуп. Жалкая процессия в темноте отправилась в путь в окружении конной охраны. Царь писал: «Дорога очень тяжелая и страшно тряская от подмерзшей колеи».

Однако им предстояли худшие испытания. В первый день путники переправлялись через Иртыш по льду, покрытому талым снегом. Колеса по самые оси погружались в воду. Проехав сто тридцать верст, четыре раза меняли лошадей. Переночевали в селе Иевлеве, где их вкусно покормили и предоставили чистые постели. На следующий день через реку Тобол пришлось идти пешком по настилу из досок, брошенных на лед, покрытый трещинами. В селе Покровском была перепряжка. «Долго стояли как раз против дома Григория и видели всю его семью, глядевшую в окна».

Все это время Яковлев и конный эскорт были начеку, ожидая засады. Спор между Омским и Екатеринбургским

Советами и охраной в Тобольске достиг такого напряжения, что вокруг губернаторского дома пришлось поставить пулеметы. Яковлев получил информацию, что екатеринбуржцы намерены перехватить Царя на пути в Тюмень и пленить или убить его, поэтому через определенные промежутки по всему пути следования он выставил своих солдат.

Прибывших в Тюмень узников спешно посадили в поезд. Яковлев снова послал телеграмму Свердлову, сообщив ему о том, что доставил «багаж», но не хотел ехать старым маршрутом из-за опасности, которую представляли екатеринбургские красногвардейцы, устроившие еще одну засаду на этом пути. Далее он выражал свое мнение, что, попав в руки

екатеринбургского отряда, «багаж будет уничтожен». В это время большевикам, по-видимому, было очень важно сохранить Царя в живых, и Свердлов поручил своему комиссару немедленно доставить поезд в Омск и ждать дальнейших указаний. Однако злобные подозрительные глаза наблюдали за каждым его шагом. Со станции поезд направился в сторону Екатеринбурга, но на следующей же остановке изменил направление и повернул к Омску.

Тут телеграфный аппарат начал выстукивать депеши, выдержки из которых приводятся ниже:

Уральский Областной Совет Свердлову — из Екатеринбурга, 28 апреля 1918 года: «Яковлев направился в Екатеринбург, затем изменил направление и направился на восток по направлению к Омску. Это предательский поступок».

Свердлов Екатеринбургскому Облсовету — из Москвы, 28 апреля 1918 года: «Яковлеву полное доверие. Он действует согласно полученному от меня... указанию. Телеграфируйте в Омск об оказании всяческой помощи».

Белобородов, председатель Уральского Областкама, Свердлову — из Омска, 29 апреля 1918 года: «Яковлев предательски отказывается выполнить приказания доставить бывшего Царя в Екатеринбург. Он направляется в Омск».

Свердлов Екатеринбургскому Облсовету — из Москвы, 29 апреля 1918 года: «Доверяйте Яковлеву. Все в полном соответствии с указаниями».

Свердлов Яковлеву в Омск — 29 апреля 1918 года: «Достигнуто соглашение с Екатеринбургским Советом. Они будут контролировать людьми. Возвращаясь в Тюмень, передай багаж уральцам и поезжай сам вместе. Сообщи Белобородову и Свердлову о вашем отъезде из Омска».

Яковлев Свердлову — из Омска, 29 апреля 1918 года: «Он (Яковлев) подчиняется всем указаниям, но предупреждает, что после того, как багаж окажется в Екатеринбурге, вы не сможете его оттуда вытащить... багаж будет всегда в полной опасности. Итак, мы предупреждаем вас последний раз и снимаем с себя всякую моральную ответственность за будущие последствия».

Со щемящим сердцем последовал Яковлев указаниям Свердлова, и его страхи подтвердились, когда поезд подошел к платформе вокзала Екатеринбурга. Там выстроилась огромная свирепая толпа, выкрикивавшая угрозы: «Покажите нам кровососа!» «Дайте нам добраться до него!» Даже вокзальный комиссар захотел плюнуть Царю в лицо. Ситуация стала выходить из-под контроля: толпа принялась рваться вперед, грозя смести прочь охранников. Увидев товарный поезд, стоявший между его

поездом и платформой, Яковлев приказал машинисту вклиниться между ними. Под защитой товарняка он отвел свой состав на станцию «Екатеринбург-2», где никого не было. Оттуда он доложил о прибытии председателю Совета и под расписку передал им пассажиров.

Яковлев проследил за тем, как Царь и его спутники были доставлены в большой частный дом, окруженный четырехметровым частоколом. Охрана его была усилена, а режим стал похожим на тюремный. Всего лишь несколько дней назад дом этот принадлежал состоятельному коммерсанту по фамилии Ипатьев. Дом стал называться «Домом особого назначения». Зловещее совпадение: отряд охраны назвался «Отрядом особого назначения». Яковлев отправился назад в Тобольск за остальными членами Семьи, отлично понимая, что это означает смертный приговор для всех них.

Глава 9. Торжество тьмы

КОГДА ЯКОВЛЕВ ПРИБЫЛ В ТЮМЕНЬ, его продолжали терзать те же угрызения совести, которые он испытывал во время всей этой поездки. Моральная ответственность за жизни людей, которых он сопровождал и о которой говорил Свердлову, была искренней, и он отказался завершить миссию, доставив из Тобольска в Екатеринбург остальных членов Семьи в качестве жертв необузданной жестокости местного Совета. Однако в телеграмме, в которой он сообщал Свердлову о своем решении, он указал другую причину, а именно: обвинения в контрреволюционности, выдвинутые против него членами Уральского областного Совета. Они не доверяли ему, а он не доверял им. Сняв со своей совести этот груз, он направился в Москву за новым назначением и был направлен командовать военной частью в Сибирь, где столкновения между белыми и красными приобретали масштабы настоящей войны.

СРЕДИ ОСТАВШИХСЯ В ТОБОЛЬСКЕ членов семьи Романовых и их верных слуг царило уныние. Они лишились сердца и души Семьи. Куда везут родителей, что с ними будет? И что будет с теми, кто здесь остался? Когда и где они встретятся вновь, если только это произойдет? Занятия почти прекратились, поскольку сестры и наставники сосредоточили свое внимание на Алексее, чья болезнь усугубилась с отъездом матери и отца. Девочки по очереди сидели с ним за завтраком, желая убедиться, что он ест, вместе с ним пили чай, катали его по двору на коляске или же на санках, если вдруг выпадал весенний снежок.

Воспитатели поочередно читали больному и старались развлечь его. В это время Гиббс читал мальчику приключенческую книгу Джеймса Фенимора Купера «Следопыт» и пытался рисовать к ним иллюстрации на кусках картона от двух старых коробок, в одной из которых были конфеты, а в другой игральные карты. Он также добыл проволоки, чтобы изготовить из нее якорь-цепь для модели парусника, который они строили. Долгими вечерами узники читали, писали письма или просто беседовали и размышляли по поводу поразительных событий, происходивших вокруг.

Спустя какое-то время, показавшееся им вечностью, они получили из Тюмени телеграмму. Шла она несколько дней, но они поняли только одно: с путешественниками пока все в порядке. Прошло еще несколько долгих дней, прежде чем пришло письмо от Марии с указаниями Императрицы начать собираться и позаботиться о «лекарствах», как договорились. Работа с

«лекарствами» стала их основной, в особенности по вечерам, когда было меньше вероятности, что за ними будут следить охранники. Они зашивали драгоценности — единственное, что осталось у Семьи, — в одежду, в швы платьев, в шляпные ленты, в подкладку пальто, зачастую закрывая их тканью, чтобы получались пуговицы. Особенно удобными местами для сокрытия драгоценностей, благодаря их жесткости, были корсеты. К оборотной стороне этих предметов одежды девушки пришивали бриллианты, жемчуга и другие драгоценные камни, а затем покрывали их подкладкой.

Положение в губернаторском доме значительно ухудшилось. Большевики прогнали полковника Кобылинского и его стрелков из Царскосельского гарнизона, которых сменили грубые, невоздержанные на язык красногвардейцы, руководимые Николаем Родионовым. Беззащитные юные узницы на каждом шагу подвергались оскорблениям. Великим Княжнам запрещалось запира́ть двери на ночь, и особы свиты, остававшиеся в Тобольске, организовали тайное бдение, по очереди дежуря по ночам, чтобы никто не смел приставать к невинным молодым девушкам. Гиббс регулярно приходил в главное здание, когда наступала его очередь.

Эти злополучные события происходили во время Великого поста, Страстной седмицы и Пасхи. Когда Яковлев впервые явился в губернаторский дом сообщить Николаю II, что его должны увезти, Александра Феодоровна сначала подумала, что он приехал, чтобы разрешить службы во время Страстной седмицы. Оказалось, что это начало их скорбного пути на Голгофу, по примеру нашего Господа Иисуса Христа. В губернаторском доме были проведены Пасхальные службы, и, как сообщала Анастасия находившимся в Екатеринбурге близким, девушки сами украсили иконостас еловыми ветками и цветами. В Екатеринбурге такие службы провести было нельзя, но Царь читал молитвы и гимны собравшейся там маленькой общине. Каждое письмо, написанное в этот период, начинается с традиционного Пасхального приветствия: «Христос Воскресе!» или ответа на него: «Воистину Воскресе!»

Мария, писавшая из их новой и более суровой темницы, поздравляла оставшихся в Тобольске с «этим радостным праздником», хотя дальше признавалась, насколько отличается их нынешнее положение от той «славной» атмосферы, в которой они до этого находились. В ответ Анастасия посылает не просто традиционный Пасхальный поцелуй, а «сотни поцелуев».

К середине мая Наследника сочли готовым к поездке, хотя он все еще не мог ходить. Во время утреннего чая Родионов ворвался

к нему в комнату и увидел, что тот сидит на постели. Этого оказалось достаточно, чтобы распорядиться о немедленном отъезде остальных узников. Перевозку поручили комиссару Павлу Хохрякову, и тотчас был подготовлен пароход «Русь» — тот самый, который доставил их в Тобольск.

Вечером накануне отъезда Гиббс и его коллеги решили прикончить последние две бутылки вина, чтобы скрасить приевшийся обед из «телятины с гарниром из макарон». Вино следовало непременно оприходовать, брать его с собой было нельзя, поэтому лучше всего было выпить его.

«Пока мы этим занимались, мы услышали, как новый комендант крадется по коридору. Мы едва успели спрятать бутылки и стаканы под стол со свисающей до полу скатертью, когда он вошел. Встав в дверях, он внимательно осмотрелся вокруг, и мы тотчас почувствовали себя школярами, которые набедакурили. Положение было настолько забавное, что, встретившись глазами, мы не смогли удержаться от дикого хохота».

Обескураженный комендант удалился, вероятно, заключив, что такое веселье с заговором несовместимо.

20 мая по новому стилю путешественники сели на знакомый пароход. Здесь Родионов снова проявил свою мерзкую натуру. Каюту, в которой разместились Нагорный и Алексей, сочли необходимым запереть, несмотря на заявление моряка, что мальчику может понадобится срочная медицинская помощь. Напротив, каюты молодых девушек, чьей безопасности могли угрожать бродившие по палубе распущенные красногвардейцы, многие из которых были пьяны, оставили не запертыми. Ночью, когда опасность стала слишком явной, комиссар вынужден был сжалиться и запер двери в их каюту.

Во время этой поездки, как и во время предыдущей, путешественникам вновь пришлось соприкоснуться с близкими Распутина. На этот раз это была его дочь Матрена. Она ездила в Тюмень за билетами на поезд для себя и своего недоброй памяти мужа Бориса Соловьева, как вдруг увидела на пристани пароход с сильной охраной. Приблизиться к нему ей не позволили, но когда она пробилась к кассиру, «неожиданно Настя [Гендрикова] и маленький [Алексей] увидели меня в иллюминатор; они были страшно рады... Они были как ангелы».

В Тюмени путешественников следовало пересадить с парохода на поезд. Появившийся Родионов стал распоряжаться посадкой согласно подготовленному им списку. Сначала были поименно названы особы свиты и некоторые слуги. Они поднялись и ушли. Затем были названы Царские дети; они тоже

поднялись и пошли к вагону. Нагорный нес Алексея на руках. Родионов вернулся и пролаял: «А теперь все остальные».

Гиббс, Жильяр, баронесса Буксгевден, мадемуазель Шнейдер и графиня Гендрикова сели в вагон 4-го класса, который немногим отличался от отапливаемого товарного вагона.

В полночь 23 мая они прибыли в Екатеринбург, но «наш поезд двигался взад и вперед, останавливаясь в каком ни будь недоступном месте, чтобы изменить направление движения». Так продолжалось до семи утра, когда поезд наконец замер. Гиббс выглянул из окна и увидел, что, хотя они не находились на станции, у насыпи стояли экипажи, явно ожидавшие пассажиров. Они с Жильяром видели в окно, как девушки шли по щиколотки в грязи. Татьяна в одной руке несла тяжелые чемоданы, в другой — собачку. Матрос Нагорный хотел ей помочь, но был отброшен назад охранниками, которые заявили, что она сама должна нести свой багаж. Когда пассажиры сели на извозчиков, их увезли, и поезд направился к екатеринбургскому вокзалу. Там генерала Татищева, графиню Гендрикову и мадемуазель Шнейдер арестовали и под охраной увезли. Живыми никого из них больше не видели.

Эти драматические события разворачивались на глазах пассажиров железнодорожного вагона. Из него вывели еще несколько слуг и отвезли в Ипатьевский дом. Пассажиры наблюдали оживленные споры между различными местными комиссарами и Родионовым. Вернулся Нагорный, чтобы забрать постели Великих Княжон и багаж. Наконец в пять часов в вагон вошел Родионов и сообщил оставшимся, что они могут идти куда глаза глядят, но присоединиться к Императорской семье им не разрешается.

К Екатеринбургу быстро приближались контрреволюционные войска, и потому Гиббсу и его коллегам пришлось в течение десяти дней использовать в качестве жилья тот же злополучный вагон 4-го класса. Родионов вскоре изменил свое первоначальное решение и намеревался отправить их назад, в Тобольск, однако не успели путники достаточно удалиться от города, как белые войска перерезали дорогу, и они застряли на Красном Урале. Дни были трудные — ни помыться, ни приготовить пищу, постели примитивные, но все же как-то обходились. Каждый день они выбирались из вагона, обычно по одному, по двое, через неодинаковые промежутки времени, чтобы не привлекать к себе внимания, и проходили мимо Ипатьевского дома в надежде увидеть кого-нибудь из членов Семьи. Лишь однажды Гиббс увидел руку какой-то женщины, приподнимающей занавеску, и заключил, что это, должно быть, была Анна Демидова. В

следующий раз, когда Гиббс и Жильяр проходили мимо дома, стараясь не выглядеть чересчур любопытными, они увидели, как матроса Нагорного уводят красногвардейцы, вооруженные винтовками с примкнутыми штыками. Он их тоже увидел, но не подал вида, что узнал. Через четыре дня его расстреляли.

Александр Авдеев, грубый, распоясанный член Исполнительного комитета Екатеринбургского Совета, быстро превратил «Дом специального назначения» в худшую из тюрем. Теперь он был обнесен двойным забором, достигавшим карнизов. Первый этаж занимали комендант и красногвардейцы-охранники. Тринадцать человек из прислуги Царя разместились в пяти комнатах верхнего этажа. Императрица, Государь и Наследник занимали одну спальню, Великие Княжны вторую. Анна Демидова спала в столовой, доктор Боткин, Харитонов, оба Седневых, дядя и племянник, а также лакей Трупп — в зале. В ночь их приезда девушкам пришлось спать на полу, поскольку их кровати привезли слишком поздно и не успели разобрать.

В Ипатьевском доме Семья и ее слуги чувствовали себя поистине арестантами. Еда была скудной и неприглядной. На завтрак был чай с черным хлебом; на обед подогревали суп и другие блюда, доставленные из советской столовой, которые выливали в одну миску и ставили перед узниками. Ни скатерти, ни столового серебра не было. Если в блюде попадалось мясо, то Авдеев самый большой кусок забирал себе. Когда появился добрый, преданный Харитонов, он умудрился соорудить некоторое подобие кухни на втором этаже. Их пища стала лучше, хотя большинство блюд ему приходилось стряпать из остатков. Девочки также пытались научиться стряпать и по вечерам месили тесто, чтобы выпекать его утром. После того как Авдеева уволили, к ним стало поступать молоко, яйца, масло и сливки, которыми их снабжали монахи из соседнего монастыря, и их меню заметно улучшилось. Последние две недели жизни узники питались довольно сносно.

Были и другие лишения. Красноармейцы унесли из зала фортепьяно, и вечерами было слышно, как в караульном помещении горланят охранники. Иногда это были революционные песни, иногда скабрзные. Императрица и ее дочери заглушали шум пением, как показал в 1919 году Анатолий Якимов во время его допроса следователем Соколовым:

«Они иногда пели. Мне приходилось слышать духовные песнопения. Пели они Херувимскую Песню. Но пели они и какую-то светскую песню. Слов ее я не разбирал, а мотив ее был грустный. Это был мотив песни „Умер бедняга в больнице военной“».

Узникам разрешали гулять лишь по часу в день, причем все должны были выходить из дома в одно и то же время на определенном участке, под охраной красногвардейцев, которым было приказано не разговаривать с ними и отвечать только на вопросы относительно каких-то правил или на просьбы, которые автоматически отвергались. Часовых выставляли и возле расположенного наверху туалета, разукрашенного непристойными рисунками с изображениями Распутина и Царицы, и при этом узникам не разрешали, войдя, закрывать за собою дверь.

В середине мая, когда стало тепло, Авдеев придумал особенно изощренное мучение. Он приказал запереть окна и побелить стекла снаружи. Теперь узники больше не могли видеть ни зелень, ни городскую сутолоку, а воздух в тесных комнатах второго этажа сделался душным.

Несмотря на дискомфорт, неудобства, оскорбления, ужасное однообразие жизни, неуверенность в будущем, узники почти не жаловались. Ни слова горечи вы не найдете в дневниковых записях Царя или Императрицы или в каком-либо из их писем, относящихся к этому периоду. Они сообщают факты, описывают события, происходящие с ними, но не говорят ни слова осуждения их преследователей. Николай Александрович даже выразил сочувствие Авдееву, когда того выгнали за кражу вещей, принадлежавших узникам; Государь всегда находил возможность отметить что-то приятное: яркий солнечный свет или великолепную погоду, какая стояла во время прогулки, аромат городских садов. Когда наступила пора семейных дней рождения (по старому стилю), о каждом из них он упоминал с благодарностью. Николаю II исполнилось пятьдесят 6 мая, в день Иова Многострадального; Александре Феодоровне сорок шесть—25 мая; Татьяне двадцать один—29 мая; Анастасии семнадцать — 5 июня, а Марии девятнадцать — 14 июня. И все они были исполнены признательности за каждый отслуженный праздничный молебен. С 19 июня и по 4 июля (по новому стилю) в дом была тайно переправлена целая серия интригующих писем, породивших надежду, что готовятся серьезные шаги для спасения Семьи. Какой-то аноним, подписавшийся «Офицер Русской армии», сообщал, что группа преданных им людей готова действовать. Наступающий Чешский легион находится всего в восьмидесяти километрах от Екатеринбурга, и операция по спасению будет приурочена к его приходу: «Следите за любым движением снаружи; ждите и надейтесь». Узники надеялись и выслали, согласно просьбе, план их спален: кто где спит, как стоят кровати, указывали время отхода ко сну, расположение

окон и тому подобное. Кто-то должен был бодрствовать в определенные ночи, ожидая дальнейших инструкций. В ночь на 14/27 июня, согласно последним указаниям, они оделись и всю ночь сидели, ожидая избавления.

Некоторые детали в этих письмах заставляют думать, что предлагаемый план спасения в действительности был жестокой ловушкой, приготовленной самими большевиками в расчете на то, чтобы заставить узников дать предлог для их расстрела «при попытке к бегству». Одно из писем рекомендовало пленникам изготовить какую-нибудь веревку, чтобы спуститься из указанного окна, некоторые из которых были в конце концов открыты 9/22 июня — через две недели ежедневного наблюдения за ними со стороны большевиков. Разумеется, такой маневр был бы невозможен для Алексея и Императрицы; кроме того, на окна был наведен пулемет.

Ответ узников является трогательным свидетельством величия сердец членов Семьи.

«Мы не хотим и не можем бежать, мы можем только быть похищенными силой, т. к. сила нас привела в Тобольск. Так не рассчитывайте ни на какую помощь активную с нашей стороны. Командир имеет много помощников, они меняются часто и стали озабоченными. Они охраняют наше заключение, как и наши жизни, добросовестно и очень хороши с нами. Мы не хотим, чтобы они страдали из-за нас, ни вы из-за нас в особенности. Во имя Бога (избегайте) кровопролития. Справьтесь о них сами».

В следующей записке было указано, что их друзья «Д. и Т.» находятся в безопасности. Нет никакого сомнения, что речь шла о князе Долгорукове и генерале Татищеве, которые «находились в безопасности» лишь потому, что были убиты. К концу июня стало ясно, что и на этот раз ничего не произойдет. Крушение последних надежд нанесло тяжелый удар по моральному состоянию Семьи. Поскольку вся надежда на спасение улетучилась, Августейшие узники, по-видимому, осознали и смирились с тем, что их, вероятно, ожидает смерть. Священнику отцу Сторожеву вместе с диаконом разрешили в воскресенье 1/14 июля отслужить Божественную литургию — последнюю в жизни узников. Едва запели «Со святыми упокой», как вся Царская семья опустилась на колени. А когда священнослужители уходили из «Дома специального назначения», диакон заметил, что члены Царской семьи, которые всегда имели вид бодрый и даже веселый, изменились, словно это были другие люди.

С появлением 4 июля Якова Юровского их режим словно бы облегчился. Поначалу казалось, что по отношению к узникам будут проводить более либеральную политику, поскольку он

сделал широкий жест и вернул ряд ценных предметов, украденных охранниками под командой Авдеева со склада. Юровский принес эти предметы, многие из них золотые, и тщательно переписал их в присутствии Царя, прежде чем отнести вещи на «склад». Однако неделю спустя Николай II отметил у себя в дневнике: «Наша жизнь нисколько не изменилась при Ю[ровском]».

Это объяснялось тем, что Юровский прибыл не в качестве охранника, а в качестве палача. Он тотчас заменил внутреннюю охрану десятью людьми из ЧеКа, которых Николай II называл латышами. Была введена жесткая дисциплина среди оставшейся наружной охраны. Во время дежурства им было запрещено разговаривать, читать газеты или журналы. Двигаться они должны были колонной по одному и внимательно следить за узниками, которые, как им сказали, могут в любой момент сбежать.

Вопрос, кто именно отдал приказ расстрелять Царскую семью, всегда оставался загадкой, и до сих пор невозможно дать определенный ответ, даже опираясь на документы, которые появились на свет после распада Советского Союза. Из записей Юровского следует, что над Царем планировался суд, однако с приближением Белой армии это стало невозможным. В составленном им в 1920 году докладе указано, что 16 июля из Перми поступила шифрованная телеграмма, приказывающая уничтожить Романовых. На собрании большевиков Екатеринбурга, к тому времени переименованном в Свердловск, состоявшемся в 1934 году, он объяснил, что решение о «ликвидации» было принято в «центре», то есть в Москве, еще 10 или 11 июля вследствие создавшегося военного положения. Юровскому были даны указания начать приготовления.

Юровский сразу же начал эти приготовления, причем весьма активно. Прежде всего он отобрал двенадцать человек для расстрельной команды, каждому выдал наган и указал, в кого именно стрелять. В последний момент двух латышей пришлось заменить, потому что они отказались стрелять в девушек. «Кишка у них была тонка», — презрительно заметил Юровский. Палачи совершили один акт милосердия: днем отпустили кухонного мальчика Седнева якобы для встречи с дядей, который был перед этим арестован.

Затем начальнику охраны Павлу Медведеву было приказано предупредить свою команду, чтобы она ничего не предпринимала, если ночью услышит выстрелы. В полночь должен был прийти грузовик, чтобы увезти тела убитых. В то время как уточнялись планы расправы, узники жили своей

обычной жизнью: погуляли во дворе, съели обед, приготовленный Харитоновым, провели еще один вечер за чтением и игрой в карты, прочли вечерние молитвы и легли спать.

Около полуночи Юровский сам направился в комнаты узников, чтобы разбудить их. Он приказал им тотчас же одеться и спуститься вниз, поскольку в городе начались беспорядки, угрожающие их безопасности. Через полчаса они были готовы; по словам Медведева, «Государь и Наследник были одеты в гимнастерки; на головах фуражки; Государыня и дочери были в платьях, без верхней одежды, с непокрытыми головами; впереди шел Государь с Наследником. Никто из членов Царской семьи никаких вопросов никому не предлагал; не было также ни слез, ни рыданий», когда Юровский повел их вниз в полуподвальное помещение. Императрица посетовала, что нет даже стула, тогда были принесены два стула. Она села на один, Алексей на второй. Николаю II и остальным, включая дочерей, доктора Боткина, Харитонову, Демидову и Труппа, приказали выстроиться сзади. Вошла расстрельная команда, и Юровский объявил, что узников расстреляют. «Николай повернулся спиной к команде, лицом к семье, потом, как бы опомнившись, обернулся к коменданту с вопросом: „Что? Что?“» Чекистам сказали, кому в кого стрелять, и велели целиться в сердце, чтобы было меньше крови. Когда Царь повернулся к убийцам, Юровский сразил его наповал. Тут началась бешеная стрельба: второй умерла Царица, затем упали слуга Трупп и Харитонов. Цесаревич, три Великих Княжны, Демидова и доктор Боткин были еще живы, и в них пришлось стрелять снова. Это поразило коменданта, т. к. целили прямо в сердце. «Удивительно было и то, что пули от наганов отскакивали от чего-то рикошетом и, как град, прыгали по комнате. Когда одну из девиц пытались доколоть штыком у то штык не мог пробить корсажа. Благодаря этому вся процедура, считая „проверку“ (прощупывание пульса и т. д.) взяла минут 20».

Убийцы цепочкой вышли из помещения, и какое-то время тишина царила в комнате, где Помазанник Божий, Царь Всея Руси, Наследник, Царица, Великие Княжны лежали в лужах крови вместе с четырьмя преданными слугами, которые оставались верными до конца. Все были сражены в расцвете сил, и вместе с ними была сражена Россия, которую они знали и любили, — Россия, которая стояла на пороге победы в Великой войне, с ее быстро развивавшейся экономикой и промышленностью, ее богатой и сильной культурой, ее планами реформ системы управления.

КРОВИ БЫЛО БОЛЬШЕ, чем ожидалось, и на пол грузовика положили сукно, которым обмотали некоторые трупы, чтобы на

земле не оставался кровавый след. Грузя тела на автомобиль, красногвардейцы принялись мародерствовать, но Юровский положил этому конец, отобрав у них украденные вещи. Грузовик, который ждали в полночь, приехал лишь в половине второго. Возникло столько неожиданных трудностей, что лишь в три часа утра машина со своим ужасным грузом поехала к месту захоронения.

К этому времени Юровский утратил доверие к комиссару Ермакову, которому было поручено погребение, и решил сам проследить за этой операцией. Как выяснилось, понадобилось три дня и три ночи, чтобы осуществить надежное захоронение одиннадцати тел, которые были у них на руках. Деловой тон, которым Юровский рассказывает о бесцеремонном обращении с покойниками, недостойное отношение к ним, нанесенные им впоследствии увечья — все это многое говорит о большевистской доктрине ненависти, которой были одержимы души этих людей. Потопив элементарные человеческие чувства в потоках ненависти и злобы, они стали зверьми, которые трое суток уродовали, топтали, рвали, расчленили и сжигали одиннадцать тел без всякой жалости.

На предполагавшемся месте захоронения — шахте в нескольких милях от города — ничего не было готово: не было доставлено даже лопат. Грузовик, везший тела, был ненадолго задержан всадниками (их было двадцать пять), которые разозлились, узнав, что Романовых не привезли к ним живыми; они рассчитывали сами выполнить обязанности палачей. Телег, на которых надо было везти тела дальше, поскольку грузовик не мог продолжать путь, оказалось недостаточно; затем выяснилось, что никто не знает, где находится шахта.

С наступлением рассвета чекистам следовало что-то срочно предпринять, чтобы спрятать трупы. Верстах в пятнадцати от Екатеринбурга они нашли урочище «Четыре Брата» с заброшенным рудником глубиной около двух с половиной метров, отчасти заполненным водой. Здесь Юровский приказал раздеть тела и развести большой костер, чтобы сжечь одежду. При этом были обнаружены драгоценные камни, зашитые в одежду женщин. Пришлось сделать перерыв для того, чтобы их извлечь. Общий вес драгоценных камней составил семь с лишним килограммов. Они были сложены в мешки, одежда сожжена, а тела брошены в шахту.

Оставив там надежных часовых, Юровский вернулся в Екатеринбург, чтобы доложить Исполкому о проделанной акции и запросить инструкции относительно места захоронения. Были предложены три глубоких шахты, расположенные вдоль

Московского тракта. Юровский отправился, чтобы осмотреть их, и нашел их подходящими, хотя для того, чтобы добраться к ним, понадобился еще целый день в связи со встретившимися трудностями. В полночь

18 июля, взяв с собой телеги и веревки, он отправился в дорогу, чтобы извлечь тела из первой шахты, но когда начало светать, решил закопать здесь хотя бы часть трупов, и работа началась. Однако и от этого плана пришлось отказаться, поскольку неожиданно приехал один из приятелей Ермакова и увидел, что они делают. Тела следовало перевезти к глубоким шахтам, но имевшиеся в наличии телеги были слишком непрочны, и Юровский вернулся в город за автомобилями.

Эта мрачная комедия со сломанными телегами и увязшими грузовиками продолжалась до раннего утра 19 июля. Едва они отъехали, как один из моторов безнадежно застрял, и было решено похоронить или сжечь трупы прямо тут. Позднее Юровский заявил, что они хотели сжечь Алексея и Александру Феодоровну, но по ошибке вместо Царицы сожгли служанку Демидову. «Потом похоронили тут же, под костром, останки, и снова разложили костер, что совершенно закрыло следы копания». К семи часам утра палачи сумели выкопать общую могилу для всех остальных. «Трупы сложили в яму, облив лица и вообще все тела серной кислотой, как для неузнаваемости, так и для того, чтобы предотвратить смрад от разложения (яма была неглубокая). Забросав землей и хворостом, сверху наложили шпалы и несколько раз проехали — следов ямы и здесь не осталось». 18 июля трупы Царской семьи были погружены на автомобиль, чтобы отвезти их к шахтам.

Страшная работа была проделана так тщательно, что когда белые войска прибыли туда неделю спустя, захоронений они не нашли. Правда, они обнаружили достаточно следов преступления: это были драгоценные камни, оброненные возле шахты «Четыре Брата», и клочки обгоревшей ткани, что подтвердило ужасные подозрения, возникшие при осмотре пустого Ипатьевского дома и подвального помещения со следами множества пуль и крови даже после того, как пол тщательно выскоблили с песком.

Москва опубликовала краткое сообщение, в котором утверждалось, что приближение контрреволюционных сил и серьезный заговор с целью освободить бывшего Царя вынудил областной Совет принять решение расстрелять его, а его жену и сына перевезти в безопасное место. Эта лживая и нелепая версия происшедшего, без упоминания о судьбе Царских дочерей, существовала даже после расследования 1919 года.

Глава 10. На рельсах

ГИББС И ЕГО КОЛЛЕГИ, общим числом восемнадцать человек, по существу, все это время жили в вагоне 4-го класса, стоявшем на одном из запасных путей станции Екатеринбург. Большевики приказали им уехать, и они ждали, когда их отправят. Пока же они пользовались ограниченной свободой и днем могли ходить по городу и даже приобрели там много друзей и знакомых. Однако им не разрешили поселиться в городе и даже оставаться в нем на ночь — вечером они должны были возвращаться в свое жалкое убежище, где проводили долгие часы, пытаясь предотвратить крушение своего мира. Императорская семья, которой они поклялись служить верой и правдой и благодаря которой они оказались здесь, находилась в руках жестокого врага. Что касается их самих, то куда они могли пойти? Что могли сделать? Как удастся им выжить в нынешнем враждебном окружении?

Гиббс и Пьер Жильяр регулярно посещали Томаса Престона в Британском консульстве, пытаясь выяснить, что они могут предпринять относительно положения арестованной Семьи и каковы успехи белых войск в разгорающейся гражданской войне. Престон ничего не знал о каких бы то ни было планах спасти Царскую семью и был убежден, что любая такая попытка обречена на провал вследствие большого количества в Екатеринбурге красных частей, не говоря об их находящихся повсюду шпионах. Похоже, вся надежда была на приход белых войск, которые действительно быстро наступали и, похоже, преодолевали всяческое сопротивление. Однако, как мы убедились, именно этот успех явился решающим фактором в решении красных ликвидировать Царя и его семью. Очевидно, он же побудил освободить английский и швейцарского наставников, а также баронессу Буксгевден. Большевики не горели желанием, чтобы за ними наблюдали представители иностранных держав, когда их власть была столь непрочна. Что же касается остальных слуг, то они были слишком многочисленны, чтобы разместить их в Ипатьевском доме, а их преданность Царской семье делала их присутствие в Екатеринбурге излишним.

Десять дней спустя отцепленный вагон был прицеплен к поезду, шедшему на Тюмень. Однако на первой же станции состав задержали, потому что приближались чешские войска. Еще десять дней невольные путешественники оставались в вагоне, и дни эти были невеселые, поскольку небольшое село Камышлово было не только ничем не примечательным, но в нем еще свирепствовал

тиф. Поэтому им приходилось держаться поблизости от своей базы. После торговли, переговоров и, возможно, подкупа Гиббс и Жильяр убедили начальника вокзала прицепить их вагон к другому поезду. Наконец в середине июня они добрались до Тюмени, рассчитывая пароходом доплыть до Тобольска, но узнали, что тот в руках белых. «Мы только пожалели, что нас там не было, — писал Сид Винни. — Во всяком случае, дело обстояло именно таким образом, и нам не разрешили перейти линию фронта». А это означало еще две недели пребывания в опостылевшем вагоне.

В конце концов они сумели получить от тюменского коменданта военного транспорта справку, «позволяющую бывшим служащим экс-Императора разместиться на частных квартирах и в госпиталях». Гиббс нашел комнату по своему вкусу. Она находилась на самом верхнем этаже отличного дома, возвышавшегося над городом, и из его пяти окон открывался превосходный вид. «Мебели в комнате немного, лишь самое необходимое, но даже и этого, можно сказать, не было, так как не оказалось умывальника, — писал он тетушке Кейт. Несомненно, Сид, с его чистоплотностью, не мог без него обойтись. — Сначала я спускался на кухню, доставал таз, относил его вниз, в прачечную, и мылся там, пока отвратительная домохозяйка не стала возражать. Тогда мне пришлось заниматься этим у себя в спальне. Идея была не слишком удачная, поскольку было невозможно не проливать много воды».

Первые недели июля, когда беженцы пытались найти себе жилье в Тюмени, их любимая Семья готовилась к ужасной расправе, состоявшейся 16 июля. 25 и 26 июля белые войска захватили Екатеринбург, и как только Гиббс и Жильяр узнали об этом, они стали готовиться, чтобы отправиться туда и разыскать Царскую семью. Они без труда получили разрешение проникнуть в Ипатьевский дом, но их очень взволновали заметные повсюду жуткие следы разгрома.

Все указывало на отчаянные попытки уничтожить следы пребывания здесь прежних обитателей. Но они оказались чересчур поспешными и оттого неудачными. Камин и печи были настолько забиты вещами Семьи, что красноармейцы отряда особого назначения не сумели их как следует растопить, и на колосниках наставники обнаружили наполовину сгоревшие книги, иконы, рамки и фотографии. В мусорных баках они нашли куски обгорелой одежды, вязаных изделий, вязальные спицы, гребни, щетки, пряжки и пуговицы.

Особенно угнетал вид подвального помещения: стены, хранившие следы пуль, дверь, сорванная с петель, пулевые

отверстия в полу, на котором, хотя он и был тщательно вымыт и выскоблен, были заметны очертания луж крови. Все это свидетельствовало о широкомасштабном преступлении. Но как быть с официальной телеграммой председателю президиума ЦИК, в которой сообщалось, что Императрица и Наследник находятся в безопасном месте? И что в конце концов случилось с Царскими дочерьми и слугами, о которых ничего не упоминалось? Жильяр был склонен питать какую-то надежду, но Гиббс был более скептичен.

Вернувшись в Тюмень, Сид до конца лета оставался в той же замечательной комнате с прекрасным видом из окон и ужасной хозяйкой. Он часто засиживался со своими друзьями за чашкой чая или трапезой, пытаясь разобраться в просачивавшейся разрозненной информации о Царской семье и обсуждая перспективы весьма неопределенного будущего. В сентябре Гиббс получил разрешение проследовать в Екатеринбург и поселиться там. Он нашел временное пристанище в лютеранской церкви. Затем нашел подходящее жилье в доме № 10 по Солдатской улице. Устроившись, он вернулся в Тюмень за оставшимися вещами, поскольку путешествие было настолько сопряжено с неизвестностью, что он не решился тащить с собой слишком много багажа.

Очутившись в знакомых местах, Гиббс без труда нашел учеников для уроков английского. Стоимость урока на классных занятиях составляла 40 рублей, на частных занятиях — 75. Судя по его приходной книжке, в октябре его гонорар составил 920 рублей, в ноябре — 1780, а в декабре и части января — 2180. Обстановка, царившая в городе, его вполне устраивала, к тому же среди жителей было немало англичан. Благодаря связям с Британским консульством, его привлекали к делам военного персонала, имевшего отношение к белым, которые приобретали влияние. Многих из этих военных он знал лично по Петрограду или Ставке. Его также представили сэру Чарльзу Элиоту, британскому Верховному комиссару в Сибири, который остановился в городе на несколько дней со своим официальным поездом. Познакомившись с Гиббсом, Элиот узнал, что тот владеет русским языком.

В это время генерал Дитерихс, начальник штаба адмирала Колчака, проводил официальное расследование убийства Царской семьи. Гиббс внимательно следил за его ходом. Его всегда приглашали для опознания многих обнаруженных предметов. Он дал свои показания и старательно переписывал показания очевидцев и других лиц, даже тех, кто передавал только слухи или сведения из вторых рук. Документы эти хранились в его

бумагах, в то время как оригиналы многих из них всплыли много десятилетий спустя, уже после распада Советского Союза.

2 ноября 1918 года он записал у себя в дневнике: «Этим утром в третий раз побывал в небольшом подвальном помещении под Ипатьевским домом». Напротив двери он заметил десять пулевых отверстий, находившихся на высоте меньше четырнадцати вершков — по-видимому, жертвы стояли на коленях. Девять отверстий носили следы крови, а десятое, находившееся выше, таковых не имело.

Много пуль попало в пол, но в этих местах квадраты пола были выпилены с целью их исследования. Пространство, на котором происходил расстрел, было настолько невелико, что Гиббс подумал, уж не расстреливали ли жертвы поочередно?

КОЛЛЕГИ ГИББСА оставались в Тюмени и оттуда направляли в дом № 10 по Солдатской улице многочисленные просьбы прислать коробки, мешки и ящики с личными вещами, оставленными в июне в городе, когда их оттуда изгнали. Поток просьб был бесконечен: надо было прислать то штуку тонкой хлопчатобумажной ткани, то флаконы духов, то книги, то мазь от экземы, которой страдал Жильяр, то что-то еще. Сид всегда старался удовлетворять эти просьбы, хотя некоторые из них выполнить было сложно. К примеру, баронесса Буксгевден намеревалась уехать из Сибири в Японию, а ее багаж, в том числе несколько дорогостоящих ювелирных изделий, следовало послать в Омск с курьером, и не раз при этом происходила путаница. Кроме того, до ее отъезда Гиббсу следовало забрать у нее 1300 рублей, которые баронесса у него одолжила и забыла вернуть. Жильяр был свидетелем и мог подтвердить этот факт. Гиббс, со свойственной ему обстоятельной манерой, оставил подробное заявление. Из документов неясно, получил ли он этот долг, но он продолжал оказывать всяческую поддержку, когда шла речь о перевозке баронессы Буксгевден и ее багажа.

Несмотря на улучшившееся положение, Сид боялся провести еще одну зиму в Сибири и полагал, что, ввиду неуверенной ситуации в России, самое лучшее — это вернуться в Англию, хотя и не знал, как это сделать. После физического и эмоционального напряжения последних месяцев он действительно испытывал тоску по родине. С тех пор, как в ноябре 1917 года пришло письмо от тетушки Кейт, он не получал из дома никаких известий. Лишь теперь, больше года спустя, в декабре 1918-го, в Британское консульство пришла телеграмма из Foreign Office [МИД] с вопросом, жив Гиббс или нет. Очевидно, ни одно из его писем не дошло по назначению, и это лишь усугубляло депрессию Сиды.

Вот в каком настроении находился Гиббс, когда Томас Престон уведомил его, что Верховный комиссар предлагает ему должность секретаря в своем аппарате. Гиббс тотчас ухватился за представившуюся ему возможность. Предложение было привлекательно по нескольким причинам. Во-первых, он будет находиться в официальном британском поезде — по существу, все равно что на британской территории. Рядом с ним будут земляки — люди, близкие по культуре и репутации, — и он будет иметь как бы место в ложе, откуда можно будет наблюдать, как белые войска разбивают в пух и прах большевиков, с которыми, надеялся он, будет покончено к концу лета. После этого он поедет домой через Петроград.

23 января 1919 года Гиббс получил официальное письмо от Престона, подтверждающее вербальное предложение Верховного комиссара:

«Настоящим уведомляю Вас, что я получил очередную телеграмму от сэра Чарльза Элиота, Верховного комиссара Его Королевского Величества, в котором он предлагает Вам должность секретаря его штаба в Омске на условиях, изложенных в его телеграмме от 20 января, а именно 25 фунтов стерлингов в месяц при готовой квартире и столе. Сэр Чарльз в своей телеграмме от 22 января указывает, что к Вашим услугам будет предоставлено купе в его поезде.

Если Вы сообразоволяете принять эти условия, то Его Превосходительству угодно, чтобы вы выехали в возможно краткий срок».

Это означало, что ему снова придется жить в поезде, но на этот раз в комфортабельных условиях, какие он назвал даже превосходными. «Верховный комиссар имеет весьма комфортабельный вагон со спальней, салоном, ванной и кабинетом для секретаря... В поезде прекрасный столовый вагон, в одном конце которого имеется обеденный стол, в другом — своего рода гостиная». Здесь нередко собирались его сослуживцы, несколько чиновников и небольшой отряд солдат, усаживавшиеся в удобные кресла и на стулья вокруг специально принесенных столов. «У нас имеется просторный вагон первого класса для жилья и исполнения служебных обязанностей». В этой канцелярии, как ее называли, имелся сейф, шкаф с письменными принадлежностями, пара столов и пишущая машинка. «У меня также есть подобное купе с письменным столом, которое, при необходимости, может использоваться как бюро».

Гиббс тотчас проследовал в Омск; продвижению его способствовали мандаты, официально призывавшие к оказанию ему помощи. Разве можно было сравнить это путешествие с теми

поездками, которые он совершал до этого? По правде говоря, он настолько привык к препятствиям и задержкам, что оставил большую часть своего багажа в Екатеринбурге, не успев поверить в благоприятную перемену судьбы. В Омске он узнал, что придется проехать пять тысяч километров, чтобы добраться до Владивостока, где создавался штаб прибывающих союзных войск. Уезжать следовало безотлагательно вместе с генералом Ноксом, главой Британской военной миссии, поэтому Гиббс написал Престону и попросил его разрешить ему захватить с собой хотя бы одно место багажа — шкатулку с серебром, оставленную для него на хранение в Государственном банке Екатеринбурга. Он будет признателен, если полковник Лэш сможет захватить этот ящичек, «который нужно как следует завязать перед отправкой, поскольку замок там ненадежен и иногда отпирается»: «Мне очень неудобно доставлять Вам столько хлопот, но перспективы настолько мрачны, что я боюсь оставлять шкатулку там, где она сейчас находится».

Причиной такого уныния были новости, поступившие из Парижа: на Версальской мирной конференции, состоявшейся в январе, союзники официально отказались признать правительство белых, делая вид, будто бы они занимают нейтральную позицию по отношению к гражданской войне в России. Между тем сколько ожиданий было после перемирия 11 ноября 1918 года! Белые ничуть не сомневались, что союзники придут к ним на помощь. Германия потерпела поражение; наверняка с большевиками можно справиться в два счета. Некоторые западные лидеры, такие, как Уинстон Черчилль, намеревались объявить войну большевикам, но другие опасались, что победа белых возродит имперские устремления русских, и предпочли оставить все так, как оно идет. Это был тяжелый удар по разработке эффективной военной кампании против большевиков. Однако союзники согласились оказывать белым помощь, и наибольший вклад вносила Великобритания, поощряемая Черчиллем. Через Владивосток начали прибывать войска и оборудование, и Гиббс оказался в важном нервном узле, где сходились нити связи. Он переводил, шифровал и расшифровывал депеши, свидетельствовавшие о переменчивой судьбе белых войск.

Борьба между большевиками и контрреволюцией шла с ноября 1917 года, но шла она с переменным успехом и нерегулярно. Вскоре после захвата власти большевиками генералы Алексеев и Корнилов объединили верных офицеров и солдат в Добровольческую армию, которая стала ядром белых сил. В декабре 1917 года они обосновались в донских степях под Новочеркасском, обеспечив себе помощь знаменитых донских

казаков и их атамана генерала Алексея Каледина.

Отсюда 9 декабря 1917 года было предпринято наступление на город Ростов. Это было первое сражение полномасштабной гражданской войны. Корнилов и Каледин, выгнав красногвардейцев из города, захватили его. Главной их целью было убрать с дороги большевиков, чтобы продолжать войну с Германией. Начало было многообещающим.

Большевики еще не успели создать дисциплинированные боевые части, хотя у них имелись отряды Красной гвардии в стратегически важных пунктах, а также революционные солдаты в Петрограде, Москве и других городах, которые внедряли в жизнь большевистские указы. В течение первого года бои шли, главным образом, на рельсах: не было ни фронтов, ни конкретных целей. Войска в этой так называемой железнодорожной войне перевозились на поездах; «все сводилось к тому, чтобы погрузить горстку людей и несколько пулеметов в поезд и отправить их на следующую станцию, которая будет затем „захвачена“ вместе с городом».

Однако перемещались не только войска. Красный террор охватил, главным образом, города северных провинций, породив тысячи беженцев, которые устремились из Центральной России на юг, в Донскую область, или же на восток, в Сибирь. Иным удавалось сесть на поезд, но большинство добиралось туда верхом на лошади, на телеге, а то и пешком. Это были лишившиеся своих земель помещики и их семьи, чьи поместья были захвачены, аристократы, бывшие заводчики, деловые люди и чиновники, профессора, лавочники, доведенные до нищеты, поскольку государство отняло у них предприятия и реквизировало имущество. Теперь им приходилось проситься на ночлег, а днем выстраиваться вдоль улиц, пытаясь продать то, что у них оставалось: одежду, драгоценности, обувь, предметы домашнего обихода — чтобы купить себе хлеба. С военными и беженцами смешивались студенты и представители интеллигенции, многие из которых некогда были яркими противниками царского режима, но которые теперь чувствовали себя обманутыми необузданной злобой революции, которая обирала страну и превращала людей в варваров. Пожалуй, слова Романа Гуля относятся к ним ко всем: «Я увидел, что под красным колпаком существа, которое мы считали прекрасной женщиной Революции, в действительности находится безобразное свиное рыло».

До конца февраля 1918 года красные спустились на юг и вновь захватили Ростов, а затем Новочеркасск, овладев Центральной Россией. Но война не кончилась, как считал Ленин.

В то время, когда советские войска входили в Новочеркасск, генерал Корнилов повел своих людей по обледенелым степям в поход, который превратился в легенду и стал известен как Ледовый поход.

День и ночь они шли навстречу ветру и стуже, непрерывно сражаясь с врагами в сопровождении жалкой горстки гражданских лиц, не осмелившихся остаться в тылу. Этот великий подвиг превратил корниловцев в грозную боевую силу — войско, готовое на все.

Добравшись до Екатеринодара, Корнилов решил приступить к его осаде. Через несколько дней стало ясно, что операция кончится провалом: боеприпасы были на исходе, а люди полумертвы от голода. В довершение всех бед Корнилов, душа войска, был убит во время артиллерийского обстрела его штаба. Командование перешло к генералу Антону Деникину, у которого не оставалось иного выбора, и он повел войска назад, к Дону. Здесь, на его счастье, казаки были более чем готовы присоединиться к ним, чтобы отомстить большевикам, немало полжтовавшим в здешних краях. Добровольцы и казаки захватили большую территорию и начали готовиться к контрнаступлению.

Другим центром антибольшевистской деятельности была Самара на Волге, где группа депутатов первого Учредительного собрания попыталась создать орган, который стал бы преемником Временного правительства по поддержанию порядка и мог вести борьбу с большевиками. Он назывался Комуч — Комитет участников Учредительного собрания. Этот незрелый орган получил огромную поддержку в его военных усилиях, когда в мае появился на сцене знаменитый Чешский легион.

Он состоял из 35 000 чешских военнопленных, которые сражались на стороне России против Австрии с целью завоевать свою независимость. После заключения Брест-Литовского договора они решились вернуться на Западный фронт — продолжать воевать за свободную Чехословакию. Чтобы не пересекать неприятельскую территорию, они направились в Европу кружным путем — через Владивосток. Они поехали по Транссибирской железной дороге, разделившись на шесть отрядов. Однако враждебные к ним Советы на нескольких станциях останавливали и преследовали их. В одном из уральских городов несколько солдат из чешского отряда после ссоры были арестованы, после этого красногвардейцы попытались разоружить остальных. Сочтя это провокацией, чехи заняли город и освободили своих товарищей. После этого они стали силой, с которой следовало считаться на всем протяжении железной дороги, где они захватывали один город за другим и наступали

на Екатеринбург, в то время когда там находилась Царская семья.

В Поволжье они соединились с войсками Комуча, назвав объединенные силы Народной Армией, и 8 июня овладели Самарой, выгнав оттуда Красную гвардию. В июле 1918 года они захватили Уфу и Симбирск — родину Ленина. В августе взяли Казань, где хранились большие запасы царского золота.

Однако летом большевики принялись создавать кадровую армию, которая должна была действовать в Поволжье, и к сентябрю в ней насчитывалось 70 000 штыков. К этому времени чехи устали участвовать в чужой войне и стали один за другим дезертировать, продолжив путь домой. Чтобы восполнить оставленную ими брешь, следовало привлечь добровольцев из числа местных крестьян. К большому удивлению Комуча, добровольцев оказалось очень мало, и пришлось прибегнуть к мобилизации, что оттолкнуло от правительства крестьян. Власти предполагали, что те охотно будут участвовать в борьбе с большевиками, враждебная политика которых, конечно же, настроила крестьян против них. Но рядовой крестьянин считал, что война ему ни к чему, никакого дела ему не было до очередного Учредительного собрания, поскольку мужику теперь хватало и земли, и свободы. 7 октября красные вновь овладели Самарой, и ослабленные войска Комуча откатились на восток к Уфе.

Еще до того, как большевики захватили власть, кадеты и социалисты-революционеры, руководимые идеей отделиться от Центральной России и организовать независимое государство, объединились и создали в Омске

Сибирское правительство. По мере того как Омск привлекал к себе все больше различных контрреволюционных группировок, между ними усиливались трения. Большинство офицеров Сибирской армии не доверяли правительству с левой ориентацией и полагали, что социалистические эксперименты следует отложить до окончания гражданской войны, а пока созвать Учредительное собрание, которое должно будет выработать соответствующую политику. В ноябре 1918 года офицеры произвели переворот и назначили адмирала Александра Колчака Верховным правителем России с диктаторскими полномочиями. Сначала Колчак противился такому назначению, но по настоянию офицеров и генерала Нокса, заявившего, что это его долг, согласился. В качестве Верховного комиссара Великобритании в Сибири сэр Чарльз Элиот был аккредитован у Колчака, и Гиббс стал членом его штаба.

Прежде чем уехать из Омска, Гиббс послал записку своему слуге Дмитрию, сообщив, что ждал его, сколько мог. Поезд

отправлялся, но он передал Митин паспорт на хранение господину Семенову, чтобы молодой человек смог найти себе должность в городе. Гиббс рассчитывал добраться до Владивостока через два месяца и попросил своего слугу отправить через Британское консульство «стеклянные негативы трупов людей, убитых большевиками, в том числе матроса Нагорного».

Во время продолжительного путешествия во Владивосток Гиббс зачастую оказывался в центре внимания во время обедов и позднее, поскольку всем хотелось узнать от него о Царской семье, о ее повседневной жизни, услышать подробности о ее последних днях. Впервые встретившись с ним в Екатеринбурге, сэр Чарльз попросил Гиббса составить отчет о его жизни с Семейей в Тобольске, что он и сделал.

Прибыв в пункт назначения на дальневосточной оконечности Сибири, они обнаружили, что жизнь здесь кипит ключом. Признаться, Гиббс был даже несколько обескуражен ее бешеным темпом. Сюда поступали войска и снаряжение из Великобритании, Франции, Италии, Канады, Соединенных Штатов, Японии, но их усилия, по словам Орlando Фиджеса, напоминали «бедняцкий покер: ни один из участников игры не хотел остаться за ее пределами, но в то же время не желал играть по-крупному». К примеру, президент Вудро Вильсон одной рукой посылал какие-то войска, а второй заигрывал с большевиками.

28 февраля Гиббса пригласили в гости к его старому другу генералу Михаилу Дитерихсу, вместе с которым он работал во время первого расследования, проходившего в Екатеринбурге, и который теперь находился во Владивостоке. Дитерихс сообщил, что привез с собой все материалы и готовится отослать их в Великобританию. Тем же самым вечером капитан корабля Его Величества «Кент», который должен был доставить эти важные документы, присоединился к ним, чтобы уточнить некоторые детали относительно особого груза. Генерал описал некоторые предметы — такие, как кресло-каталка Императрицы; он также объяснил, что для транспортировки других предметов изготавливаются ящики соответствующих размеров.

Союзники очень доверяли адмиралу Колчаку, и их помощь способствовала укреплению его войск к весенней кампании. Нокс принял на себя задачу по подготовке этих войск. В сочельник 1918 года Колчак захватил крупный промышленный центр Пермь, а оттуда, несмотря на зимнюю погоду, стал продвигаться вперед по трем направлениям. К середине апреля его войска, насчитывавшие около ста тысяч штыков, оказались в трехстах с половиною сотнях километрах от Волги и приближались к Вятке,

Уфе и Оренбургу. Главной целью армии Колчака было соединение с Добровольческой армией на Дону под командованием генерала Антона Деникина, чтобы затем победным маршем двинуться на Москву. О такой возможности Сид упомянул в письме дядюшке Уиллу.

Пока Колчак наступал, британский Верховный комиссар 29 мая отправился со своим штабом назад в Омск, чтобы находиться поблизости от поля действий; поезд проезжал мимо таких разнообразных и красивых мест, что Сид отложил в сторону письма и принялся смотреть в окно. Однако 30 мая он отправил своему другу полковнику Леггету срочную депешу:

«Я совсем забыл зайти в свою комнату и забрать бумаги, оставленные там. Во втором ящике секретера лежат два доклада и некоторые письма, принадлежащие Пейрсу. Один доклад озаглавлен „Специальная служба, относящаяся к России“ или что-то вроде того. Л второй, по-моему, посвящен той же тематике, но называется просто „Меморандум“. На обороте одного из докладов адрес, написанный почерком Пейрса, по которому их следует отослать. Будьте настолько любезны, заберите их, если они еще существуют, и отправьте, положив в большой конверт. Не обязательно прилагать к ним какой-то сопроводительный текст, просто пошлите их в том виде, в каком они находятся. Пожалуйста, сообщите мне, если произошло самое худшее. Я постараюсь уладить дело с Пейрсом, когда увижу его в Омске. Если все в порядке, то подпишите письмо числом 36, если иначе, то числом 18... Поскольку у нас была частная договоренность с П...сом, то я хотел бы, чтобы вы ничего не сообщали Р-б-ртсону (или кому- то еще)».

Кстати, Бернард Пейрс являлся самым крупным британским специалистом по России. Он был прикомандирован к русской армии во время войны и в 1917 году был посланником в Петрограде, поэтому его записки должны были иметь большое значение. Он проявил большой интерес к информации, которую Гиббс мог сообщить ему во время их бесед, состоявшихся в поезде и во Владивостоке, и в своей книге, посвященной крушению монархии, воздает должное порядочности Гиббса, приехавшего к Царской семье во время ее заточения. Эпизод, касавшийся его бумаг, должно быть, завершился благополучно, поскольку известно, что впоследствии они возвращались в Англию вместе.

Между тем красные, разбитые наголову под Пермью, не дремали. Они готовили контрнаступление, которое и предприняли 18 апреля. В их рядах находились несколько тысяч членов недавно организованной молодежной коммунистической организации — комсомола, которые привнесли силу и энтузиазм

тысячам коммунистов и крестьян-новобранцев, насильно мобилизованных в Красную армию. За два месяца они отогнали колчаковцев за Уфу, сведя на нет все их успехи. Добравшись до Урала, красные захватили Оренбург и Екатеринбург, устроив вместо второго расследования резню. К середине августа они овладели важным железнодорожным узлом — Челябинском. Угроза нависла над Пермью. Горечь поражения усугубилась тем, что союзники уменьшили объемы помощи белым.

В провале кампании Колчака многие обвиняли генерала Деникина, который нарушил первоначальные планы и не поддержал своими силами армию Колчака. Вместо этого он решил воспрепятствовать красным захватить богатый углем Донбасс и в то же время защитить своих союзников казаков. Большевики угрожали им массовым террором и объявили о своем намерении произвести «расказачивание» области войска Донского и уничтожить всех казаков до единого. Решение Деникина, хотя и вполне оправданное, стоило Колчаку очень дорого и нарушило планы адмирала.

Однако повинен в этом был не один только Деникин. Во время кампании Колчака выявились серьезные недочеты в работе администрации и координации белых войск, однако те, кто был облечен властью, так и не смогли достаточно хорошо понять проблемы, чтобы справиться с ними. В колчаковском руководстве были преимущественно военные, которые рассматривали борьбу с революцией лишь в военных категориях; но в настоящей ситуации оказалось слишком много офицеров и недостаточно солдат; соперничество чинов порождало непослушание, отсутствие субординации и авантюризм, и потому редко когда удавалось добиться настоящего сотрудничества.

Такой раздрай усиливался противоречивыми политическими идеями, что делало невозможным выработку объединяющей задачи. Все были согласны с тем, что с большевиками необходимо покончить, но что будет потом? Неужели они сражаются, чтобы восстановить старый режим? Воссоздать Учредительное собрание? Установить демократическое правительство? Или социалистическое? Вернуть конфискованную землю дворянству, узаконить крестьянские захваты, выработать компромисс? Политические проблемы раздражали всех, и кадровые военные молчаливо соглашались, что их главная задача — выиграть войну; только после этого можно будет взяться за решение политических и социальных вопросов.

Эта роковая ошибка стоила Колчаку победы: несмотря на военные успехи, тыл не был укреплен. Не существовало структур для управления захваченными территориями или завоевания

поддержки населения, особенно крестьян. Не было предпринято никаких попыток противостать назойливой пропаганде большевиков, утверждавших, что они защищают революцию. Больше всего крестьянам хотелось удержать землю, которую они отобрали у дворян после 1917 года. Революция дала им землю, и, ожесточенные годами труда и подчас притеснениями строгих хозяев, крестьяне были готовы терпеть жесткий режим угнетателей-большевиков, лишь бы не отдавать ее. Внешний вид белых офицеров, их поведение и отношение к ним они отождествляли со старой властью, а белое руководство не предпринимало никаких шагов, чтобы исправить такое впечатление.

На юге Деникин добивался успехов. Казаки, благодарные за поддержку, присоединились к его войскам и значительно ускорили их продвижение к Царицыну, но, к сожалению, сделали это слишком поздно. Там 3 июля Деникин обнародовал свою Московскую директиву, приказав Добровольческой армии двигаться с трех направлений на Москву (куда в марте 1918 года была переведена столица): одна колонна должна была выступить со стороны Царицына через Саратов и Нижний Новгород; вторая — со стороны Воронежа и третья — со стороны Харькова, через Орел и Тулу. В течение лета деникинцы упорно двигались к намеченной цели, без труда захватывая промежуточные пункты. Зачастую красные бежали при одном их появлении. В октябре Деникин захватил Орел и находился в полуторастах километрах от Тулы, откуда до Москвы было рукой подать.

Его сказочные успехи повергли большевиков в панику. Свежие, хорошо оснащенные и обученные войска Деникина оказались в четырехстах километрах от Москвы.

Некоторые большевистские вожди обезумели от страха: они рвали свои партийные билеты и возобновляли знакомство с прежними друзьями из буржуазного лагеря, готовясь уйти в подполье или скрыться за рубежом на заранее подготовленных автомобилях. С усилением паники были приняты решительные меры, чтобы защитить столицу, особенно после того, как стало известно, что вторая белая армия под командованием генерала Юденича находится на подступах к Петрограду и угрожает Москве с севера. В течение нескольких октябрьских дней всем показалось, что большевикам, пожалуй, настанет конец.

Не кто иной как Троцкий убедил Ленина, что Тула с ее огромным арсеналом гораздо важнее для существования красных, чем Москва. Чтобы спасти этот город, туда был направлен Дмитрий Оськин, который не умел шутить. Его беспощадность наглядно характеризует большевистские методы. Он собрал

тысячи рабочих, крестьян, обывателей и организовал их в рабочие бригады. Их заставляли день и ночь строить укрепления, заготавливать дрова для топлива на фабриках, копать окопы, возить тачки. Тем временем членов их семей держали в качестве заложников, которые подлежали расстрелу, если работа не спорилась или выполнялась не так, как было приказано. Город буквально превратился в крепость. По улицам патрулировали красноармейцы, и каждое здание было превращено в казарму, на крыше которой находились наблюдатели.

Деникин продолжал наступление. Его войска были усилены английскими танками, тяжелой артиллерией и собственной великолепной конницей. Когда он приближался к укрепленной Туле, у него были хорошие шансы на победу, несмотря на все подготовительные работы большевиков. Но накануне сражения ряды красных неожиданно увеличились за счет сотен тысяч крестьян, перебежавших к ним от белых. Красные убедили их, что если они хотят сохранить захваченную ими землю, то должны воевать на их стороне. После этого в исходе сражения можно было не сомневаться. Блестящее военное руководство белых было сведено на нет провалами в вопросах управления, снабжения и пропаганды. Ввиду численного превосходства красных Деникин и два его лучших полководца — барон Врангель и генерал Май-Маевский — стали с боями отступать на юг, к Черному морю. Следует признать, что подчас белые почти сравнивались своей жестокостью с красными, пытаясь отомстить им за гибель близких, за потерю имущества и самой России. В таких боях пленных они не брали.

Между тем из-за того, что Юденич угрожал Петрограду, сам Троцкий поспешил оборонять колыбель революции. Ему удалось сделать это, прибегнув к жестоким методам Оськина. Возможно, он руководствовался советом Ленина, собрав тридцать тысяч человек, установив сзади пулеметы и расстреляв несколько сотен, чтобы обеспечить успешное наступление на Юденича. Верховая езда испокон века считалась привилегией аристократии, но сторонники революции убедились, что и они могут с успехом использовать кавалерию.

В ноябре 1919 года по белым был нанесен смертельный удар: англичане перестали оказывать им поддержку, а публичное заявление Ллойд Джорджа о том, что Белое дело проиграно, породило целую волну упаднических настроений, и совершенно деморализованные толпы противников советской власти — военных и гражданских лиц — кинулись врассыпную в отчаянной попытке спастись от Красного террора. 14 ноября 1919 года белые оставили Омск, и Колчак отправился в новую столицу, Иркутск,

на шести поездах, в одном из которых находилось царское золото, захваченное в Казани. Не доехавшие без малого пятьсот километров до места назначения поезда были остановлены чехами и задержаны на несколько недель. Пока Колчак со своими людьми сидел, как мышь в клетке, красные взяли Иркутск и объявили адмирала врагом народа. 4 января он отказался от своих полномочий, и чехи пообещали ему беспрепятственный въезд в Иркутск, где его передут в руки союзников. Но вместо этого они сдали его большевикам вместе с золотом — возможно, в качестве платы за беспрепятственный проезд домой. Смертный приговор адмиралу был неизбежен. Элиот докладывал: «Он умер храбро, по словам его палача, „выпрямившись, как англичанин“».

ПЯТЬЮ МЕСЯЦАМИ РАНЬШЕ, в июне 1919 года, когда поезд британского Верховного комиссара медленно двигался на запад по Сибири, он остановился в Екатеринбурге, в то время еще находившемся в руках белых. Расследованием убийства Царской семьи в это время занимался Николай Соколов, профессиональный следователь. Он был назначен на эту должность Колчаком после отставки Дитерихса, и Элиот разрешил Гиббсу в меру его возможностей помогать следствию, пока они там находятся. Ему было достаточно больно снова посетить мрачные помещения Ипатьевского дома и пересказать события последних дней, происшедших там. Воспитатель тщательно переписал показания свидетелей и других лиц, связанных с убийством.

В них содержались такие фразы: «Убийство было настолько жестоким, что мне приходилось неоднократно выходить на воздух, чтобы прийти в себя». «Крови, было столько крови, что ее сметали метлой». «Она [Анна Демидова] все время бегала и закрывалась подушкой, на ее теле было 32 раны». Сид хорошо запомнил ее: «Высокая, хорошо сложенная женщина, склонная к полноте, которая, вопреки ее физической внешности, была чрезвычайно робкого характера». Он вспоминал, какой страх она испытывала в свой последний вечер в Тобольске: «Я так боюсь того, что могут сделать с нами большевики». Штыковые удары и пули были направлены на эту перепуганную, беспомощную женщину. Только очевидец мог описать эту сцену.

Еще более кошмарную картину увидели следователи в шахтах урочища «Четыре Брата», где были предположительно захоронены тела убитых. Гиббс изо дня в день ездил туда наблюдать, как по распоряжению Соколова из шахт откачивалась вода, как просеивались поднятые со дна осадки. Он тщательно изучал то, что осталось на месте соседнего костра, и обнаружил многочисленные осколки драгоценных камней, кусочки одежды,

шесть пар металлических планшетонок от корсетов, пряжки от поясов, от туфель, серебряную рамочку, в которой Государь носил портрет своей супруги, застёжки, платиновую серьгу с жемчужиной, военный значок — подарок командира Уланского Ее Величества полка, который Государыня носила вместе с браслетом; множество монет, гвоздей, кусочки фольги из детской коллекции всяких полезных вещей, которые носил в карманах Алексей. Все это свидетельствовало об ужасах той ночи. «Ужаснее всего было зрелище отрубленного пальца», который, по мнению Гиббса, мог принадлежать доктору Боткину, потому что он сильно распух. Однако эксперты решили, что он принадлежал женщине средних лет, которая покрывала ногти маникюром, то есть Императрице. Поблизости от костра были также обнаружены кусочки кожи и фрагменты костей, а возле одной из шахт — искусственные зубы доктора Боткина.

Несмотря на исследование шахт, где, по словам многих, называвших себя очевидцами, должны находиться останки, никаких тел найдено не было. После многих дней изучения и осмотра обнаруженных предметов Соколов предположил, что вся Семья убита, их тела расчленены, а затем брошены в костер, куда были вылиты бочки бензина, и он горел два дня и две ночи. Чтобы обезобразить трупы, их облили серной кислотой, но могил не оказалось. Остаток своей жизни Соколов посвятил тому, чтобы защитить свою гипотезу, накапливая доказательства, опрашивая эмигрантов, и все это описал в книге, которая была опубликована за несколько месяцев до его смерти.

Его выводы считались неопровержимыми до 1976 года, когда Энтони Саммерс и Том Мэнголд в своей книге «Досье на Царя» показали невероятность предположения, что одиннадцать человеческих тел можно было уничтожить огнем. Даже если бы это было возможно, то сохранились бы зубы, а их должно насчитываться свыше трех сотен. Куда они подевались? Подобные вопросы взволновали научную общественность, которая стала обращать на них внимание. Результат известен: останки Императорской семьи были впоследствии обнаружены, эксгумированы, идентифицированы и погребены по-христиански. Не были найдены лишь два тела; согласно докладу Юровского, о котором мы упоминали, — это были тела

Алексея и Демидовой, которые были частично сожжены, а останки погребены под кострищем. Гиббсу доставило бы удовлетворение знать правду, помимо этой великой тайны, но она стала известна слишком поздно, чтобы он смог использовать ее в своей истории.

В письме к тетушке Кейт Гиббс сообщал:

«Когда мы находились в Екатеринбурге, военная обстановка быстро ухудшалась, и офицеры стали опасаться за судьбу города, в чем, однако, штабные чины не признавались. Но последовавшие события вскоре подтвердили эти опасения: едва мы вернулись в Омск, как был отдан приказ эвакуировать город. С того самого времени отступление продолжается, хотя не такими высокими темпами. Вся работа, проведенная Комитетом по расследованию, оставлена, и я сомневаюсь, что что-то сохранится после того, как большевики вновь захватят власть в этом регионе».

В своем письме он также сообщил о трогательной мемориальной панихиде, отслуженной 17 июля 1919 года, в годовщину гибели Царской семьи, исполнившей его глубокой скорбью. Из Омска поезд с англичанами направился назад в Иркутск, находившийся в двухстах сорока километрах на восток.

Тут Гиббсу вновь захотелось вернуться в Англию. Он обратился к Верховному комиссару с просьбой позволить ему уехать вместе с профессором Пейрсом по Карскому морю. Однако Элиот все еще нуждался в услугах Гиббса и не отпустил его, хотя и пообещал в конце октября обеспечить ему бесплатный переход на судне. Это обещание не было выполнено, и Сид продолжал пребывать в состоянии неопределенности и неуверенности. Он не был уверен в собственном будущем, неопределенность же была следствием интриг, касавшихся материалов, полученных во время Екатеринбургского расследования и попыток доставить их в безопасное место.

Подчас он, должно быть, чувствовал себя как секретный агент, поскольку Дитерихс и Соколов доверили ему информацию, которую считали опасной, а также вещественные доказательства, которые, по их мнению, находятся под угрозой похищения. Оба исследователя были убеждены в существовании германского следа в убийстве Романовых и в том, что неприятельские агенты стремятся уничтожить доказательства. Факты были достаточно красноречивы — все члены Семьи были расстреляны, однако остались вопросы без ответа, как указал Гиббс в своем отчете относительно расследования.

«Сведения, относящиеся к событиям, предшествовавшим преступлению, было труднее получить, чем таковые, которые относились к самой трагедии... Все еще предстоит показать, с какой целью большевики совершили преступление и не только отрицали этот факт, но и приложили такие усилия, чтобы скрыть последствия своего злодеяния».

Соколов был прав, заключив на основании полученных им данных, что убийства являлись не безответственным актом Уральского Совета, но были заранее одобрены Москвой. Что

касается немецкого следа, то обнаружить его было сложнее. Как Гиббс, так и Дитерихс полагали, что Борис Соловьев был немецким агентом. Подозревали еще одного сомнительного субъекта, известного под именами Марков, или Попов. В качестве Маркова он служил в одном из Императорских полков в Царском Селе и был сфотографирован в обществе Великих Князей, являвшихся их шефами. В качестве Попова он имел связи с Берлином, что после заключения Брест-Литовского мира помогло ему способствовать приезду ряда важных лиц. Этих господ видели в Тобольске, и оба они тайно отправляли Августейшим узникам письма с обещанием способствовать их освобождению. Несколько раз Соколов познакомил Гиббса с делом, которое он вел, настаивая на том, чтобы он передал информацию Верховному комиссару. Гиббс так и сделал, но оба решили, что дело слишком неясно, чтобы предпринимать какие-то шаги.

Между тем по всей Сибири сопротивление белых сходило на нет. В ноябре 1919 года сэр Чарльз Элиот был назначен послом в Японию, а его должность Верховного комиссара с резиденцией в Иркутске занял Майлс Лэмпсон. Однако менее чем через два месяца они уже ехали дальше на восток. В это время представительства многих союзных стран разрабатывали планы отъезда из России, и мрачные перспективы на будущее заставили Соколова и Дитерихса еще больше отчаяться в возможности благополучно вывезти из страны свои бумаги и материальные свидетельства. В русское Рождество 1920 года, которое по новому стилю празднуется 7 января, они еще раз посетили в Чите Гиббса. На этот раз они сообщили, что их жизни находятся в опасности из-за хранившихся у них «доказательств», касающихся убийств и связи немцев с большевиками. Они подготовили объемистое dossier, которое хотели передать Лэмпсону, хотя оно еще не было подписано и опечатано.

«Затем Дитерихс произнес: Есть один предмет, который я хочу передать вам сейчас, — и принес из своей комнаты шкатулку, обтянутую кожей вишневого цвета, которая некогда принадлежала Императрице. Превозмогая сильное волнение, генерал добавил: — Здесь находятся все их земные останки».

Время истекало, в полночь наш поезд должен был отправляться. Если мистер Лэмпсон согласится, то они обратятся с просьбой к американскому Генеральному консулу отвести в свой поезд, который должен отправляться на следующий день, чемодан с документами, и посадить в вагон мистера Соколова. Аккуратно упаковав шкатулку в дорожную сумку, я наскоро попрощался с генералом и вернулся на вокзал, где сообщил мистеру Лэмпсону о том, что произошло, и с его разрешения

закончил приготовления».

В тот же вечер генерал передал Гиббсу письмо, адресованное Лэмпсону:

«До последнего момента я хотел сохранить в моих руках и на территории России, в возрождение которой я по-прежнему верю, следственное производство по делу [убийства] Императорской семьи, т. е. важные факты, относящиеся к данному вопросу, и Останки Их Императорских Величеств, которые удалось обнаружить на том месте, где были сожжены Их Тела. Однако, судя по нынешнему обороту событий, для того, чтобы обеспечить сохранность этих Священных Останков, необходимо, чтобы они не были связаны с моей судьбой.

Я не могу покинуть Россию; немецкая ориентация читинских властей может заставить меня искать временного убежища в лесу. При таких обстоятельствах я, разумеется, не могу носить с собой Великие Национальные Священные Реликвии.

Я решил доверить Вам, как представителю Великобритании, хранение этих Священных Останков. Надеюсь, Вы поймете без моего объяснения, почему я хочу, чтобы они находились в Великобритании: у нас с вами один исторический враг; и зверское убийство членов Императорской семьи — злодеяние, неслыханное в истории, — является делом рук этого врага, которому помогали его пособники, большевики».

В письме также выражалось желание Дитерихса, если материалы не могут быть возвращены ему, передать их Великому Князю Николаю Николаевичу или генералу Деникину. В отдельной записке было указано: «В этой шкатулке, которая некогда принадлежала Ее Величеству Императрице, теперь хранится все, что сохранилось от останков сожженных тел, обнаруженных в шахте», — и верно названы имена лиц, которые были убиты вместе с Царской семьей.

В ту же ночь британский Верховный комиссар направил поезд в Харбин. Там Лэмпсон передал официальный доклад лорду Керзону, изложив в нем все, что сообщил ему Гиббс. Американский генеральный консул был задержан столкновениями между американскими и красными войсками в Верхне-Удинске, но в конце концов добрался до Харбина, и драгоценная шкатулка была передана ему, когда они с Соколовым отправились в Пекин. Несколько ящиков с материалами Дитерихса были переданы Британскому консулу в Харбине, когда 30 января Лэмпсон поехал в Пекин. Его штат был сокращен, однако Гиббс сохранил свою должность благодаря его знакомству с Царской семьей и знанию обстоятельств дела.

В феврале Лэмпсон, находившийся в Пекине, доложил обо

всех обстоятельствах дела в Лондон, обратившись с просьбой разрешить взять шкатулку и следственные документы на хранение, и стал ждать инструкций.

В марте пришел ответ: он был отрицательным. Соколов и Дитерихс, оба находившиеся в Пекине, были раздавлены этим известием, однако, на их счастье, они встретились с французским генералом Жаненом и обратились со своей просьбой к нему. Жанен заявил, что считает миссию, возложенную на него, «долгом чести по отношению к верному союзнику». Говорят, что шкатулка по-прежнему находится в семейном склепе Жанена.

Вскоре после этого работа британской Верховной комиссии в Сибири закончилась, а вместе с ней закончилась и служба Гиббса в ней. Его перспективы на будущее были столь же неопределенны, как и в 1901 году, когда он впервые прибыл в Санкт-Петербург.

Глава 11. Время для размышлений

НАКОНЕЦ-ТО ГИББС БЫЛ ВОЛЕН вернуться в Англию, но когда он столкнулся с этой проблемой, то обнаружил, что на смену тоске по родине появилась душевная тоска. Он вспомнил ту обиду, которую испытал Царь Николай II, узнав о реакции англичан на его отречение, радостные восклицания членов парламента, приветственную телеграмму последнего, адресованную Временному правительству, и разгул критики в адрес Царя в британской печати. Тот народ, которому он был так верен и ради которого принес столько жертв, буквально радовался его низложению. Именно родина Гиббса отказалась от своего предложения предоставить убежище Императорской семье; этого не случилось бы, если бы король Георг V проявил чуточку политического мужества или более искреннего сочувствия своим родственникам. Гиббс был свидетелем отчаянного призыва Императрицы о помощи, обратившись по ее просьбе с письмом к мисс Джексон. Теперь он своими глазами видел результаты невиданного злодейства — злодейства, которого можно было бы избежать, если бы...

Его личные мучения усугубил опыт, приобретенный во время работы в британской Верховной комиссии. В ноябре, объявив Белое дело проигранным, премьер-министр Ллойд Джордж предоставил белым сражаться в одиночку без дальнейшей помощи и поддержки. Гиббс переводил на русский официальные бюллетени для распространения их среди оказавшихся в тяжелом положении русских генералов, со многими из которых он был знаком лично. Ярче всего ему запомнилась драматическая полуночная встреча с Дитерихсом, когда убитый горем генерал передал ему шкатулку с «останками Их Императорских Величеств, которые удалось обнаружить там, где были сожжены их тела», вместе с письмом, поручающим Лэмпсону, как представителю Великобритании, «принять на сохранение эти Священные Реликвии». Лондон отверг даже эту скромную просьбу. Сид решил пока не возвращаться домой.

Он написал Винифред, что дела его не вполне улажены и что с возвращением придется повременить. Говоря, что дела его не вполне улажены, он недооценивал свое положение: Гиббс находился в состоянии столь же острого духовного кризиса, как тот, который он испытал в Кембридже. Эмоциональное потрясение, вызванное трагедией Царственных Мучеников и любимой ими России, было главной причиной кризиса. Второй же причиной он был обязан самому сэру Чарльзу Элиоту.

Элиот провел много лет на Востоке и служил в качестве вице-канцлера Гонконгского университета. Он написал капитальный труд, посвященный буддизму и индуизму в Индии, Китае и Японии. Книги еще не были опубликованы вследствие войны и официальных обязанностей Элиота, но они были готовы для издания, и он возил в поезде корректуру книги. У Гиббса вновь возродился интерес к восточной религии, и сэр Чарльз, довольный тем, что заполучил доброжелательного читателя, стал поддерживать этот интерес. Элиот был ученым и горячим поклонником восточных вероучений и философий, и после того как Гиббс прочитал монографию Элиота, они оба устраивали продолжительные и обстоятельные дискуссии.

Сэр Чарльз был увлечен существующим в Индии бесконечным количеством культов и их многочисленными почитателями, утверждавшими, что Индия является ведущей страной в духовной области, потому что «национальное сознание находит в религии свое излюбленное занятие и полное выражение». Его исследования привели к заключению, что «существует мало догм, известных богословам всего мира, которые не находились бы в руках многочисленных индийских сект». Единственное исключение, которое он обнаружил, — это христианское учение об Искуплении, или спасении через смерть Высшего Существа.

Однако из всех восточных вероучений наибольшее восхищение вызывал у Элиота буддизм. Его утверждение, что «основные принципы буддизма больше гармонируют с результатами научных исследований, чем постулаты христианского теизма», привлекло внимание Гиббса, как и сочувственное изложение Элиотом буддистского учения, согласно которому в людях не существует постоянной личности:

«Вы никогда не будете счастливы, если не осознаете, что вы в состоянии создать и преобразить свою душу... Все, что существует, имеет причину; причиной зла является похоть и жажда наслаждений, с чем можно бороться путем очищения своего сердца. Учение Готама заключалось в том, что до смерти человек может достичь блаженного состояния, в котором ему нечего страшиться смерти или возрождения».

Как нам известно, Гиббса давно привлекала восточная религия, теперь же она излагалась таким способом, что казалась еще более глубокой и одухотворенной, чем он представлял ее прежде. Он был очарован ею. Решение Гиббса остаться на Востоке так пришлось по душе сэру Чарльзу, что он употребил все свое влияние, чтобы обеспечить ему должность в китайской таможенной службе. Для этого пришлось постараться, поскольку познания Гиббса в китайском языке были ограниченными. Однако

его знание русского языка и опыт наверняка были бы полезны в это особенно напряженное время, а его способность к языкам должна была сослужить ему хорошую службу.

Гиббса назначили работать в Харбине, в Манчжурии; и он отправился в путь. Город этот являлся лишь одним из многочисленных пунктов Китайской таможенной службы, но он был уникален. Построив в начале XX века Китайско-Восточную железную дорогу, русские превратили убогую рыбацкую деревушку в важный коммерческий центр и узел связи. К 1904 году принадлежавшая Китаю система была соединена с Транссибирской железной дорогой, ведущей к Москве, а другая, стратегическая ветка — с Порт-Артуром. Харбин, к тому же, стал центром морской торговли, поскольку река Сунгари, на которой стоял город, являлась притоком могучей реки Амур, имевшей выход к морю, где процветала международная торговля. Почти половину месяцев в году, после того как сходил лед, Харбин функционировал также как международный порт. Когда Гиббс прибыл в Харбин, это был крупнейший русский город за пределами России, и в качестве такового он стал естественным убежищем для беженцев и сторонников Царя. Его великолепные православные храмы, магазины, базары, места развлечений, кафе — все, что мог предложить приличный русский город, — создавало дореволюционную атмосферу с аурой, просуществовавшей до 1970-х годов. Гиббс почувствовал там себя как дома и с удобством устроился в уютной, современной плавучей казарме, предоставленной ему таможенной службой. Должно быть, ему доставляло удовольствие быть окруженным водой, где он мог плескаться сколько угодно, не боясь навлечь на себя гнев сердитой домохозяйки.

ГИББС ВПЕРВЫЕ УВИДЕЛ этот город в мае 1919 года, когда британская Верховная комиссия направлялась на запад, в Омск. Их поезд сделал остановку в Харбине, и Гиббса отправили в «новый город», его русскую часть, за керосином для заправки электрической системы поезда. Выполнив это поручение, он отправился по своим делам и всю вторую половину дня бродил по китайскому городу, возвышавшемуся над рекой. О том, что увидел, он рассказал в письме тетушке Кейт:

«Такое впечатление, что они кишат повсюду, больше похожие на муравьев, чем на людей; но они такие веселые и сияющие, улыбающиеся и жизнерадостные, знающие и любознательные, тотчас обступающие тебя, как только ты остановишься. Их обычаи совершенно неординарные, они делают на людях то, что большинство людей делают без посторонних. Мне нужно было кое-что купить, и я зашел в лавку, где меня тотчас же стали

осаждать приказчики, которых было большое количество и которым было явно нечего делать. Они стали задавать мне много вопросов, особенно касательно японцев и их намерений относительно Шаньдуна. Они были чрезвычайно недоверчивы и, казалось, имели большой зуб против своих более удачливых собратьев.

Я получил большое удовольствие от своего первого знакомства с Дальним Востоком и его чудесной жизнью. Когда солнце опустилось, люди закончили работу и принялись ужинать прямо на улице».

Гиббса очень интересовало их меню, которое представляло собой «смесь разных блюд — одно было похоже на макароны из риса, другое на нечто вроде жидкой каши. И все, разумеется, пили чай из пиал — чашек без ручек». Он не успел заметить, как солнце начало заходить.

«Когда начали опускаться сумерки и то там, то здесь стали зажигаться огни, возникла очень красивая картина; слышался гул голосов, взрывы смеха многочисленных обывателей. Все улицы узки и полны народа, в них так и кипит жизнь, подобно тому, как это происходит с роем пчел или муравейником. Люди ходят чуть ли не по головам друг друга. Мне в конце концов пришлось поспешить на вокзал, чтобы не опоздать на поезд, который отправлялся в десять часов».

Первое поручение в качестве помощника таможенного инспектора заключалось в том, чтобы составить отчет о работе Китайской таможенной службы за последние десять лет. Вероятно, сперва он огорчился, решив, что ему придется листать страницу за страницей скучных бюрократических документов, но его ожидал сюрприз. Таможенная служба не была похожа ни на одну другую, поскольку она, хотя и осуществлялась англичанами, но являлась главным источником доходов Китайского правительства. История ее происхождения, как выяснил Гиббс, была полна приключений и интриг.

До середины XIX столетия китайские чиновники получали тарифы за морское судоходство, но система была дезорганизованной и коррумпированной, поскольку ставки сборов устанавливались по прихоти каждого чиновника. В 1853 году местная группа, называвшаяся Обществом малых мечей, восстала против этого узаконенного грабежа, ворвалась в шанхайскую контору таможенной службы и выгнала ее начальника. Его место тотчас заняли работавшие в городе западные коммерсанты, начавшие систематические операции, и китайцы, желавшие сохранить дружеские отношения с иностранцами, оставили бюро в руках англичан. После этого

таможенная служба не только стала главным поставщиком доходов в китайскую казну, но и нанесла на карту китайское побережье, организовала службу маяков, прибрежных и внутренних водных путей и, ко всему, впервые создала почтовую службу.

Разумеется, Харбин не был захудалым, заброшенным местечком; повседневные операции носили элемент приключений. Торговля шла в основном мехами, лесом, чаем, углем и иными предметами, однако из-за гражданской войны многие военные товары оставались на складах, и наживавшиеся на войне коммерсанты, жившие у границ Манчжурии, жаждали добраться до них. Какой бы невинной ни казалась этикетка на коробке, приходилось вскрывать и тщательно осматривать содержимое каждого из грузов — операция, которая могла оказаться опасной, если бы перевозчик воспротивился. Приходилось также разбираться с известными торговцами опиумом, ставшими использовать более обширные рынки благодаря сети железных дорог и водных путей. Поглядывали коммерсанты и на оружие, которое стало возможно заполучить.

Одной особенно горячей точкой был Манчжоу ли — город, расположенный на пересечении границ Манчжурии, России и Монголии. Это был важный таможенный узел на западной оконечности Китайско-Восточной железной дороги, где она соединялась с русской железнодорожной сетью. Гиббс регулярно ездил в этот город, с которым было сопряжено много проблем. Теперь консульство находилось в руках Советов, хотя большинство таможенных чиновников были сторонниками белых. Поэтому нетрудно себе представить враждебное отношение тех и других, проявлявшееся при каждой встрече. В довершение всего, китайцы не знали, каким русским следует доверять, и все кончилось тем, что они не стали доверять никому. Судя по документам, Гиббс в таких опасных ситуациях проявил себя как очень искусный дипломат и зачастую помогал белым русским, пытавшимся оказаться в безопасности в Манчжурии.

Существовали и опасности иного рода. В период с 1914 по 1920 годы между китайцами и монголами шла борьба за контроль над Манчжоу ли. Это была настоящая война, и всякий, кто вставал у них на пути, становился врагом. Одна из оставшихся в живых племянниц Сиды, Дорин Гиббс, вспоминала, как она, широко раскрыв глаза и рот, слушала дядю, когда тот рассказывал, как его спасла дружелюбная китайская семья; несколько недель она прятала англичанина от монголов, прочесывавших местность в его поисках. В другой раз он заблудился во время пурги и с трудом уцелел, прячась ночью в

расселинах скал или в пещерах и питаюсь обледеневшими плодами манго, которые он купил в Манчжурии. Чтобы растопить их, приходилось на них садиться.

В 1922 году в жизни Гиббса появился предприимчивый и находчивый молодой человек. Когда Георгий Савельев появился в его поле зрения, ему было пятнадцать лет — [почти] столько же, сколько было Цесаревичу, когда он погиб. Он был уроженцем Москвы, и когда отец по работе был вынужден поехать на Дальний Восток, то вместе с родителями он прибыл в Шанхай, где был принят на пансион в школу св. Ксавье. Благодаря своему уму и мужеству, он сумел закончить обучение даже после того, как его родители пропали без вести в послереволюционном хаосе, и он не успел внести плату за обучение.

Подросток увлекался судами и морем и большую часть дня проводил в гавани, повсюду суя свой нос, узнавая и разглядывая все, что возможно. Однажды ему довелось побеседовать с капитаном русского рыболовного судна, нагруженного сельдью, который не мог выйти из порта, потому что не была уплачена пошлина. Поскольку Георгий бегло говорил и по-русски, и по-китайски, офицер попросил его помочь сбыть свой груз на местном рыбном рынке. Операция оказалась успешной, и мальчик получил в качестве комиссионных достаточно денег, чтобы уплатить за обучение. После этого мальчик отправился в Харбин, рассчитывая обосноваться в этом русском городе.

Он впервые встретил Гиббса в одной из антикварных лавок, в которые тот любил заглядывать. Возраст подростка и трудное положение, в котором тот оказался, привлекли внимание Гиббса, и он нашел для Георгия должность в компании, торгующей мехом, — должность, которая могла соответствовать его смелой натуре. Все годы, в течение которых Гиббс служил Царской семье, и последующий период он предпочитал, когда это было возможно, жить одному. Но теперь он изменил правилу и впустил Георгия в свое плавучее жилище. Это пришлось по душе Савельеву, и тот организовал отряд морских разведчиков, которые вскоре занялись серьезным делом.

Гиббс, с привычной для него щедростью, дал займы крупную сумму некому жителю Харбина, приходившемуся родственником умученному вместе с Царской семьей повару Харитонову, так что этот господин смог арендовать местный театр. Однако условия аренды не выполнялись, и теперь владелец театра угрожал отобрать у него помещение, а это означало, что Гиббсу не удастся получить назад свои деньги. При всей его щедрости Гиббс не собирался отступать без борьбы. Он написал своему брату Артуру, который был управляющим банком в Индии, и попросил

его совета. Он с огорчением узнал, что наилучшее решение проблемы в здешних местах — это захватить здание и поднять на нем британский флаг. Зато Георгий ничуть не огорчился. Именно такого случая и ждали его морские разведчики. В течение довольно длительного времени они занимались тем, что перестраивали китайскую джонку в шхуну. Она была закончена в срок, так что они сумели ввести судно в док неподалеку от театра, высадиться на берег, взять здание штурмом и захватить кассу.

Гиббс провел в Харбине семь увлекательных лет, наполненных несколько рискованными приключениями и приятной светской жизнью. Уже начиная с 1924 года, он начал получать вопросы относительно членов Царской семьи, которые могли уцелеть после убийства Царя и его близких. К нему обратилась лондонская адвокатская фирма Чарльза Рассела с просьбой опознать даму на вложенной в конверт фотографии. Гиббс отправил осторожный ответ, выразив нежелание говорить о делах Императорской семьи. Правда, он отметил, что есть некоторое внешнее сходство с Татьяной Николаевной, хотя ее глаза (наиболее характерная для нее черта) были в тени, а руки чересчур велики и широки. Когда же друзья и родственники стали бомбардировать его статьями, в которых рассказывалось то об одной, то о другой особе, утверждавшей, будто она уцелевшая Великая

Княжна, и просили его выразить свое отношение к этому, Гиббс предпочел придерживаться политики вежливого молчания.

Несмотря на возобновившийся интерес к буддизму, Гиббс часто посещал русскую церковь и подружился с клиром и несколькими прихожанами, которые испытывали к нему особенное уважение благодаря его знакомству с Царской семьей. Он удивился и обрадовался, когда его попросили перевести на английский несколько православных служебных книг, и сказал, что попытается это сделать. После этого он посвятил предложенной работе много времени и сил.

Хотя эти годы принесли ему немало приятных минут, все же они сказались на его здоровье. В 1919 году он жаловался Винни:

«За два последних года я очень постарел и чувствую себя совсем не таким, каким был четыре года назад. Вне всякого сомнения, хороший отдых мне бы не помешал. Настоящего отпуска у меня не было с начала войны, когда меня вызвали из Англии в Царское Село».

Впоследствии он испытал еще больше тревог и разочарований, а также подвергался опасностям и трудностям, связанным с его новым положением, и стал ждать полноценного

отпуска для поездки домой, который ему были должны предоставить в начале 1928 года для поездки домой.

Между тем Гиббс успел совершить паломничество в Пекин с целью поклониться могиле, где были погребены останки нескольких членов Императорской Фамилии после того, как генерал Дитерихс, с большой опасностью для себя, привез их из Сибири и передал Русской Духовной миссии.

18 июля 1918 года, в ночь после Екатеринбургского злодеяния, еще одна группа Царственных узников была выведена из тюрьмы в Алапаевске под тем предлогом, что их увозят в безопасное место. Великую Княгиню Елизавету Феодоровну, сестру Государыни Императрицы и основательницу женского монастыря в Москве, ее преданную подругу, монахиню Варвару, Великого Князя Сергея Михайловича, князей Иоанна Константиновича, Константина Константиновича, Игоря Константиновича и Владимира Палей, а также нескольких их слуг сбросили живыми в глубокую шахту, швырнув вслед гранаты, чтобы их прикончить.

Единственным сообщением об этом убийстве в течение десятилетий служил рассказ некоего крестьянина, который оказался поблизости от места казни и спрятался, услышав, что приближаются подводы. Связанные, с завязанными глазами, узники пели религиозные гимны. Объятый ужасом, крестьянин наблюдал, как их одного за другим сбрасывали в шахту и вслед метали гранаты. Он слышал их стоны и негромкое пение, доносившееся со дна шахты. Если бы не свидетельство этого крестьянина, то тела жертв, возможно, так и не были бы найдены.

Три месяца спустя эта территория была занята белыми войсками, и было предпринято расследование преступления. Когда останки были подняты на поверхность, то увидели, что страшная рана на голове князя Иоанна Константиновича была перевязана платком Великой Княгини Елизаветы Феодоровны. Из официального доклада Рябова, главного убийцы, предстает полная ужаса картина преступления:

«Мы подвели Великую Княгиню Елизавету к шахте. Сбросив ее вниз, мы слышали, как она некоторое время барахтается в воде. Вслед за ней мы сбросили ее помощницу монахиню Варвару. Мы снова слышали плеск воды и голоса обеих женщин. Стало ясно, что, выбравшись из воды, Великая Княгиня вытащила оттуда и монахиню. Но, не имея иного выбора, мы сбросили туда и мужчин.

Никто из них, вроде бы, не утонул и не захлебнулся в воде, и через короткое время мы смогли слышать голоса почти их всех.

Тогда я бросил гранату. Она разорвалась, и все стало тихо.

Но не надолго.

Мы решили немного подождать, чтобы убедиться, что все погибли. Вскоре мы слышали, как они разговаривают, и едва слышный стон. Я бросил еще одну гранату.

И что вы думаете? Из-под земли послышалось пение! Меня охватил ужас. Они пели молитву: „Спаси, Господи, люди Твоя!“

Гранат у нас больше не было, но нельзя было оставить дело незаконченным. Мы решили набросать в шахту сухого валежника и поджечь его. Какое-то время их песнопения все еще пробивались сквозь плотный дым.

После того как в шахте затихли последние звуки, мы оставили несколько наших людей дежурить у шахты и с первыми лучами солнца вернулись в Алапаевск и тотчас стали бить в большой колокол собора. Услышав набат, сбежался почти весь город. Мы всем сообщили, что Великих Князей увели с собой какие-то неизвестные лица».

Гробы с телами убиенных были помещены в склеп в кладбищенской церкви при Русской Духовной миссии, находившейся в пятнадцати минутах езды на рикше от нее. По приезде в Англию Гиббс описал свой визит

в трогательном письме сербскому министру в надежде получить финансовую помощь для поддержания крипта в надлежащем виде:

«Во время своего визита я имел беседу с Преосвященнейшим архиепископом Иннокентием, престарелым и ученым прелатом, который возглавлял Русскую Духовную миссию в Пекине в течение тридцати лет...

У него также было желание прикрепить к церкви священника, чтобы тот регулярно проводил службы и произносил молитвы за упокоевание душ убиенных, но желание это осуществить не смог. По моей просьбе архиепископ отправил со мной священника, чтобы тот отслужил в гробнице панихиду, на которой я присутствовал. Иждивением набожной вдовы богатою русского торговца чаем из Ханькоу в крипте была укреплена красивой работы лампада, но по той же причине [бедности] она горела не постоянно».

Когда настало время отплытия в Англию, Гиббс предложил Георгию поехать вместе с ним и учиться в Кембридже. Но юноше был уже двадцать один год, так что подобная перспектива его не слишком увлекала. Поэтому Гиббс нашел иной выход. В Австралии у него были родственники, владельцы фермы по выращиванию овец, и Георгий решил отправиться на Зеленый континент, а Сид, заехав на Филиппины, отправился домой. В Маниле его свалил приступ желчекаменной болезни,

осложнившийся инфекцией. Он направил телеграмму Георгию, который тотчас же приехал и ухаживал за страждущим три долгих месяца. Когда Гиббс поправился, Георгий вернулся в Австралию. До самой смерти Гиббс считал его своим спасителем. Пытаясь отплатить долг, Гиббс усыновил молодого человека и назначил его своим наследником.

Этот период вынужденного безделья в чужом краю дал Гиббсу возможность заглянуть внутрь себя и почувствовать духовную жажду, все еще неутоленную, несмотря на многочисленные попытки найти ответ на главные вопросы. Он ценил свое близкое знакомство с Царской семьей и искренне восхищался их глубокой верой, однако их религия все-таки казалась ему чуждой и экзотической — в конце концов он родился англичанином. Восторженные восхваления Элиотом восточной религии подействовали на Гиббса, однако чем больше он приближался к дому, тем чаще начинал задумываться о том, не слишком ли он поспешил со своим юношеским отрицанием богословия? Не слишком ли черствым оказался, чтобы по достоинству оценить то, что было так щедро даровано ему? Находясь в таком состоянии неуверенности и самобичевания, он решил вновь пойти по первому пути, с которого некогда свернул: возобновить свое богословское образование и посвятить себя призванию, которого ждал от него отец да и вся семья.

Близкие так обрадовались приезду Сиды, словно он вернулся с того света. В течение нескольких следующих месяцев он наслаждался их нежным отношением к себе, в то же время ненавязчиво отказываясь от их настойчивых просьб продать свои фотографии и рассказы о пережитом. Винни и ее муж-священник сердечно приветствовали его в стенах своего дома в Ли Марстон. Гиббс воспользовался их гостеприимством, чтобы как следует отдохнуть впервые за многие годы. Все родные обрадовались, когда в сентябре 1928 года он отправился в Оксфорд и стал готовиться к посвящению в духовный сан в колледже св. Стефана.

Это был первый, но не последний богословский колледж такого типа, созданный при университете. Давно стала очевидной необходимость что-то предпринять, чтобы внести коррективы в ухудшившийся в конце XIX века уровень теологического образования, что, как мы успели отметить, способствовало отрицательному отношению Гиббса к этой дисциплине. Колледж св. Стефана был основан выдающимися представителями Трактарианского движения, соответственно, имел англо-католическую ориентацию, и по этой причине «колледж никогда не пользовался симпатиями правящей элиты».

Однако именно такая атмосфера была нужна Гиббсу. Он

получил доступ к лучшей в Англии библиотеке духовной литературы и принялся досконально изучать труды отцов Церкви. По сути, его вдохновила просьба о помощи от Анны Александровны, одной из его прежних коллег, достать для нее экземпляры тех «великолепных книг» на русском языке. Но, несмотря на интеллектуальное и духовное окружение, Сид по-прежнему ощущал себя чужаком и, как он признался одному из своих друзей, ему не оказывали ни помощи, ни поддержки, когда он задумывался над духовной карьерой.

Гиббсу привелось возобновить свою учебу в очередной период брожения в церкви. Шел разговор о пересмотре текста молитвослова. Была создана специальная литургическая комиссия, перед которой была поставлена задача пересмотреть главный служебник англиканской церкви таким образом, чтобы удалить из него архаизмы, в то же время не нарушая ее теологические принципы и традиционное величие. После нескольких месяцев трудов и обсуждений спорных вопросов возник вариант, получивший единодушное одобрение членов комиссии. Однако текст следовало представить на предмет одобрения парламенту, члены которого, даже не христиане и тем более не члены англиканской церкви, принялись обсуждать и кромсать его. Пересмотренный текст был отклонен в 1928-м, а затем в 1929 году, однако наибольший ущерб престижу церкви нанес сам тон общественных споров. Одним из главных возражений было содержание молитв об усопших — вопрос, который особенно трогал Сиду. Проучившись два семестра, он снова осознал, что рукоположение в священники англиканской церкви — это не его призвание.

Гиббс по-прежнему числился служащим Китайской таможенной службы и в 1929 году был обязан вернуться на службу из отпуска, хотя в разговоре с Винни и другими лицами признался, что жить в Китае ему больше не нравится из-за возникшей там ситуации. И все же он вернулся в Харбин в конце 1929 года, а затем, после непродолжительного отпуска, проведенного в Англии, — в 1931 году. На этот раз он убедился, что трудности заметно возросли.

В это время Япония была наиболее развитой в промышленном отношении из всех дальневосточных стран державой и встала на путь экспансии, обеспечив себе надежный форпост в Манчжурии. Однако после того как китайская националистическая партия (Гоминдан) преодолела слабый пекинский режим, Китай также находился на подъеме. Как коммунисты, так и националисты жаждали вновь овладеть контролем над Манчжурией. Японцы не собирались допустить

этого и усилили свое военное присутствие в регионе. В середине сентября 1931 года начались военные столкновения между китайскими националистами и японским гарнизоном Мукдена. Хотя конфликт вспыхнул спонтанно, японское правительство тотчас направило достаточное количество подкреплений, чтобы разгромить более слабых китайцев.

В 1932 году Япония предприняла полномасштабное вторжение в Манчжурию, и Чарльз Гиббс, которому оставалось три месяца до ухода в отставку, снова оказался на другом конце света и без работы.

За последние несколько лет Гиббс очень много думал о вопросах религии. Поэтому в 1931 году, после кончины сэра Чарльза Элиота, Гиббс, который не признавал полумер, возможно, почувствовал себя обязанным почтить память своего наставника или хотя бы попытаться изучить его взгляды. Именно здесь он и мог это осуществить. Покров тайны скрывает то, что произошло с ним за год, проведенный в синтоистских святилищах Японии. В то время синтоизм считался официальной религией Японии, хотя вряд ли его можно назвать религией. Скорее всего, он представлял собой систему морального порядка в вопросах, касающихся правления, семьи и социального поведения. Как писал Элиот, японцев можно считать религиозным народом, «если воспринимать религию как преданность понятиям за пределами существования индивида, готовность пожертвовать ей земное благополучие и саму жизнь, более того — как стремление к такой жертве, как подлинную цель человеческой жизни». В конце того года Гиббс находился в состоянии глубокой депрессии. Возможно, порядок и церемониальный этикет святилищ в известной мере подействовал на него успокаивающим и поучительным образом, однако это спокойствие дало ему возможность более основательно обдумать природу духовной жизни, которую он так долго стремился культивировать. Ему показалось, что единственным результатом пятидесяти восьми лет полной тяжких трудов жизни был крах. Его богословские занятия — как прежде, так и теперь — и только что завершленное приобщение к синтоизму были не более чем песок, рассыпавшийся у него в пальцах. Даже счастливые годы общения с Императорской семьей, его старания помочь белым во время войны и, наконец, его работа в китайской таможенной системе — все это завершилось крахом. Он не мог найти цели своих поисков; ему казалось, будто между ним и преходящей действительностью, которую он стремился познать, существует некая непроницаемая преграда. Да и существует ли возможность жить духовной жизнью? Где ее можно найти? Как можно стать ее частью? Куда

это приведет? Сид признавался Винни, что он чувствовал себя «очень подавленным».

И все же, с грустью думая о таких проблемах, он признавал, что во всей его жизни ничто не было столь возвышенным и значительным, как свидетельство смиренной веры, набожности и мужества, проявленных Императорской семьей, которую он любил и которой служил. Внезапно он увидел истину, которую они доказали своей жизнью: вся их надежда была возложена на Источник Силы, Которая сохраняла в них радость, несмотря на удары судьбы, унижения, преследования, которым они подвергались, несмотря на то, что тела их были уничтожены сильными врагами, ополчившимися против них, — врагами, которых они простили.

Он вспомнил молитву в стихах, сочиненную графиней Гендриковой, которая сама стала мученицей. Эту молитву Царская семья читала вместе по мере того, как над ними все больше сгущались тучи. Великая Княжна Ольга Николаевна перевела ее на английский и попросила Сиду проверить грамматику и орфографию, и Гиббс сохранил ее экземпляр среди своих бумаг.

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.
Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейство ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.
И в дни мятежного волненья,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленья,
Христос Спаситель, помоги.
Владыка мира, Бог вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый страшный час.
И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов.

Гиббс присутствовал при рождении великой тайны, которую он лишь теперь смог понять. Озаренный своим открытием, он поспешил в Харбин, чтобы приобщиться к святой православной вере.

Глава 12. Наконец-то дома

В АПРЕЛЕ 1934 года Гиббс начал приобщаться к православию, и хотя благодаря своему образованию и опыту он приобрел достаточно духовных знаний, всему этому было необходимо придать новое измерение. Но вскоре он был готов для миропомазания — торжественного чина посвящения Православной Церкви. К этому он готовился, каясь во всех грехах, которые мог вспомнить, начиная с юношеских лет, а затем публично отверг прежние свои ошибки и лжеучения и объявил о приверженности Святой Православной Кафолической Церкви, на коленях прочитав Символ Веры. После этого он был помазан священником, который нанес ему святым миром знак креста на лбу, глазах, ноздрях и губах, на обоих ушах, груди, руках и ногах, запечатывая все даром Святого Духа. При крещении Гиббс получил имя Алексей в честь Цесаревича.

Когда Гиббс начал постигать полноту православной жизни, на счастье англичанина, его наставником стал архиепископ Камчатский и Петропавловский Нестор [Анисимов]. Он был первым миссионером, окормлявшим жителей ледяных пустошей Камчатки. Сталкиваясь

с невероятными трудностями и опасностями, он проповедовал Евангелие жившим в невежестве и нищете язычникам. В 1921 году он прибыл в Харбин в числе многих белых, бежавших от Красного террора. Здесь он с той же энергией, опираясь на свой опыт, принялся создавать для эмигрантского сообщества пункты питания, детские приюты и госпитали. Ко времени приобщения Гиббса к православию он был возведен в сан архиепископа.

Опыт, приобретенный Гиббсом в Манчжурии, хотя его нельзя было сравнить с опасностями, которым подвергался миссионер Нестор, позволил ему оценить труд монаха, подвизавшегося в одиночку в стылых краях. Они подружились, и архиепископ стал духовным отцом Гиббса. Он даже показал новообращенному реликвии его Камчатской миссии. Среди них была записка отца Иоанна Сергиева, впоследствии ставшего св. Иоанном Кронштадтским:

«Передайте камчатскому миссионеру (я не знаю его монашеского имени) этот комплект одеяний. Да поможет ему Господь. Передайте также ему эту бутылку и скажите, что в течение моей жизни я выпил больше половины ее содержимого. Он должен выпить остальное. Только пусть он все выносит терпеливо. Да благословит его наш Господь Бог и дарует ему

спасение».

Розового цвета одеяния были протерты до дыр, а бутылка с хересом пуста.

Наконец-то Гиббс получил утешение для своей «страждущей души», о котором упоминала Государыня в своем Рождественском стихотворении. Он приобщился к Церкви и обнаружил там Бога Живого, пребывающего среди Своего народа более ощутимо, чем это происходило с первым Израилем, когда Он явился в столпе дыма и огня. Центром средоточения этого духовного пространства являлось празднование Высшего Таинства — единения Господа с Его народом, Его готовности приобщить человека к Своей жизни вечной. Встреча эта нанесла решительный удар по прежнему представлению Гиббса, будто абсолютный, надличностный Бог удовлетворяет в большей степени интеллектуальные и духовные потребности человека. Он нашел все, что искал с момента своего разочарования рационализированным христианским учением, преподававшимся в Кембридже, и утонченным, но в то же время самодостаточным мистицизмом восточных вероучений.

Как обычно, Гиббс попытался объяснить свои чувства Винни. Он чувствовал себя лучше — «почти так, как чувствуешь, возвращаясь домой после долгого путешествия». Позднее он сказал сестре, что та найдет много близкого ей в православных обрядах и катехизисе. «Только, — добавил он, — я нахожу, что православные каноны богаче».

Если Гиббс и боялся новой конфронтации с богословием, то, к его удивлению и радости, эти страхи быстро улеглись, когда он понял, что истина, предлагаемая Православной Церковью, — это не система догм или набор интеллектуальных умозрений, с которыми соглашается разум, а предложение связи, дружбы и живое присутствие Иисуса Христа, Который не просто существует, но и дарует религиозному сообществу саму Свою жизнь. Более того, великие темы веры звучали в прекрасных словах молитв и песнопений совсем в ином ключе, они звучали, как гимн, и от этой музыки Гиббс испытывал особую радость до конца своих дней.

Другим поразившим его постулатом было обещание жизни — не неопределенной жизни в потустороннем мире, а новой жизни, начинающейся сейчас же в Царстве Божием, созданном и возрастающем здесь, во владениях врага (каковым стал наш мир тогда, когда наши праотцы согрешили и позволили сатане стать князем мира сего).

Принадлежность к Царству Божию не достигают путем перерождения — его обретают те, «которые ни от крови, ни от

хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились» (Иоанн, 1:13). И эти Божьи чада, будь то младенцы, дети, отроки или взрослые, с любовью принимаются в лоно Церкви, когда они начинают приобщаться к Богу. Theosis, или обожествление, — церковный термин, обозначающий это восхождение и приобщение к утраченному нами наследию, восстановление нашего искаженного облика и достижение богоподобия, — является основой православного вероучения. Эта доктрина была близка буддистскому представлению о «переделке» души, столь близкому Гиббсу. Гиббс никогда не переставал восторгаться представлением Православной Церкви о союзе между Богом и человеком через Евхаристию, или Святое Причастие, даже в последующие годы, когда, став священником и совершая Таинство, он пользовался услугами только певчего. Его первой реакцией на Тайную Вечерю было изумление поразительной красотой чина в сочетании с его обезоруживающим смирением. Верующие богато украшали храмы, священники облачались в великолепные одежды и, встречая Царя царствующих, зажигали свечи, кадили ладаном, несли хоругви, причем процессия была особенно торжественной. Однако жертва Всецарю была обыкновенным хлебом и вином, которые ели во время обычной трапезы. Хлеб пекли в семейной или монастырской печи, а вино изготовлялось известным, связанным с трудом, способом: надо было обработать почву, снять урожай, раздавить виноград, который должен добродить, и так далее. Но благодаря необъяснимому Таинству скромные земные дары Духом Святым претворяются в Тело и Кровь Христову и, подобно тому, как много веков назад Бог делал это в Иерусалиме — Он Сам приходит, чтобы служить Своим гостям. Красота этого Таинства захватила Гиббса, и он решил провести остаток своих дней, черпая силы и вдохновение из этого Источника. И снова он не допустил никаких полумер.

Видя его рвение, архиепископ Нестор стал направлять Гиббса на тот путь, который должен был привести его к иночеству, а затем священническому сану, и стал оказывать помощь, когда тот стал делать первые шаги. Став кандидатом в священники, брат Алексей погрузился в изучение работ святых отцов — «Лествицы» и «Добротолюбия». Много часов он провел в молитве и изучении самого себя, сожалея о годах, истраченных напрасно, в поисках иных путей к Богу. Постепенно он понял, что духовная жизнь присуща не одним лишь монашествующим, священству или иным «специалистам». Что с ней связаны не только «возвышенные» проблемы, но любой аспект повседневной жизни, существующей в общении с Богом, поэтому даже чистка картофеля может быть

столь же духовным занятием, как писание иконы.

Однако монашествующие пытаются жить духовной жизнью более интенсивно, чем христиане-миряне. В Православной Церкви нет религиозных орденов, как на Западе; в ней существует единый порядок, которым руководствуются все иноки и инокини, независимо от того, живут ли они в общежитии или же в одиночку ведут борьбу за то, чтобы подавить в себе такие страсти, как чревоугодие, похоть, лень, гордыня, зависть, гнев и скупость. Поскольку не хлебом единым жив человек, то монашествующие соблюдают строгий пост и совсем не едят мяса. Так как на небесах браков не бывает, то они избегают такого рода связей и всего, что к ним относится. Поскольку люди должны искать прежде всего Царствия Небесного, то они предпочитают материальную бедность и следуют наказу апостола Павла молиться непрестанно. Для монашествующих возлюбленным является Бог, и каждое их действие — это акт, совершенный в духе жертвы любви.

Вдохнув этот свежий ветер, брат Алексей начал понимать цель своей собственной миссии, которая могла оказаться столь же трудной, как и та, которую в одиночку выполнял на Камчатке архиепископ Нестор. Россия, которую он знал и любил, лежала, окровавленная, в руинах, лишенная своего величия, однако он нашел сокровище, которое мог увезти с собой и взрастить у себя на родине.

Задача предстояла не из легких. Он знал по собственному опыту, полученному в Кембридже и Оксфорде, а также от общения с интеллигенцией Санкт-Петербурга, англичанами и представителями других западных держав, что православная вера подвергается насмешкам в этих кругах, как суеверная и наивная. Даже такие друзья и приближенные Царской семьи, как Лили Ден и Пьер Жильяр, в своих мемуарах выражали подобные взгляды. Набожные христиане, в особенности на Западе, пришли к тому, что стали судить о религии с точки зрения социального и политического прогресса, которому она способствовала, — прогресса, который в большей степени зависел от усилий человека, чем от Бога. Напротив, православные серьезно относятся к призыву «отбросить все земные заботы», когда речь идет о встрече с Всецарем, и их упор на духовность, а не на материальное благосостояние западные христиане считают нелепым.

Гиббс желал также «хранить добрую память» о Царской семье. Эти Мученики открыли ему глаза, и он был перед ними в долгу, однако отовсюду он слышал слова поношения и насмешки в их адрес. Немногие сторонники Царской семьи публиковали свои

воспоминания о ней, но их страстные слова оправдания и защиты почти не оказывали влияния на общественное мнение, недружелюбно настроенное к Царственным Мученикам. Никакие аргументы или горячие призывы не могли разубедить клеветников семьи Романовых. Однако у Гиббса созрел иной план — план, который потребует полного самоотвержения, к которому он был готов.

В декабре 1935 года, после того как Гиббс принес надлежащие обеты, архиепископ Нестор возвел его в монашеский чин. Впоследствии, ближайшей весной, Гиббс рассказал в письме Винни об этой церемонии. Облаченный в длинное белое одеяние, означавшее его погребальный саван, он встал в центре наполненной народом церкви. Два архимандрита встали по бокам и, положив одну руку ему на шею, а второй взяв его за руку, закрыли его складками своих одежд, нагнули как можно ниже и повели к архиепископу, сидевшему возле алтаря. Алексей чувствовал, как расступалась толпа, давая ему дорогу, хотя видел только пол.

Когда они подошли к ступеням пред Царскими воротами, он поклонился до земли; затем его подвели к архиепископу, который должен был выстричь ему тонзуру. Церемониальные ножницы лежали на открытом Евангелии. Архиепископ трижды попросил передать их ему, и трижды посвящаемый протягивал ножницы и целовал ему руку. В третий раз князь Церкви, взяв прядь волос, выстриг их сначала в одном направлении, затем в поперечном, в виде креста. После этого Гиббса облачили в священные монашеские одежды и нарекли Николаем в честь Царя. Многие из прихожан плакали, хотя сам Гиббс «не плакал, но был переполнен чувствами». После церемонии посвящения он всю ночь бодрствовал в церкви. В этом же году он был рукоположен в диакона, а затем в священника и стал отцом Николаем.

Все это время вместе со своими наставниками он обсуждал планы основания в Англии монастыря. В 1931 году, когда Георгий приехал из Австралии, Гиббс находился в краткосрочном отпуске. После серьезных дискуссий с молодым человеком относительно его будущего Гиббс устроил его на ферму в Стормуте, в графстве Кент, неподалеку от Кентербери. Главное здание было массивным и живописным и окружено различными строениями. Здесь Георгий выращивал малину, крыжовник, яблоки и груши и даже держал несколько свиней. Отец Николай намеревался использовать ферму как базу для монастыря, и, поскольку монастырю нужен игумен, после очередной торжественной церемонии его возвели в этот сан.

С благословения архиепископа отец Николай отправился на

родину, получив особое наставление остаться на год в Русской Православной миссии в Иерусалиме, чтобы поближе познакомиться с организацией монастырской жизни в Святом Городе. Миссия была создана в конце XIX века для того, чтобы заботиться о нуждах множества паломников, ежегодно прибывавших туда из России. Для всякого благочестивого пилигрима это длительное, в несколько сотен километров, странствие пешком — странствие, сопряженное со множеством трудностей и лишений, которые нам трудно себе представить, — являлось достижением мечты всей его жизни. Все страдания забывались, когда люди оказывались в святых местах, связанных со Страстями Господа нашего, Его Распятием,

Воскресением и Вознесением. После 1917 года русские паломники сюда больше не приходили, но здесь оставалось достаточно монахов и монахинь, чтобы поддерживать жизнь монастырей и храмов. Здесь же были погребены тела Великой Княгини Елизаветы Феодоровны и инокини Варвары. Отец Николай целиком погрузился в эту жизнь.

Ни одно из возвышающих душу событий последних нескольких лет не подготовило отца Николая к ситуации, создавшейся в Стормуте, куда он прибыл в 1937 году. Георгий довольно успешно вел фермерское хозяйство, но оно требовало много труда и поглощало почти все его время. Большая проблема заключалась в том, что он обзавелся семьей, которую не устраивало введение монастырского режима. Были нарушены порядки, существовавшие на кухне и в столовой, гостиная превратилась в часовню, где ежедневно отправлялись службы. Отец Николай оставил за собой помещение, где прежде сушился хмель. Он превратил его в келью, куда удалялся для сна, молитвы и богомыслия. Однако, несмотря на все усилия, представители двух образов жизни так и не смогли найти общий язык. Жизнь молодой семьи была чересчур бурна и непредсказуема, давая о себе знать то излишествами, то столкновениями. Присутствие отца Николая создавало атмосферу строгости, которая заставляла всех сильно напрягаться.

Через несколько месяцев Гиббс стал пробовать иные варианты, хотя и оставил хмелесушилку для себя на все то время, пока Георгий работал на ферме. Его старший сын Чарльз, по его словам, любил заходить к отцу Гиббсу, потому что домику с конической крышей были свойственны особый аромат и таинственность и потому что его приемный дед рассказывал ему разные истории и читал про путешествие натуралиста на корабле «Бигль».

Приблизительно в это время отца Николая пригласили

погостить в Уолсингхем, где его близкий друг, преподобный Альфред Хоуп Паттен, наблюдал за ремонтом англиканской церкви-святилища. Начиная со средневековых времен, храм Богоматери Уолсингхемской привлекал к себе паломников со всей Англии, а также и Европы. Пилигримы продолжали прибывать, и в 1931 году члены англиканской церкви построили для них специальный храм, который расширили в 1938 году.

Отец Хоуп Пагген показал отцу Николаю место, где он намеревался «на лестничной площадке южного придела устроить уголок с иконами», но после того, как они оба осмотрели его, отец Николай убедил своего друга, что «места достаточно для того, чтобы устроить небольшой православный домовый храм, если врезать в иконостас две двери». При поддержке англиканского администратора храма-святилища брата Файнс-Клинтона отец Николай спроектировал иконостас таким (изогнутым) образом, что оказалось достаточно места для Царских врат. Правда, для дверей с иконами Архангелов места не хватило, но поскольку иконостас был достаточно удален от восточной стены, то священники могли беспрепятственно входить и выходить из алтаря. Когда в 1938 году происходило освящение храма-святилища, на нем присутствовали архиепископ Нестор и отец Николай. На следующий день в храме была отслужена православная литургия.

В то же время возник план (автором которого, вероятно, был отец Николай) построить православную церковь рядом с храмом-святилищем, но началась война, и внимание Церкви было направлено на другие цели. В 1944 году, когда сооружение иконостаса было закончено, храм освятил архиепископ Савва Гродненский из Польской Церкви в изгнании. Вплоть до кончины архимандрита Давида существовала небольшая келья, где жил монах, присматривавший за церковью. Брат Леон до сих пор надзирает за ней, и во время каждой службы поминаются имена отца Николая и архиепископа Саввы, как основателей храма.

Однако в 1938 году отец Николай понадобился в Лондоне; митрополит Серафим (Лукьянов) закрепил за ним приход св. Филиппа, что на улице Букингемского дворца, — здание, предоставленное православным представителями англиканской церкви. Здесь возникли кое-какие нелады после того, как стало очевидным укрепление большевиков. Русская Православная Церковь Англии разделилась на две группы. Одну составляла Русская Церковь в изгнании, в то время как вторая находилась под юрисдикцией митрополита Евлогия, экзарха Западной Европы, со штаб-квартирой в Париже. В то время отношения между обеими группами были довольно дружественными, так что

обе конгрегации проводили службы поочередно по воскресеньям.

Митрополит Евлогий был главной фигурой в этот период, отличавшийся разбродом в церковных делах. Продолжительная и невеселая эта история слишком сложна, чтобы вдаваться в подробности, и причины многих решений и расхождений неясны. Вкратце все сводится к следующему. В 1920 году Патриарх Тихон издал в Москве указ, разрешающий русским православным епископам принимать самостоятельные решения при управлении своими епархиями, так как в тогдашних условиях он не мог осуществлять надлежащее наблюдение. В следующем году в Карловцах (Югославия) состоялся Собор двенадцати епископов, на котором был создан Синод с целью осуществления верховной церковной власти и палата управления для выполнения задач, какие подразумевает ее название.

Все стороны, включая Патриарха, казалось, были удовлетворены.

Неожиданно в 1922 году Патриарх Тихон, который стал пленником большевиков, распустил палату управления и поручил митрополиту Евлогию разработать новый план. В том же году он был предложен на собрании Карловацкого Синода. Возможно, потому, что Патриарх Тихон не мог этого сделать, он никак не прокомментировал этот план, и многие заключили, что он его одобряет. Однако его московские преемники решительно осудили его, и это вызвало раскол между находившимися в изгнании епископами, которые хотели совсем дистанцироваться от Москвы, и тех иерархов, которые считали важным поддерживать какой-то контакт с Москвой (не будучи ей подвластными), пока была надежда на то, что большевистский режим скоро рухнет. Такого мнения придерживался Евлогий, и когда разногласия стали слишком острыми, он создал в 1926 году отдельную Парижскую юрисдикцию.

Его попытки сохранить какие-то отношения с Патриархом, которым стал Сергей, встретили суровую отповедь. Сергей осудил его за то, что тот молился за преследуемых в России христиан, утверждая, будто таковых не существует. Поскольку Евлогий расходился во взглядах с Синодом, он со своей паствой предался под юрисдикцию экуменического Патриарха в Константинополе. Он попытался примириться с Карловацким Синодом, но их союз оказался непродолжительным.

Так обстояло дело, когда в 1938 году отец Николай приехал в Лондон, однако все шероховатости сглаживались присутствием архиепископа Нестора, его харбинского наставника. Нестор присутствовал на европейском Все-эмигрантском церковном Соборе, созванном советом епископов. Теперь он приехал в

Лондон, чтобы представить нового священника пастве, возвести его в сан архимандрита и даровать ему митру и посох. Отец Николай оказался единственным англичанином, удостоенным такой чести. Начало его пастырского служения в Лондоне было знаменательным.

Рядом с приходом св. Филиппа находилось здание Черчхаус, принадлежавшее РПЦЗ, где пребывал приходской священник; там, в подвальном помещении, у отца Николая была квартира. Небольшое монашеское сообщество процветало, и Гиббс участвовал в его жизни, насколько позволяли ему другие обязанности.

Главной заботой отца Николая было сообщество англо-говорящих православных прихожан на Бейсуоттерроуд. Он был необычайно рад этому, поскольку искал именно такой возможности. Он успел перевести на английский язык многие службы. Однако ему был чрезвычайно необходим церковный хор, поскольку без музыкального сопровождения его прихожане не смогли бы ощутить все великолепие православной церковной службы. В Югославии ему довелось услышать вокальную группу молодых женщин, которым хотелось попасть в Англию. Им был нужен учитель английского языка, а ему — хор. Поэтому отец Николай занялся их переездом в Англию и обеспечением жильем. За это они должны были выступать в качестве певчих. Они знали тексты гимнов на церковно-славянском языке, и отец Николай перевел их на английский таким образом, чтобы они легли на знакомую им мелодию. Сотрудничество оказалось удачным, и певчие его храма даже стали известны как «Белградские соловьи». После того как разразилась Вторая мировая война, молодые женщины не смогли вернуться домой и в большинстве своем навсегда обосновались в Лондоне.

Война принесла изменения и для отца Николая. Когда в 1941 году немцы начали бомбить британскую столицу, его отправили из Лондона, где отношения в приходе св. Филиппа охладели, в Оксфорд, чтобы создать там приход из эмигрантов, бежавших в этот университетский город: переводчиков, радиокомментаторов, ученых. Однако это назначение способствовало углублению раскола между различными церковными юрисдикциями — еще одного трагического события XX века, в которое оказался вовлеченным отец Николай.

В 1943 году Сталин провозгласил политику религиозной терпимости, что было актом сугубого лицемерия, продиктованного политической необходимостью поощрять патриотизм русского народа, столкнувшегося с мощной немецкой военной машиной. Тогда обман не был столь очевиден, и,

охваченные патриотическим чувством и болью за страждущую родину и гонимую Церковь, многие русские эмигранты захотели поверить в искренность вождя. Митрополит Евлогий поддался этому подъему, хотя примирился с Московской Патриархией лишь в 1945 году. Вскоре после этого он скончался. Примирился с Патриархией и возлюбленный друг Гиббса архиепископ Нестор, хотя в те бурные годы, благодаря строгой цензуре, отец Николай не мог этого знать. В 1948 году святителя уговорили приехать в Москву и тотчас же отправили в ГУЛаг.

Тем временем отец Николай приступил к работе с новыми прихожанами. Они встречались в снятой внаем часовне, которая некогда принадлежала средневековой лечебнице для прокаженных во имя св. Варфоломея, находящейся рядом со спортивной площадкой колледжа Орайел. Своеобразная смесь людей способствовала энергичной жизни прихода, и когда война окончилась, они процветали. Когда в колледж стали возвращаться студенты, ему вновь понадобилось помещение, и отец Николай отправился на поиски постоянного прибежища для прихода.

Он нашел три вполне подходящих здания на Марстон-стрит напротив Саули-роуд в восточной части Оксфорда и вложил большую часть своих сбережений в их приобретение. В одном из зданий некогда находилась аптека для бедных пациентов, и во время войны оно служило главной телефонной станцией для всего Оксфордшира. Отец Николай устроил свои апартаменты на втором этаже этого массивного здания, а первый этаж использовал как храм.

В 1946 году — году кончины митрополита Евлогия — отец Николай основал дом Св. Николая, как свидетельство своего преклонения перед Царем Николаем, которого он считал святым (формально храм был посвящен Св. Николаю, Мир Ликийских чудотворцу, одному из отцов Церкви). Отремонтировав здание, отец Николай извлек из сундуков и коробок, которые хранил почти тридцать лет и проехал с ними чуть ли не полсвета, удивительную коллекцию реликвий, связанных с Царской семьей и страшным цареубийством. Большая часть реликвий была найдена в разгромленных помещениях Ипатьевского дома в 1918 году и перевезена с разрешения генерала Дитерихса.

В центре храма отец Николай повесил люстру с розовыми стеклянными лилиями, спускавшимися с металлических зеленых листьев и гроздьев фиалок. Этот светильник некогда украшал спальню в последнем месте заточения Царской семьи. Неподалеку от алтаря он поместил царские валенки, которые упаковал в собственный багаж, полагая, что они могут еще пригодиться, когда вместе с остальными членами Царской семьи отправился из

Тобольска в Екатеринбург. Однако с Царем Гиббс так и не встретился. На стенах он расположил собрание икон. Некоторые из них были подарены ему членами Царской семьи, другие найдены в печах и мусорных баках в Ипатьевском доме. Имена Государя, Императрицы, Наследника и Великих Княжон поминались во время каждого богослужения.

Покупка зданий и их переделка оказались весьма дорогостоящими, и Гиббс израсходовал на них все сбережения, накопленные во время пребывания вместе с Царской семьей в Тобольске и на службе у Верховного комиссара, когда расходы на жизнь были минимальными. Все это время Гиббс регулярно посылал большую часть жалованья своему брату Перси с тем, чтобы тот положил деньги на банковский счет на самых выгодных условиях. Он также получал пенсию за годы, которые прослужил в китайской таможне. Сколько личных средств он вложил в свое детище, видно из письма, отправленного им в 1949 году разделявшему его интересы профессору де Шмидт, который основал русский православный центр в Нью-Йорке.

«В конце 1946 года я приобрел это здание за 2500 (фунтов), заплатив наличными 750 (фунтов), и получил остальную сумму, заложив его. Я израсходовал много денег на обновление дома, который во время последней войны использовался для военных целей и находился в плачевном состоянии.

Православная община в Оксфорде насчитывает всего 56–60 прихожан, в числе которых нет по-настоящему состоятельных людей. Пожертвований хватает лишь на текущие расходы, поэтому, вместо того, чтобы использовать дом Св. Николая в качестве музея и культурного центра для встреч и лекций, нам приходится сдавать в аренду почти все помещения для того, чтобы выплачивать закладные. Сам я не получаю от прихода никакого жалованья и живу на собственные сбережения, что в наши дни не так-то просто».

По просьбе профессора он вложил в письмо небольшую статью о своей жизни рядом с Царской семьей, заканчивавшуюся однозначным заявлением о своих намерениях.

«Дом Св. Николая в Оксфорде представляет собой попытку донести свет этой веры до главного интеллектуального и культурного центра Британской Империи. В доме хранится несколько памятков последних дней Царской семьи, и в некотором роде он является напоминанием об упокоении их душ в Царствии Небесном, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная».

Хотя отец Николай неохотно говорил или писал об Императорской семье, но когда он изменял этому правилу, то

никогда не забывал упомянуть об их набожности и святости, а также о чистоте их помыслов посреди страданий. Он надеялся использовать три дома в Оксфорде для создания в них музея, используя свои памятки, чтобы привлечь экспонаты от других членов общины, а также превратить их в русский культурный центр для проведения лекций, чтений и вечеров, однако финансовое положение не позволило ему сделать этого. Правда, отец Николай превратил кабинет-библиотеку, расположенную сразу за храмом, в миниатюрный музей. Здесь он демонстрировал многие фотографии, которые снял в Царском Селе, Тобольске и Екатеринбурге, вместе с тетрадами Марии и Анастасии; некоторые предметы фарфоровой посуды из Тобольска с Императорскими гербами; пенал, некогда принадлежавший Наследнику; колокольчик, с которым тот играл; бронзовый герб с яхты «Штандарт»; коллекцию укреплявшихся на конских дугах колокольчиков и множество других предметов, которые он сохранил.

Отец Николай честно служил общине дома Св. Николая и стал хорошо известен как в православных кругах, где производил впечатление своей внешностью — высокий, худощавый, с красивой белой бородой, — так и в самом Оксфорде, где всем казался весьма эксцентричной личностью. Некролог, опубликованный в газете Cardiff Western Mail 27 марта 1963 года, вскоре после его смерти, дает представление о его своеобразных и далеко идущих попытках распространить «свет этой [православной] веры», а также о том впечатлении, которое он оказывал на людей, которые с ним встречались.

«Кончина архимандрита Николая Гиббса в Лондоне означает отказ от планов создать ветвь Русской Православной Церкви в Уэльсе.

„Основав небольшую церковь в Оксфорде... он очень хотел создать такую же в Уэльсе“, — заявила вчера у себя в Хемпстеде мисс Дженни Уильямс, специалист по народной музыке.

Он верил, что население Уэльса с большой симпатией отнесется к чину русского православного богослужения, потому что оно не только очень красиво по форме, но еще и потому, что при этом нет инструментального сопровождения, и поэтому оно идеально для такой нации, как валлийцы. Хотя я являюсь членом Валлийской пресвитерианской церкви, я была настолько поражена его приверженностью Уэльсу, что обещала оказать всяческую поддержку проекту, показавшемуся мне чрезвычайно увлекательным.

Однако в связи с его смертью продолжать эти усилия будет бессмысленно».

Благодаря своей обходительности Гиббс приобрел много друзей в Оксфорде. Особенно близок к нему был Георгий Катков — русский ученый, специалист по немецкому влиянию во время Первой мировой войны. Это был человек, с которым отец Николай охотно делился своими воспоминаниями о Царской семье. Изучая многие секретные немецкие документы, ставшие доступными после Второй мировой войны, Катков установил, насколько глубоко увязла Германия в финансировании подрывных сил, чтобы ослабить власть Николая II, и в снабжении оружием его политических врагов во время Великой войны. Оба собеседника до утра засиживались за разговорами, и когда солнце вставало, отец Николай совершал долгую прогулку домой.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА принесла перемены и для Георгия, приемного сына Гиббса. Будучи чужаком по рождению, он был вынужден оставить свою ферму на побережье и вместе с семьей переехать в Кемден. К этому времени он отказался от своей русской фамилии Савельев, переименовал ее на фамилию Гиббс и поступил на службу в королевские ВВС. После войны Джордж работал продавцом книг у многих издателей. При любой возможности отец Гиббс навещал семью приемного сына, и его приемный внук Джордж признавался, что визитов его ждали не очень радостно — главным образом потому, что приходилось выключать радио, а Джордж, тогда подросток, смущался, когда приходилось ходить за покупками в обществе этой странной фигуры в черной рясе и с белой бородой. Когда мальчики, Чарльз и Эндрю, выросли, проблемы эти разрешились сами собой, и они часто сопровождали отца в Оксфорд, чтобы отремонтировать дома, которые однажды перейдут к ним по наследству.

Когда отец Николай приехал в Оксфорд в 1941 году, ему исполнилось шестьдесят пять лет, и к 1952 году он почувствовал, что ему необходима помощь. Он рассказал о возникшей ситуации своему старинному другу, баронессе Буксгевден, в 1956 году, когда из-за пошатнувшегося здоровья ему пришлось отказаться от половины своих обязанностей.

«Ваше письмо пришло ко мне сюда, когда я обзавелся небольшой квартиркой возле Риджентс парка и в пределах Академического центра, окружающего Лондонский университет, откуда прибыли и другие жильцы этого дома.

Когда мои обязанности не задерживают меня в Оксфорде, где, как мне кажется, православная община, основанная мною, крепнет, я провожу там большую часть своего времени. Прошло уже четыре года после того, как я пригласил к себе сына стольпинского министра земледелия [Кривошеина], который 25 лет монахом провел на Афоне после того, как получил ученую

степень в Сорбоннском университете. Эти годы он провел над изучением рукописных трудов святых отцов. Отец Василий стал теперь довольно известным ученым, по-прежнему занимающимся той же работой. На второй год после его приезда я договорился о его рукоположении и назначил его на должность настоятеля. После того как на него были возложены все обязанности по службе в храме, я стал свободен и могу приезжать и уезжать когда мне заблагорассудится».

Он ничего не говорит о недугах, которые терзали его такими болями, что он прибегал к самым крайним мерам, чтобы получить какое-то облегчение. Почти половину своей крохотной квартирки он использовал для того, чтобы устроить в ней сауну, в которой сидел часами.

Не упоминает он и о другом решении, которое принял в 1945 году, — решении, которое повредило ему, как настоятелю храма, чего он не ожидал. В том году он признал Московскую Патриархию, в убеждении, что ее возрождение означает полное изменение политики Русской Православной Церкви посредством объявления ее независимости. Еще Петр Первый упразднил Патриаршество, учредив взамен него Святейший Синод, над которым он имел полный контроль, и перед Великой войной и революцией предпринимались серьезные попытки реформирования Церкви, главной задачей которого было восстановление Патриаршества.

Решение отца Николая произвело шок и вызвало уныние среди его друзей, членов Русской Церкви в изгнании, приведя к болезненной для него изоляции. Он больше не мог ни служить, ни причащаться в приходе, с которым был так тесно связан и где его искренно любили. И все равно, по словам его друга Джона Харвуда, он, похоже, чувствовал себя гораздо уютнее в Успенском соборе, чем в патриархийном храме.

В оксфордской общине то и дело происходили столкновения. После войны большинство эмигрантов уехало из Англии, и руководству Церкви стало ясно, что если православие суждено процветать в Оксфорде, то это произойдет не на Марстон-стрит. В 1959 году русский приходской совет решил переехать на Кентербери-роуд, где д-р Николай Зернов основал храм св. Василия и св. Макрины (в настоящее время церковь Св. Троицы и Вознесения в Оксфорде). Туда переехал и отец Василий Кривошеин, впоследствии рукоположенный в сан архиепископа. Отец Николай очень огорчился, но поделать ничего не смог.

Последние годы жизни Гиббса были освещены знакомством с несколькими молодыми друзьями. Один, убежденный англо-католик, Питер Ляселль, был хорошо известен в лондонских

церковных кругах, потому что он поочередно посещал англиканскую, римско-католическую и православную церкви. Он изучал богословие в стамбульском университете Халки и знал православное богослужение и музыку. Он сильно привязался к отцу Николаю и всячески помогал ему: возил его туда, куда ему было нужно, и исполнял роль певчего, когда тот служил Божественную литургию, будучи иногда в храме один, или же делал это в небольших часовнях вроде той, которая находится в Уолсингеме. В то время как отец Николай исполнял молитвы на английском и церковнославянском языках, Ляселль вторил ему по-гречески, однако эта смесь не производила впечатление диссонанса. Должно быть, эта дружба произвела на Ляселля сильное впечатление, поскольку за две недели до смерти в 1990-х гг. он принял святое Православие и был погребен в Эммексе в монастыре брата Софония.

Поездки Гиббса из Лондона в Оксфорд и обратно продолжались даже тогда, когда силы отца Николая пошли на убыль. Когда Дэвид Битти приехал в Оксфорд, чтобы в колледже Линкольна изучать древние языки, а затем русский, он услышал увлекательные истории про отца Николая и, с интересом разглядывая облаченную в черное фигуру, решил, что это и есть тот самый монах. В 1961 году, совершенно неожиданно, всего за два года до смерти отца Николая, Гиббс и Битти, который присутствовал на праздничном собрании в англиканской церкви, встретились в Лондоне. За чашкой чая с хересом в доме священника он увидел в окно неожиданного гостя, который шел по садовой дорожке. Это был не кто иной как отец Николай, который, приезжая в Лондон, часто навещал священника. Гиббса представили Битти, который только что вернулся из Москвы, где выступал переводчиком на Первой Британской Торгово-Промышленной ярмарке, и оба затеяли разговор.

Чувствуя симпатию Битти к Царской семье, отец Николай целый час рассказывал ему о своей жизни при Царском Дворе, восхваляя несомненные добродетели Государя и Государыни и выражая теплые чувства к Наследнику — такому отважному и мужественно выносившему страдания. Лишь к концу встречи Битти узнал, что он «удостоился большой чести», поскольку бывший наставник Царских детей редко рассказывал об Августейшей семье.

За два года они встречались всего три раза. За это время Битти сделал ряд записей, представляющих особый интерес для исследователя. В мае 1962 года, во время традиционных празднеств по случаю дня Вознесения в колледже Линкольна, он заметил отца Николая и подошел к нему, чтобы поздороваться.

Архимандрит приехал в Оксфорд с целью попытаться продать два своих коттеджа, поскольку закон запрещал повышать арендную плату, хотя ему все еще приходилось выплачивать суммы по закладным, а цены на товары первой необходимости выросли.

В этот же день, по окончании празднеств, Гиббс решил навестить нового знакомого, полагая, что ему скучно. Битти заметил, что у отца Николая быстро иссякают силы и эта их встреча может оказаться последней. Он похудел и сгорбился, однако «у него было счастливое лицо, розовые щеки, блестящие голубые глаза и белоснежная борода — довольно растрепанная и жидковатая, которая спускалась до середины груди. У него была связная, толковая речь и совершенно ясный ум. Он произвел на меня впечатление человека простого и в то же время практичного. Мистиком он не был. Несмотря на его сложную жизнь и необычную внешность, он был настоящим англичанином как в отношении взглядов на бытовые проблемы, так и в отношении чувства юмора... У него была властная натура; к такому человеку, как он, следовало прислушиваться и не спорить с ним».

Описание того, как он был одет, способно повергнуть читателя в шок. Все эти годы внимательно относившийся к своей внешности и всегда ухоженный, теперь он был очень скромно одет.

«По существу, он походил на оборванца. На нем была вытертая ряса. В правой руке у него была палка [посох архимандрита], на сгибе левой руки висела большая старая продуктовая сумка черного цвета».

Несмотря на затрапезный вид, отец Николай не был совсем бедным. У него имелась недвижимость, хотя она и не приносила ему никакого дохода. Оксфордские дома были заложены и завещаны храму. Дом на Бродстейрс, был, похоже, своего рода убежищем для русских и, возможно, лиц других национальностей, которым туго пришлось в те времена. Квартира в Риджентс парке, оставленная им для себя, была крохотной. Он предложил Битти останавливаться на Бродстейрс всякий раз, как тот появится в Лондоне. Если же там не найдется места, то он сможет занять чердачное помещение.

Во время их последней встречи у Гиббса проявился черный юмор. Все, кто видели архимандрита, обращали внимание на поразительно гладкую кожу священнослужителя, несмотря на его восемьдесят шесть лет. Он приоткрыл секрет Битти:

«Вы когда-нибудь наблюдали за тем, как ведет себя змея? Она регулярно сбрасывает кожу, то же самое делаю и я. В моей лондонской квартире у меня имеется очень мощный электрический камин и очень маленькая комната.

Я включаю камин и жду, пока в комнатке не станет очень жарко. Тогда я раздеваюсь и обливаюсь водой и сижу в комнатке. Очень скоро с меня сходит вся кожа, и я вновь становлюсь молодым. Но, видите ли (при этом он с улыбкой посмотрел на меня), мне не удастся найти учеников, которые последовали бы моему примеру».

Вскоре здоровье отца Николая стало быстро ухудшаться, и 24 марта 1963 года он скончался в госпитале св. Панкратия. По словам Джона Харвуда, который в течение последних месяцев несколько раз навещал его вместе с Ляселлем, Гиббс, хотя был стар, немощен и беден, все равно улыбался. И недаром: ведь он выполнил задачу, поставленную перед собой, посвятив свою жизнь и свои средства тому, чтобы свидетельствовать о святости и благородстве Царственных Мучеников и об истинности и красоте их православной веры.

После кончины архимандрита Дэвид Битти вместе с одним из своих друзей навестил Джорджа Гиббса в его лондонской квартире с целью выяснить, не существует ли опасность, что документы отца Николая и Царские памятки окажутся рассеянными. Джордж заверил их, что этого не произойдет, а затем проводил гостей в спальню архимандрита и показал им икону, висевшую над кроватью. Она была подарена ему Царской семьей. По словам Джорджа, за многие годы ее краски успели поблекнуть, но за три дня до смерти отца Николая они стали такими же яркими, как прежде. Казалось, это Царская семья прислала ему дар с Небес, вознаградив его за долгую и преданную службу и дружбу как при их жизни, так и после кончины.

Приложение. О Царе и его святости

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ Церковь Заграницей канонизировала Царственных Мучеников в 1981 году, в то время как московский Патриарх Алексий II не решился причислить их к лику Мучеников. В 1997 году, когда возникли споры вокруг захоронения останков Царской семьи, наконец-то обнаруженных под Екатеринбургом, Святейший, как отмечал журнал *Orthodox Observer* [«Православный наблюдатель»] (сентябрь 1997) заявил, что «Царь Николай II и его семья не заслужили такой чести, как правители государства и лидеры Церкви, до того, как были казнены в 1918 году. Его жизнь, его поступки... первая русская революция, отречение — все это рассматривается Церковью и обществом неоднозначно». Далее он выражал свои сомнения относительно идентификации костных останков, которые подверглись ДНК-анализу, и назвал их «Екатеринбургскими останками». В похоронах, состоявшихся в Санкт-Петербурге, Патриарх не участвовал, но отслужил панихиду по невинно убиенным членам Царской семьи и их верным слугам в подмосковной Троице-Сергиевой Лавре.

Отец Николай начал свидетельствовать об их святости много десятилетий назад, но, верный своему обычаю, свидетельствовал делами, а не словами. Поэтому вполне уместно сказать несколько слов о Царе и его святости.

Николая II принято считать слабым, бездарным правителем, который довел свою страну до несчастья — несчастья, которого можно было бы избежать, даровав России конституцию и учредив более демократическое правительство. Но эти обвинения не выдерживают критики, поскольку трудности, стоявшие перед ним, были неизбежными. Он попал между двух жерновов, оказавшись в центре столкновения двух миров, сошедшихся в смертельной схватке. Эта схватка уничтожила его самого и тот прежний мир, который он любил и поклялся защищать. Если бы он был наделен более жестким, готовым к столкновениям характером и был способен на политическое маневрирование и интриги, то он, возможно, выдержал бы оборону немного дольше, хотя нам трудно представить себе, чтобы он смог победить в конечном счете. Силы, обрушившиеся на него, были слишком велики, слишком жестоки, слишком неуловимы и успели обосноваться в его собственной твердыне.

Эта линия фронта возникла задолго до того, как Николай II вззошел на трон — когда Западный мир стал в различной степени осваивать социал-демократическую идеологию, пытаясь с

помощью просвещенной социальной доктрины и экономического процветания превратить человечество в сознательных граждан, лишенных эгоистических принципов и пригодных для нового порядка. В этом увлекательном светском мире гуманистическая вера быстро вытесняла традиционную религию. В предполагаемом новом мире, где человек сможет управлять не только самим собой, но и природой, Царство Небесное становилось устаревшим понятием; внимание, направленное на то, чтобы достичь его, стало бы только отвлекать силы от выполнения настоящей задачи построения общества, где каждый волен распоряжаться своей судьбой. Понятие божественного изгонялось из жизни ради примитивной социализации, а роль правительства низводилась до того, чтобы откликаться на волю народа, наделенного властью, причем такого народа, который отвернулся от Бога. Эта волна пробудившихся ожиданий нахлынула на Россию со всей силой за несколько десятилетий до того, как Николай II стал Императором, однако его воспитание, его сердечные наклонности, его природные инстинкты привязывали его к старому порядку, который «не прославлял индивида и не верил в его право выбирать собственный путь в жизни». Хотя Николай не желал, а, возможно, не смог сформулировать теологические и политические последствия такого наступления, он ощущал их всем своим существом, и его реакция было сугубо русской, сугубо православной. Он видел маячившую впереди катастрофу и принял на себя роль, уготованную ему судьбой, со страхом и трепетом, зная, что она может стоять ему всего, что у него есть; однако он твердо верил в предназначение русского Царя и целиком посвятил ему себя. Его священное коронование «представляло соединение в молитве Бога, Царя и православного народа». В коронационной молитве он обратился к Богу: «Боже Отцов и Господи милости, Ты избрал мя еси Царя и Судию людям Твоим... Владыко и Господи мой, не остави мя... вразуми и управи мя в великом служении сем... Буди сердце мое в руку Твою, еже вся устроиши к пользе врученных мне людей и к славе Твоей, яко да и в день суда Твоего непостыдно воздам Тебе слово...» Царь почти ежедневно повторял эту молитву. Консерваторам была слишком известна порочность человечества, чтобы верить, будто с помощью законов можно его исправить. Что касается демократического процесса, то он, похоже, распахивал двери перед анархией, поскольку индивиды требовали, чтобы правительство удовлетворяло их личные интересы, даже самые низменные и эгоистические; а честолюбивые политики настаивали на том, чтобы покориться мифической «воле народа».

России, которую знали консерваторы, был нужен Царь.

Николай II оказался в чрезвычайно сложном положении. «Прогрессивные» силы, жаждавшие покончить с самодержавием и присоединиться к светско-гуманистической волне, сосредоточились в крупных городах — Москве, Санкт-Петербурге, Киеве. Они состояли из интеллигентов, которые успели испить из источников французской и немецкой политической теории, а также аристократов, побывавших за границей и недовольных, по их мнению, отсталостью своей родины.

За пределами городов жили крестьяне, составлявшие четыре пятых населения страны и представлявшие собой обособленную, характерную культурную группу, а не забитый, опустившийся народ, населявший мечты социал-демократов.

Фактически крестьяне враждебно относились к революционерам, которые намеревались учить их уму-разуму. «Нет никаких причин полагать, что крестьянин относился к крепостному праву, которое приводило в ужас интеллектуалов, как к невыносимому бременю». Заботы крестьян не носили политического характера, им была нужна земля, и после отмены крепостного права в 1865 году и реформ, предпринятых Столыпиным, они ожидали, что Царь дарует ее им со дня на день. После этого они стали бы жить, как и прежде, деревенскими общинами.

Деревни эти были, по существу, небольшими, почти независимыми сообществами, управлявшимися патриархальными законами поведения, где права отдельной личности ничего не значили и где верх держала воля общественности. Царские чиновники вмешивались в жизнь лишь для того, чтобы собирать подати и набирать рекрутов. Крестьянский образ жизни мог показаться трудным, тяжелым и убогим постороннему человеку, но только не сильному, выносливому крестьянину, чьи беды и удачи были связаны с природой и воспринимались им с известного рода смирением и достоинством. Его живописный, украшенный богатой вышивкой костюм, замысловатая резьба по дереву, которой он занимался во время зимней передышки, заводные частушки и пляски свидетельствовали о его грубоватой, но страстной натуре.

Даже их труд представлял собой своего рода ритуал.

«Перед севом озимых следовало обращаться к Борису и Глебу и закончить его до праздника этих святых... Василий — покровитель свиней, Козьма и Демьян врачуют болезни домашней птицы, Зосима заботится о пчелах, Еремей — об орудиях труда, Флор и Лавр охраняют лошадей. Анастасий присматривает за овцами; и таких святых множество... Если тут и можно говорить о

суевериях, то они заметны ничуть не больше, чем в других странах. Но разве такие обычаи не украшают их образ жизни? Каждый вид деятельности связан с той или иной церемонией, столько дней вычеркивалось из нудного круговорота, каждый вид работы благоговейно посвящался его святому покровителю и тем самым приобретал особое значение».

Николай II твердо верил этим стойким людям, которых считал «подлинными русскими». Проблема заключалась в том, что они были аполитичны, и хотя глубоко почитали Царя, как Помазанника Божия, им было чуждо понятие патриотизма, они не чувствовали себя связанными с судьбой страны, находившейся за пределами их деревни, и потому были не в состоянии оказать ему дружную поддержку.

Городские интеллектуалы были гораздо более воинственными. После манифеста 1905 года, даровавшего населению свободу слова, печати, собраний и союзов, газеты и журналы принялись систематически разрушать авторитет и достоинство самодержавия, предприняв кампанию по распространению ложных слухов. Эти клеветники специализировались на сочинении историй о влиянии Распутина на Царя, о его отношениях с Царицей, о немецких родственных связях Александры Феодоровны, а во время войны, когда армию преследовали неудачи, — о предательстве Императора и Императрицы. Когда Временное правительство предприняло тщательные расследования после отречения Николая II, не было обнаружено ни единого доказательства, подтвердившего обвинения, однако страшный вред был уже нанесен. Печать явилась средством, которое использовали политические противники Императора, чтобы питать непрерывный поток критики, указывающей на то, насколько он отставал от времени и политической жизни.

Западный мир был вовсе не намерен терпеть существование Царя-самодержца; и хотя он был их союзником в Великой войне, Запад его презирал. Когда возникла Дума и в 1905 году была дарована ограниченная конституция, английская лейбористская партия направила в Санкт-Петербург делегацию, чтобы поздравить демократов

и заставить их продолжить наступление на власть. «Как они были бы недовольны, если бы от нас поехала депутация к ирландцам и пожелала тем успеха в борьбе против правительства!» — писал по этому поводу Государь Императрице Матери.

Французский посол Палеолог, размышляя о том, «сколько архаичного и отсталого, примитивного и устарелого в

социальных и политических учреждениях России», заключил, что Европа оказалась бы в таком же состоянии, если бы там не было «ни Возрождения, ни реформации, ни Французской революции». Он был прав: православному миру повезло, что он избежал таких потрясений. Американский комментатор в журнале The Nation так отозвался о самодержавии: «Это конкретная и видимая опасность для свободного и мирного развития всего мира».

Но несмотря на все эти злопахательства — разве Николай II был жадным до власти деспотом? Он всем сердцем любил свой народ и искренне желал ему благополучия. Его постоянно бомбардировали советами достичь этого, распахнув двери прогрессивным силам, но он воспринимал их как путь к духовной гибели; он приводил в отчаяние некоторых своих друзей и всех врагов тем, что был непоколебим в своих убеждениях. Он знал, что его подданные были все еще искренне верующими христианами, а не толпой пробудившихся к политической жизни людей, требующих освобождения, какими они представлялись западным либералам и изображенных революционерами в романтических красках. Он был искренно убежден, что они еще не готовы к конституционной форме правления. С тяжелой душой он подписал манифест 1905 года, потому что его коронационная клятва не допускала передачи персональной ответственности в чужие руки, и Основные Законы не предусматривали передачу монархом своих прав выборному органу.

Кроме того, перед Россией стояли такие серьезные проблемы, с которыми не сталкивались западные государства. Возникавший средний класс был слишком молод и немногочислен, чтобы вести страну к представительной демократии, а ее население состояло из такого множества различных этнических и культурных групп, что было невозможно обозначить «русский народ» или «русскую культуру». Единственным объединяющим началом была символическая, священная власть Царя.

По воле судьбы Николай II оказался в этой роли в бурную эпоху, но он полагал, что такова Божья воля. Он был готов к страданиям и славе, особенно к страданиям. Он часто напоминал своим друзьям и министрам, что родился в день Иова Многострадального. В беседе со Столыпиным он заявил: «Поверьте мне, Петр Аркадьевич, у меня более чем предчувствие, у меня в этом глубокая уверенность: я обречен на страшные испытания; но я не получу моей награды здесь, на земле...» По словам Пейрса, «твердая фаталистическая убежденность Николая II в своей миссии Помазанника Божия заставила его верить, что он прежде всего жертва, страдалец за свой народ».

Как сообщила А. А. Вырубова, при встрече с французским

послом Государь сказал: «„Быть может, необходима искупительная жертва для спасения России. Я буду этой жертвой. Да свершится воля Божья!“ Говоря нам эти слова, он был очень бледен; но лицо его выражало полную покорность, — добавила она».

Одной из сложнейших проблем, стоявших на повестке дня, был вопрос о земле. Все об этом знали, но как было к ней приступить? Крестьяне требовали земли, но нельзя было позволить, чтобы они захватывали ее. Землевладельцам следовало компенсировать стоимость земли, и эту трудную, деликатную задачу надо было решить надлежащим порядком.

Эти острые проблемы постоянно висели в напряженной атмосфере, созданной враждебными правительству политическими партиями и революционными террористами, которые так и не отказались от пути насилия и убийств. Когда в 1914 году разразилась война, требовавшая всех сил и ресурсов страны, Николай II объявил о своем намерении даровать конституцию и продолжить земельную реформу, но настаивал на том, чтобы досконально разработать эти вопросы после разгрома немцев. Поскольку Царь был предан до того, как это произошло, мы никогда не узнаем, каким могло бы стать будущее России.

Многие историки пришли к выводу, что Николай II был неудачным правителем в неудачное время, но те, кто утверждает подобное, не принимают во внимание подлинную личность Государя. Его обычно осуждают вовсе не за недостатки, как руководителя. Многие называют его человеком недалеким, в то время как он был очень умен и тотчас схватывал суть проблем, с которыми к нему обращались. Он свободно говорил на французском, немецком, английском и русском языках и обладал исключительной памятью. Политиканом он не был, потому что получил образование скорее военного, чем государственного мужа, однако добросовестно старался понять трудности, встававшие перед ним, читал каждый доклад, представленный ему министрами, и подчас должен был преодолевать себя, принимая то или иное решение. Его нежелание проводить «прогрессивную» политику рассматривалось как косность и вызывало гнев враждебных сил, быстро приобретающих значение.

Удивительное самообладание Николая II, которое так часто отмечали, досталось ему нелегко, поскольку он был подвержен приступам страха. В августе 1896 года он писал матери: «У меня случился один из нервных срывов, который напомнил мне о прежних днях, когда они случались со мной перед каждым смотром. Я побледнел и задрожал всем телом. После того как четыре батальона и Артиллерия выпили [за] мое здоровье, я

почувствовал себя лучше и попытался выглядеть веселым, в особенности когда беседовал с господами офицерами после завтрака». Он признается, что подобное случилось с ним в Париже во время государственного визита во Францию. Однако его неизменное спокойствие, которое стало свойственно ему, зачастую рассматривали как слабость или нерешительность те люди, которые ожидали от Царя цветистости речи, самоуверенности и даже гнева.

Лили Ден пишет в своих мемуарах: «Его [Государя] обвиняют в слабоволии, — проговорила она [Императрица] с горечью — Как же плохо люди знают своего монарха. Он самый сильный, а не самый слабый. Уверяю вас, Лили, какого громадного напряжения воли стоит ему подавлять в себе вспышки гнева, присущие всем Романовым. Он преодолел непреодолимое — научился владеть собой, — и за это его называют слабовольным. Люди забывают, что самый великий победитель — это тот, кто побеждает самого себя». Это самообладание сослужило ему добрую службу в трудные военные годы и минуты отречения, способные сломить любого; оно поддерживало его близких в мрачные дни заточения.

«Быть счастливым в своем доме, — сказал Сэмюэль Джонсон, — это цель всех человеческих усилий», но даже счастливая семейная жизнь Николая II являлась предметом насмешек в надменных кругах петербургского света. И все же сила любви к семье и сила веры видны в каждом рассказе о добром настроении членов Семьи, не изменявшем им в те долгие месяцы, когда они жили в тесноте, встречая одни монотонные сутки за другими.

Даже набожность Царя и его семьи подвергалась осмеянию, хотя она была глубокой и искренней и являлась источником всех их других добродетелей. Возможно, Государь слишком верил, что сила добра победит в мире, и не сразу замечал зло даже во врагах, однако, как он часто объяснял, это мало его тревожило, потому что он предал себя и свой народ в руки Господа и верил, что его усилия будут благословлены и его страна станет процветающей. Каким испытанием явилось для него то, что, несмотря на его молитвы и веру в Божье милосердие, силы зла победили, сведя на нет доставшиеся дорогой ценой военные победы, разорив его страну, а его самого и самых дорогих ему людей соделав узниками. Несмотря на такие противоречия, вера никогда не изменяла членам Царской семьи и, как мы, убедились, они смогли простить своих мучителей. Неужели они недостойны того, чтобы их оценили по справедливости?.

Преподобный Силуан Афонский полагал, что любовь к врагам

является единственным критерием истины.

«Слово это — „любите врагов ваших“ — есть тот огонь, который извел на землю Господь Своим Пришествием (Лк. 12: 49); это тот Несозданный Божественный Свет, который воссиял апостолам на Фаворе... Это Царство Божие в нас, пришедшее в силе (Мк. 9:1); это полнота человечности и совершенство богоподобия (Мф. 5: 44–48)».

В 988 году князь Владимир крестил Русь. После его кончины двое из его сыновей, Борис и Глеб, узнали, что их старший брат Святополк, не желая делиться властью, вознамерился убить их самих и остальных восьмерых братьев. Вместо того чтобы собрать дружину и сразаться со Святополком, они последовали примеру Христа и предалися наемникам брата, чтобы спасти жизни своих сторонников. Их пример завоевал сердца людей, и Борис и Глеб стали первыми русскими святыми.

Когда в 1917 году туча нависла над русской землей, на какое-то время затмив христианскую веру, последний Царь последовал примеру первых князей-страстотерпцев и отказался от Престола, чтобы сохранить единство народа и обеспечить поддержку, необходимую для победы над Германией: «...В эти решительные дни в жизни России сочли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с себя Верховную власть...»

Об авторе

Кристина Бенаг проживает в Нэшвилле (штат Тенесси, США). Получив образование в университете Вандербильта, она занялась писательским ремеслом. Впоследствии стала работать редактором. Опубликовала две книги, несколько журнальных статей и множество книжных рецензий.

Интерес автора к личности отца Николая (Гиббса) был вызван его «духовным паломничеством» от англиканской церкви к Православию, поскольку она сама прошла таким же путем. Правда, в отличие от Гиббса, с нею при этом не произошло столько захватывающих событий. Проследив путешествие Гиббса из Англии в Россию и за ее пределы, автор с интересом исследовала многие исторические и богословские вопросы.

О книге

Воспитатель детей русского императора Николая II, их спутник в заточении, пионер в распространении Православия в Великобритании и строитель православной церкви в Оксфорде, в течение своей долгой жизни архимандрит Николай был свидетелем многочисленных событий, происходивших в разных частях света. Я рад, что написанная госпожой Бенаг обстоятельная и благожелательная биография Гиббса будет опубликована... Этот труд является достойным памятником архимандриту Николаю (Гиббсу) и получит высокую оценку читателей.

Епископ Диоклийский Каллист (Уэр)

